ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русин

2020. Том 61

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русин

2020. № 61

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York

International Historical Journal

RUSIN

2020. Nr. 61

Association "Rus'" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Сергей Суляк
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора
Дмитрий Катунин
Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь
Никита Глущенко
Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк
Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев
Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов
Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова
Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев
Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов
Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов
Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований (США)

Михайло Чучко
Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка
(Канада)

Петр Шорников
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса
Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Sergey Sulyak
St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief
Dmitry Katunin
Tomsk State University (Russia)

Executive Editor
Nikita Glushchenko
Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga
Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev
Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov
The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova
Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev
Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev
Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodol'
Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov
Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov
International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka
(Canada)

Petr Shornikov
Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa
University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus"". P.O. box 1041, Kishinev, MD 2028, Moldova,
Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru
© Association "Rus"", 2005-2020

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора 7

ИСТОРИЯ

Рахно К.Ю.
Внешность населения Киевской Руси в византийских источниках 10

Абеленцева О.А.
«Крест золотой митрополита»: к вопросу о прочтении одного источника 24

Суляк С.Г.
Н.И. Надеждин и Карпатская Русь 41

Ведерников М.В.
Словацкий вопрос в годы Великой войны (на примере Словацко-русского общества памяти Л. Штура) 67

Богомазов Н.И.
Организация русского управления железных дорог Галиции (сентябрь 1914 – февраль 1915 г.) 91

Сакал І.
Спроба створення русинської автономії в Угорщині у 1918–1919 рр. 111

Шевченко К.В.
Украинское движение и политика Чехословакии в русинском вопросе в межвоенный период в освещении газеты «Американский русский вестник» 132

Пиковская Т.В.
Национальный вопрос в программах русинских политических партий в Подкарпатской Руси (1918–1938 гг.) 149

Тельвак В.В., Наконечний В.М.
Становище русинської меншини в Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко» 166

Казак О.Г.
Деятельность украинофильских эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии 183

ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

Соколова Т.С., Старикова Г.Н.
***Полдень, полночь* в аспекте номинативной деривации (на материале восточнославянских языков) 203**

CONTENTS

Editorial **7**

HISTORY

Rakhno K.Yu.
The Image of the Kievan Rus Population in Byzantine Sources **10**

Abelentseva O.A.
"Metropolitan Golden Cross": On One Source Interpretation **24**

Sulyak S.G.
N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus **41**

Vedernikov M.V.
The Slovak Question during the Great War (a Case Study of L. Štur Slovak-Russian Society) **67**

Bogomazov N.I.
The Russian Administration of Galician Railways (September 1914 – February 1915) **91**

Szakál I.
An Attempt to Create a Rusin Autonomy in Hungary in 1918–1919 ..... **111**

Shevchenko K. V.
Ukrainian Movement and Czechoslovak Policy in the Rusin Question during the Interwar Period as Reflected by *Amerikansky Russky Viestnik* **132**

Pikovska T.V.
National Issue in the Programs of Rusin Political Parties in the First Czechoslovak Republic (1918–1938) **149**

Telvak V.V., Nakonechnyj V.M.
The Rusin Minority in the Second Polish Republic According to *Nash Lemko* Newspaper **166**

Kazak O.G.
Activities of Ukrainophile Emigrants from Subcarpathian Rus in the Protectorate of Bohemia and Moravia **183**

LANGUAGE AND LINGUISTICS

Sokolova T.S., Starikova G.N.
***Polden, Polnoch* in the Aspect of Nominative Derivation (Based on Material from Eastern Slavic Languages)** **203**

DOI: 10.17223/18572685/61/1

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

COVID-19 и режим изоляции нарушили некоторые планы нашей редакции: поставили под вопрос проведение ряда научных мероприятий, «удлинили» выпуск номеров журнала.

Однако, несмотря на это, продолжаются и выпуск журнала, и проведение некоторых конференций (новости на сайтах конференций).

Летом стали известны показатели журнала за прошлый год и иные новости от различных международных библиографических баз.

В Web of Science Core Collection размещены все материалы журнала с начала его выпуска. Правда, ряд статей прошедших лет доступен только при подписке.

В БД Scopus по итогам 2019 г. журнал «Русин» в Q1 – в категориях *История, Литература и литературоведение*; в Q2 – в категориях *Антропология, Язык и лингвистика, Лингвистика и язык, Социология и политология*.

Процентили «Русина» (показывают относительное положение журнала в определенной отрасли знания в зависимости от его показателя CiteScore; чем выше процентиль, тем выше авторитетность журнала) следующие:

В категории *Arts and Humanities* (*Искусство и гуманитарные науки*):

– Literature and Literary Theory (Литература и литературоведение) – 92-й процентиль (59-е место среди 823 журналов);

– History (История) – 77-й процентиль (284 из 1 259);

– Language and Linguistics (Язык и лингвистика) – 65-й процентиль (289 из 830).

В категории *Social Sciences* (*Социальные науки*):

– Linguistics and Language (Лингвистика и язык) – 63-й процентиль (321 из 884);

– Anthropology (Антропология): – 50-й процентиль (198 из 398);

– Sociology and Political Science (Социология и политология) – 41-й процентиль (724 из 1243).

Неплохие показатели у журнала и в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). «Русин» занял первые места по итогам 2019 г. в таких важных категориях, как *двухлетний импакт-фактор РИНЦ* и *двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования* по тематике *История. Исторические науки* среди 233 представленных в ней

журналов. Также первые места у издания по этим показателям и по тематике *Языкознание*, где представлено 200 журналов.

Все материалы «Русина» находятся в свободном доступе. Они размещены на различных сайтах. На наш взгляд, для поиска нужных статей и авторов лучше использовать либо сайт журнала (http://journals.tsu.ru/rusin), либо российскую научную электронную библиотеку *КиберЛенинка* (https://cyberleninka.ru).

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear members of the Editorial Board, authors and readers,

COVID-19 and the lockdown have interfered with some of our plans, challenged some academic events and delayed the issue of the journal. However, the journal as well as conferences go on (the updates can be found on the conference websites).

In the summer, we received the journal statistics for the last year as well as other updates from various international bibliographic databases. The Web of Science Core Collection has published all the issues of the journal since its start. Unfortunately, a number of past year papers are available only by subscription.

The Scopus has rated *Rusin* as Q1 in *History, Literature and Literary Studies* and Q2 in *Anthropology, Language and Linguistics, Linguistics and Language, Sociology and Political Science* as of the end of 2019.

The percentiles of *Rusin* (they show the relative position of the journal in a particular field of knowledge, depending on its CiteScore; the higher the percentile, the higher the journal's authority) are the following:

In *Arts and Humanities:*

– Literature and Literary Theory – 92 percentile (59th out of 823 journals);

– History – 77 percentile (284 out of 1,259);

– Language and Linguistics – 65 percentile (289 out of 830).

In Social Sciences:

– Linguistics and Language – 63 percentile (321 out of 884);

– Anthropology – 50 percentile (198 out of 398);

– Sociology and Political Science – 41 percentile (724 out of 1243).

The journal has good indicators in the Russian Science Citation Index (RSCI). *Rusin* took first places at the end of 2019 in such important categories as *the RSCI two-year impact* factor and the RSCI two-year impact factor without self-citation in *History* among 233 journals included in the RSCI. The journal is one of the highest-ranked on these indicators in *Linguistics*, where there are 200 journals.

All articles of *Rusin* are in open access on various websites. We recommend the readers to use either the journal website http://journals.tsu.ru/rusin or the Russian research electronic library *CyberLeninka* at https://cyberleninka.ru to find the necessary material.

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 94(47)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/2

ВНЕШНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

К.Ю. Рахно

Национальный музей-заповедник украинского гончарства
в Опошном
Украина, 38164, Полтавская область, Зеньковский район,
пос. Опошное, ул. Партизанская, 102
E-mail: krakhno@ukr.net

Авторское резюме

В данной статье делается попытка воспроизвести, опираясь на византийские письменные источники и изобразительное искусство, представления византийцев о внешнем виде населения Киевской Руси. Они, прежде всего, касаются антропологических характеристик русинов: очертания лица, цвета кожи, глаз, волос, мужских причесок, характера. Такие данные содержатся в исторических трудах Льва Диакона, Михаила Пселла, Анны Комнины, Георгия Пахимера. Ценным источником является также византийская мозаика Страшного суда в Торчелло, которая содержит предположительные изображения русинов и их правителя. Сведения византийских авторов X–XIII вв. не просто являются важным источником по исторической этнографии Северного Причерноморья, но и позволяют рассматривать данные о внешности русинов как часть образа «чужих», варваров, противостоявших византийской цивилизации и угрожавших ее существованию. Этот образ мог иногда смыкаться с эсхатологическими представлениями византийцев.

Ключевые слова: Византия, Киевская Русь, русины, письменные памятники, изобразительное искусство.

THE IMAGE OF THE KIEVAN RUS POPULATION IN BYZANTINE SOURCES

K.Yu. Rakhno

National Museum of Ukrainian Pottery in Opishne
102 Partyzanska Street, Opishne, Zinkiv District, Poltava Region, 38164, Ukraine
E-mail: krakhno@ukr.net

Abstract

Drawing on Byzantine written sources and fine arts, this article reproduces the Byzantine ideas about the image of the Kievan Rus population. They primarilyrelate to the anthropological characteristics of the Rusins: face contours, complexion, eyes and hair color, men's hairstyles, character. Such data can be found in the historical works by Leo the Deacon, Michael Psellos, Anna Komnene, Georgius Pachymeres. Another valuable source is the Byzantine mosaic of the Last Judgment in Torcello, which contains alleged images of the Rusins and their ruler. The works of the Byzantine authors of the 10th – 13th centuries are not only an important source of historical ethnography of the Northern Black Sea region. They also allow considering the data on the appearance of the Rusins as part of the image of "aliens", barbarians who oppose the Byzantine civilization and threaten its existence. This image could sometimes merge with the eschatological beliefs of the Byzantines.

Keywords: Byzantium, Kievan Rus, Rusins, written artifacts, fine art.

В комплексе иноязычных источников по средневековой истории Северного Причерноморья важное место занимают византийские письменные памятники. С одной стороны, они представляют собой самый объемный корпус свидетельств, воспроизводящих непрерывную картину развития восточноевропейского региона с IV по XV в., с другой – эти свидетельства обладают достоинством повествований очевидцев – непосредственных участников исторических событий начальной истории Киевской Руси. Ведь византийские актовые и нарративные тексты составляют основной фонд свидетельств о Русской земле начиная с IX в. Характеристика мира варваров конкретно представлена в византийской историографии в этническом портрете.

Оживление интереса в современных византинистике и славистике к изучению образа («имиджа») одного народа в историческом сознании другого тесно связано с тенденциями развития самой

историографии, в частности источниковедения последних лет. Перед византинистами встала задача восстановления изучаемой ими культуры в категориях, адекватных ей. В анализе византийско-славянских отношений это выразилось в стремлении охарактеризовать структуру образа чужого мира, формировавшегося на страницах средневековых текстов. В центре интересов исследователей оказались представления средневековых народов различных, подчас противостоявших друг другу культур. Научной задачей стало воссоздание преломленного в специфических категориях и видениях образа чужого мира, его обитателей. При этом, хотя для Византии проблема изображения человека была на протяжении столетий средоточием самых ожесточенных мировоззренческих споров, византийский литературный портрет долгое время не привлекал к себе внимания ученых. Малоисследованными являются описания невизантийцев, в т. ч. и русинов, ввиду чего данная статья посвящена внешности населения Киевской Руси в византийских источниках.

Бытовые зарисовки, встречающиеся в византийских памятниках X–XIII вв., представляют собой своего рода вставки в последовательное повествование о развитии тех или иных событий. Изолированные, диковинные и экзотические сами по себе эти эпизоды и составляют образ чужого мира и его обитателей. Они начали появляться сразу же, как только в византийской литературе возник интерес к индивидуальным особенностям личности, к реалистическому, а не идеальному портрету. Так, например, описание внешности великого князя Святослава Игоревича содержится у Льва, диакона Калойского (IX, 11), который присутствовал при его встрече в 971 г. с императором Иоанном Цимисхием и которого признают зачинателем реалистичного, психологизированного портрета в византийской литературе: «После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и покрытый вызолоченными доспехами подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сияющих золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными (εταιροις), ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с густыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая (Εψίλωμένος τόν πώγωνα, τήν χεφάλην πάνσυ έφίλωτο), но с одной стороны ее свисал клок волос (παρά δέ θάτερον μέρος αύτής βόστριχος άπηώρητο) – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все

другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он хмурым и суровым. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал» [3: 82; 19: 156–157]. Живые портретные характеристики Льва производили сильное впечатление на его современников.

Между Византией, являвшейся продолжением средиземноморской античности и Древнего Востока, и Русью как частью средневековой «варварской» Европы, лишь недавно принявшей христианство, складывались непростые отношения [30: 8–12]. Примечательно, что на византийской службе русины создавали отдельные отряды с собственными предводителями, не смешиваясь с викингами. Византийцы, следуя обычному для них тяготению к архаической терминологии, к описанию вместо этнонима, называли их тавроскифами (Ταυροσκύθαι), но итальянские источники определяют их как русинов [8: 44–45, 108–109]. Ввиду полемики о скандинавских корнях руси в высшей степени любопытна характеристика двух национальностей – норманнов и тавроскифов (русинов), сообщаемая таким приметливым философом и государственным деятелем, как Михаил Пселл (XXIV), великий мастер литературного портрета: «Они были страшны и видом своим, и наружностью; те и другие имеют светло-голубые глаза, но одни подделывают цвет (краску) и обнажают поверхность своих щек (τούς ταρσούς τών βλεφάρων, т. е. бреются), другие сохраняют это в природном виде; одни ужасны в натиске, легкоподвижны и стремительны, другие яростны, но медлительны; одни неудержимы в первом порыве их нападения, но скоро насыщают свою страстность, другие же не так стремительны, но зато не щадят своей крови и презирают свои раны (буквально: не обращают внимания на куски мяса, теряемые в сражении). Они (т. е. южноитальянские норманны и русины) заключали собою цикл кругов, нося продолговатые копья и с одной стороны заостренные топоры; но последние они опирали на обоих плечах, а древки копий протягивали с той и другой стороны вперед и (таким образом) как бы осеняли кровом промежуточное пространство…» [1: 327; 29: 199]. Пселл наблюдал их, будучи послом Михаила VII Стратиотика, в лагере Исаака I Комнина в конце августа 1057 г. и осознанно сравнивал два разных народа. Русины, по его мнению, подвижны, стремительны только при первом натиске, но при неудаче скоро ослабевают. Норманны же отличаются более холодным, флегматичным темпераментом, более сдержанной и менее остывающей храбростью берсерков, не взирающих на раны [34:

43]. Русины сражаются копьями, а норманнам принадлежат секиры. С внешней стороны различие заключается в том, что одни обнажают поверхность щек и, по-видимому, подкрашивают волосы, а другие этого не делают. Византинисты усматривают здесь параллель между описанием общих признаков тавроскифов и наружностью великого князя Святослава в частности [1: 327, 328, 329].

Характерную особенность антропологического типа русинов отмечает византийская принцесса, жена кесаря Никифора Анна Комнина (III. 3) в XII в. Описывая лицо своей матери Ирины, она сообщает следующее: «Лицо ее излучало лунный свет; оно не было совершенно круглым, как у ассирийских женщин, не имело удлиненной формы, как у скифянок (οὐδ' ἁλλως ἐξεμηκύνετο κατά τάς Σκυθίδας, т. е. русинок), а лишь немного отступало от идеальной формы круга» [2: 121; 9: 145].

Современное представление о Византии неотделимо от фресок и мозаик с изображениями императоров и святых. Иллюстративной параллелью к сообщению диакона Льва может служить известная мозаика Страшного Суда конца XII в. в кафедральном соборе Вознесения Святой Марии на острове Торчелло в Венецианском заливе. Там некогда был важный политический и торговый центр Византийского государства. В правом нижнем углу мозаики, изготовленной в традициях византийско-равеннской школы, есть панель, на которой изображено около дюжины голов проклятых [23: 36]. У всех у них чисто выбритый подбородок, у некоторых пышные усы, а у нескольких на лоб спадает длинная прядь волос, отделенная от остальной прически. Наконец, у всех есть большая серьга в одном из ушей. Эти грешники, осужденные гореть в вечном огне, все круглолицые, у них большие выразительные глаза и ровные носы. По предположению исследователей, это воинственные варвары, наказанные за то, что воевали против опекаемой Богом Византийской империи [11: 20; 33: 711]. Лицо одного такого усача с серьгой в ухе выныривает из адского пламени чуть выше. Там два ангела с длинными копьями сбрасывают проклятых иерархов в горящее море огня. Последние представлены только головами с элементами, идентифицирующими их (магометанин в тюрбане, епископ в омофоре, монах, король, варварский вождь и т. д.) [5: 303; 13: 27; 25: 21; 27: 50]. Следовательно, усач с серьгой тоже является каким-то политическим деятелем. Вообще, Торчелло изображает правителей на верхнем фризе каждого по-своему. Каждый имеет свой разрез глаз, пропорции лица, прическу, одежду и головной убор. Даже серьга в ухе у троих разная: у предположительного русского князя это большое кольцо, как и у страдающих внизу, у царицы – маленькое, а у сельджука в цветастом арабском тюрбане – этакая каплевидная бирюлька, служащая, как и прочие, признаком экзотиче-

ского происхождения [16: 12]. Кто-то из них язычник, кто-то манихей, кто-то схизмат, кто-то еретик или ересиарх, а кто-то мусульманин. По поводу их соответствия историческим личностям выдвигались различные версии. Например, императора, которого сталкивает ангел, пытались атрибутировать как Константина V Копронима (741–775), иконоборца, которого очень похоже изображали на современной ему монете. Лысый епископ с ниспадающей бородой – это, как полагают, еретик Несторий, каким он прибыл на окончательный суд над ним. Выше – монах с бородой, которого со злобным удовольствием тащит вправо маленький бес и который, возможно, является еретиком Евтихием. За ним следует седой старик в клобуке с драгоценными камнями. Это предположительно константинопольский патриарх Сергий (610–638), еретический приверженец монофелитства. Бес пытается лишить его венца. Увенчанная диадемой императрица может являться Евдоксией, которая преследовала Иоанна Златоуста [26: 38]. Также возможно, что это не портреты конкретных людей, но узнаваемые всеми этнические стереотипы, своеобразные маски, вроде наших представлений о типичном цыгане, турке, грузине, шотландце, немце, русском, англичанине, китайце, индусе, еврее, арабе, негре. Расшифровка этих масок является однозначно перспективным направлением для византинистов.

Итак, ниже трона Сатаны, где пребывают некрещеные, есть голова мужчины с усами и серьгой в ухе. Длинный чуб, заправленный за ухо, спадает набок с его бритой головы [26: 38]. Изо всех народов, известных византийцам, такую внешность имели только русины. Других народов с таким внешним обликом Византия X–XII вв., судя по письменным источникам, просто не знала. Идентификация их как наказанных скряг [25: 21; 26: 38; 27: 50] явно ошибочна. Изображения голов мужчин с бритыми бородами, длинными усами и чубами на бритых головах, а также серьгами в ушах полностью повторяют описание Святослава у диакона Льва. И тут следует вспомнить, что Русь последовательно воспринималась греками как апокалиптическая сила, грозившая империи и ее столице уничтожением [28: 243]. Византийцы считали, что перед концом света их богохранимый стольный град разрушат именно русины. Это эсхатологическое представление сохранялось и после крещения Русской земли, не вызвавшего ожидаемого отклика в византийском обществе. Существовали даже изображения того, как русины разрушают, согласно пророчеству, Константинополь. Внимание историков давно привлекло одно упоминание о русинах в топографическом путеводителе по достопримечательностям Константинополя – т. н. «Родословной Константинополя». Среди описаний различных памятников столицы там

названа скульптура на площади Тавра, в свое время доставленная из Антиохии. На ее постаменте находились, согласно «Родословной», барельефы, изображавшие «последние дни Города перед разрушением его росами». Предсказание о разрушении Константинополя русинами свидетельствует о страхе перед ними, который разжигал воображение народа даже больше, чем страх перед арабами или болгарами. Этот необычайно устойчивый, почти суеверный страх, переросший в эсхатологические пророчества, вероятно, имел свое основание в совершенно неожиданных нападениях русинов на столицу Византии. Важно, что это убеждение существовало и после официального их крещения, приблизительно в 995 г., когда составлялась упомянутая «Родословная Константинополя».

Таким образом, несмотря на то что между византийским императором и русским великим князем сложились новые, дружественные отношения, общее настроение народа по отношению к русинам оставалось неизменным. В нем лишь утвердился давний апокалиптический взгляд на близящийся конец существования города, одной из разрушительных сил которого и будут русские войска. Безусловно, эта навязчивая идея о конце города и конце истории была связана с суеверным оживлением в ожидании близившегося тысячелетия от Рождества Христова. Но здесь важен факт, что жителями столицы империи будущее разрушение их города связывалось именно с русинами, которые выступали как предвестники конца света [28: 216–218, 243]. Ромейская традиция отождествляла «росов» и «тавроскифов» с Рошем, апокалиптическим предводителем безбожных народов Гог и Магог в Книге Иезекииля [31: 89–96, 108–111]. В представлении византийцев русины были особенно ярыми и упорными язычниками, ревностно сохранявшими наиболее древние и страшные обычаи. Предубеждение против них было общенародным настроением [28: 216–217]. Естественно, это воззрение было отнюдь не безосновательным и все время подкреплялось общей религиозной ситуацией на территории Руси, бытом и нравами русинов, а также антивизантийскими и антихристианскими настроениями среди их аристократии и правителей. После 988 г. вхождение Киевской Руси в состав византийской христианской ойкумены стало фактом, но в качестве полноправного члена она еще долго не признавалась высшими классами Византийской империи, а рассматриваясь как часть варварского мира. Пселл в своей «Истории», написанной в середине XI в., относится к тавроскифам как к варварам, и Русь для него все еще остается языческой. Более того, он видит в них заклятых врагов: «Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой игемонии; при каждом удобном случае изобретая то или другое обвине-

ние, они создавали из него повод для войны с нами» (VI. 90–91, 96). В XI ст. в византийском политическом мышлении Русь оставалась вне пределов идеальной христианской вселенной ромеев [1: 304; 28: 244; 29: 129, 132]. Вот авторы панно и потешили прихожан, изобразив, как поджаривают на адском костре главных апокалиптических врагов Византии, как ниспровергают в огонь их заносчивого князя-язычника. Ведь согласно толкованию на Апокалипсис архиепископа Андрея Кесарийского [21: 63], огонь, сошедший с неба, поразит Гог и Магог – северные отдаленные народы из скифских земель, дерзновенно посмевшие ополчиться против церкви Христовой и богоспасаемого города, и будут они ввергнуты в огненное озеро, где станут подвергаться вечным мучениям [6: 211–212].

По мнению исследователей, работа над этой большой мозаикой должна была продолжаться с 60-х или 70-х гг. до самого конца XII в. [12: 195]. Отмечают и несколько радикальную манеру, в которой властные лица изображены там на видном месте среди проклятых, включая вероятных султана сельджуков, византийского императора, венецианского дожа и германского императора. Да и сама тема Страшного Суда более характерна для западной церкви, нежели для Византии. Но тем не менее мозаика отражает именно византийские воззрения.

Средневековые греческие наименования не являлись категорией, обозначавшей только этническую принадлежность, но содержали в себе общее, закрепленное традицией представление о месте поселения, образе жизни, деятельности, быте, внешнем виде, нравах народа [15: 247]. Внешность варваров в представлении византийцев была неотделима от черт их характера, что засвидетельствовал в конце XIII в. историк, философ и ритор Георгий Пахимер в своей хронике [2: 32]: «Над всеми ими начальствовал Рос Солима, превосходивший их своим самомнением, – человек очень большого роста, с гордою душою, с минами презрения в обращении, с рыжими волосами и с высокомерием вспыльчивого характера. Оттого, я думаю, и получил он это название, из-за сходства с россами» [4: 470–471; 14: 641, 643].

Итак, византийские авторы воспринимали русинов как четко обозначенную этническую общность, народность со свойственными ей культурными признаками и характерными чертами. В число этих черт входили вспыльчивый, гордый характер, светло-голубые глаза, светлые волосы, продолговатые лица, обычай мужчин брить бороду и голову, носить длинные вислые усы и длинную незаплетенную прядь волос на голове, означавшую благородное происхождение, а также серьгу в ухе. Белая, очевидно, полотняная рубаха русского князя

византийцами воспринималась как проявление типично варварской простоты нравов.

Представляется откровенно надуманным мнение, что описание внешности князя Святослава у Льва Диакона было сконструировано как «суррогатный» литературный образ побежденного правителя, которого ведут во время триумфа римского императора, при том что сам автор тут же оговаривается, что Святослав не был пленен и выставлен на триумфальное шествие [17: 105]. Традиционное для российской историографии и в особенности для околонаучной публицистики предположение, что Святослав перенял обычаи и манеру одеваться у своих союзников-кочевников, тоже кажется крайне маловероятным. Во-первых, именно указанная прическа не зафиксирована в средние века ни у одного тюркского этноса. Во-вторых, такая ключевая фигура архаического социума, как князь, который имел определенные сакральные функции и образ жизни которого был регламентирован, вряд ли могла следовать минутным веяниям моды. Дьякон Лев Калойский, как и император Константин Порфирогенет, очень хорошо знал печенегов, к которым, кстати, был явным образом неблагосклонен. Он не преминул бы отметить, что Святослав Хоробрый выглядит как печенег, что он носит прическу, принятую у печенегов. Византийцы хорошо знали печенежских воинов и князей. Большинство наших знаний о печенегах происходит из византийских трактатов [10: 143–155; 18: 85–99; 20; 21; 22; 24; 32]. Иногда молчание источников красноречивее, чем их слова. Предположение же относительно попытки подражать обычаям какой-то чужеземной аристократии из-за претензии на власть в чужих землях отдает модернизацией поведенческих моделей князя X в. и, следовательно, также маловероятно.

Латиноязычные источники свидетельствуют о том, что такую прическу носил не только Святослав в силу какого-то своего экзотического происхождения или пристрастий, но и все мужчины, принадлежавшие к воинской аристократии Руси. Аналогичная прическа – длинная прядь волос на бритой голове, закрученная за левое ухо, – с тем же значением благородного происхождения (in signum nobilitatis) зафиксирована как общее явление в первой половине XIII в. у знатных русинов Тмутаракани доминиканским миссионером братом Юлианом из Венгрии [7: 22, 27, 31]. Таким образом, данная прическа была одним из элементов символического кода, обозначавшего социальную принадлежность индивида, своего рода маркировочным знаком. Прослеживается одинаковая мотивация этой прически на протяжении веков, одна и та же в разные периоды. Сомнительно, чтобы русины регулярно, каждое столетие подряд совершали ее заимствование,

отправляясь за этим к какому-то соседнему народу. Поэтому предположение о неиндоевропейских истоках данной прически, которое часто обыгрывается в политических целях, не выдерживает никакой критики.

Следует также отвергнуть присущее российским византинистам представление о византийской историографии как об эпигонском наборе цитат и аллюзий. Важность византийских письменных и изобразительных памятников как источника сведений этнографического характера о внешности русинов лишний раз доказывает несостоятельность традиционного взгляда на Византию исключительно как на период тысячелетней культурной стагнации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильевский В.Г.* Труды. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. Т. 1. 403 с.

2. *Комнина А.* Алексиада / Вступ. ст., пер., ком. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1965. 688 с.

3. *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко; статья М.Я. Сюзюмова; ком. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 240 с.

4. *Пахимер Г.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. СПб.: типография департамента уделов, 1862. Т. 16: Царствование Михаила Палеолога. 1255–1282 / Перевод под редакцией профессора Карпова. XXI, 512 с.

5. *Покровский Н.В.* Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса: Типография А. Шульце, 1887. Т. III. С. 285–381.

6. *Andrew of Caesarea.* Commentary on the Apocalypse / Translated by Eugenia Scarvells Constantinou. Washington: The Catholic University of America Press, 2011. XIV, 270 p.

7. *Bendefy L.* Fontes autentici itinera (1235–1238) fratres Iuliani illustrantes // Archivum Europae Centro-Orientalis. Budapest, 1937. T. III. Fasc. 1–3. P. 1–52.

8. *Blondal S.* The Varangians of Byzantium. An Aspect of Byzantine Military History / Translated, revised and rewritten by Benedikt S. Benedikz. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 242 p.

9. *Comnenae A.* Alexiadis. Libri XV. Graeca ad codd. fidem nunc primum recensuit, novam interpretationem latinam subiecit, Car. Ducangii commentarios suasque annotationes addidit Ludovicus Schopenus. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1839. XLIX, 461 p.

10. *Curta F.* The Image and Archaeology of the Pechenegs // Banatica. Reşiţa, 2013. Vol. 23. P. 143–202.

11. *Cutler A.* Imagery and Ideology in Byzantine Art. Hampshire: Variorum, 1992. X, 324 p.

12. *Demus O.* Studies among the Torcello Mosaics-III // The Burlington Magazine for Connoisseurs. London, 1944. Vol. 85, № 497. P. 195–200.

13. *Garidis M.K.* Etudes sur le Jugement Dernier post-Byzantin du XVe à la fin du XIXe siècle: Iconographie – esthetique. Θεσσαλονικη: Εταιπεια Μακεδονικων Σπογδων Επιστημονικαι πραγματειαι – σειρα φιλολογικη και θεολογικη, 1985. 167, 66 p.

14. *Georges Pachymérès* Relations Historiques. II. Livres IV–VI / Édition et notes par Albert Failler, traduction française par Vitalien Laurent. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1984. 667 p.

15. *Gyóni M.* Le nom de Βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnéne // Byzantinische Zeitschrift. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1951. Bd. 44. Festschrift Franz Dölger zum 60. Geburtstage gewidmet. S. 241–252.

16. *Hughes D.O.* Distinguishing Signs: Ear-Rings, Jews and Franciscan Rhetoric in the Italian Renaissance City // Past and Present. 1986. № 112. P. 3–59.

17. *Kaldellis A.* Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. X, 277 p.

18. *Kozlov S.A.* More than Enemies. The Description of Nomads the Byzantine Literature of the Epoch of the First Pecheneg Incursions into Byzantium // Rules and Violence: On the Cultural History of Collective Violence from Late Antiquity to the Confessional Age. Berlin-Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 83–99.

19. *Leonis D.* Caloënsis Historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / E recensione Caroli Benedicti Hasii. Addita eiusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1828. X, XXXVIII, 624 p.

20. *Madgearu A.* The Pechenegs in the Byzantine Army // The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday. Iaşi: Ditura Universităii «Alexandru Ioan Cuza», 2013. P. 207–218.

21. *Malamut E.* L'image byzantine des Petchénègues // Byzantinische Zeitschrift. Stuttgart-Leipzig: Teubner, 1995. Bd. 88. S. 134–142.

22. *Meško M.* Pecheneg Groups in the Balkans (ca. 1053-1091) according to the Byzantine Sources // The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday. Iaşi: Ditura Universităii «Alexandru Ioan Cuza», 2013. P. 179–205.

23. *Milošević D.* The Last Judgment. New York: Catholic Art Book Guild, 1966. 75 p.

24. *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Leiden: E.J. Brill, 1983. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. XXV, 376 s.

25. *Musolino G.* Torcello: the Jewel of the Lagoon. Venice: Instituto tipografico editoriale, 1964. 78 p.

26. *Niero A.* The Basilica of Torcello and Santa Fosca's. Venice: Ardo; Edizioni d' Arte, 1978. 60 p.

27. *Polacco R.* La cattedrale di Torcello. Venezia: L'Altra Riva; Canova, 1984. 156 p.

28. *Poppe A.* Political Background of the Baptism of Rus. Byzantine-Russian

Relations 986–989 // Dumbarton Oaks Papers. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1976. Vol. 30. P. 197–244.

29. *Psellus M.* The History of Psellus / Edited with critical notes and indexes by C. Sathas. London: Methuen & Co., 1899. X, 384 p.

30. *Raffensperger Ch.* Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 329 p.

31. *Ruthven J.M.* The Prophecy That Is Shaping History: New Research on Ezekiel's Vision of the End. Fairfax: Xulon Press, 2003. VII, 184 p.

32. *Strässle P.M.* Das Feindbild der Petschenegen im Byzanz der Komnenen (11/12. Jahrhundert) // Byzantinische Forschungen: internationale Zeitschrift für Byzantinistik. Amsterdam, 2004. Bd. 28. S. 297–313.

33. *Ševčenco I.* Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures // Slavic Review. Cambridge, 1965. Vol. 24, № 4. P. 709–713.

34. *Young P.* The Fighting Man: from Alexander the Great's Army to the Present Day. New York: The Rutledge Press, 1981. 238 p.

REFERENCES

1. Vasilyevskiy, V.G. (1908) *Trudy* [Works]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

2. Komnene, A. (1965) *Aleksiada* [The Alexiad]. Translation by Ya.N. Lyubarsky. Moscow: Nauka.

3. Leo the Deacon. (1988) *Istoriya* [The History]. Translated by M.M. Kopylenko. Moscow: Nauka.

4. Pachymeres, G. (1862) *Istoriya o Mikhaile i Andronike Paleologakh. Trinadtsat knig* [The History of Michael and Andronic Paleologues. Thirteen books]. Vol. I. Translated by Karpov. St. Petersburg: Printing house of the Department of Appanages.

5. Pokrovsky, N.V. (1887) *Strashnyy sud v pamyatnikakh vizantiyskogo i russkogo iskusstva* [The Last Judgment in the Monuments of Byzantine and Russian Art]. Odessa: A. Shulze.

6. Andrew of Caesarea. (2011) *Commentary on the Apocalypse*. Translated by E. Scarvells Constantinou. Washington: The Catholic University of America Press.

7. Bendefy, L. (1937) Fontes autentici itinera (1235–1238) fratres Iuliani illustrantes. In: *Archivum Europae Centro-Orientalis*. III. 1–3. pp. 1–52.

8. Blondal, S. (1978) *The Varangians of Byzantium. An Aspect of Byzantine Military History*. Translated by B.S. Benedikz. Cambridge: Cambridge University Press.

9. Comnenae, A. (1839) *Alexiadis. Libri XV. Graeca ad codd. fidem nunc primum recensuit, novam interpretationem latinam subiecit, Car. Ducangii commentarios suasque annotationes addidit Ludovicus Schopenus*. Bonnae: Impensis Ed. Weberi.

10. Curta, F. (2013) The Image and Archaeology of the Pechenegs. *Banatica*. 23. pp. 143–202.

11. Cutler, A. (1992) *Imagery and Ideology in Byzantine Art*. Hampshire: Variorum.

12. Demus, O. (1944) Studies among the Torcello Mosaics-III. *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 85(497). pp. 195–200.

13. Garidis, M.K. (1985) *Etudes sur le Jugement Dernier post-Byzantin du XVe à la fin du XIXe siècle: Iconographie – esthetique*. Thessaloniki: Εταιπεια Μακεδονικων Σπογδων Επιστημονικαι πραγματειαι – σειρα φιλολογικη και θεολογικη.

14. Pachymérès, G. (1984) *Relations Historiques*. Vols. IV–VI. Paris: Société d'édition "Les belles lettres".

15. Gyóni, M. (1951) Le nom de Βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnéne. *Byzantinische Zeitschrift*. 44. pp. 241–252.

16. Hughes, D.O. (1986) Distinguishing Signs: Ear-Rings, Jews and Franciscan Rhetoric in the Italian Renaissance City. *Past and Present*. 112. pp. 3–59.

17. Kaldellis, A. (2013) *Ethnography after Antiquity. Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

18. Kozlov, S.A. (2014) More than Enemies. The Description of Nomads the Byzantine Literature of the Epoch of the First Pecheneg Incursions into Byzantium. In: Dietl, C. (ed.) *Rules and Violence: On the Cultural History of Collective Violence from Late Antiquity to the Confessional Age*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. pp. 83–99.

19. Leonis Diaconi Caloënsis. (1828) *Historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti*. E recensione Caroli Benedicti Hasii. Addita eiusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Bonnae: impensis Ed. Weberi.

20. Madgearu, A. (2013) The Pechenegs in the Byzantine Army. In: Curta, F. & Maleon, B.P. (eds) *The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday*. Iaşi: Ditura Universităii "Alexandru Ioan Cuza". pp. 207–218.

21. Malamut, E. (1995) L'image byzantine des Petchénègues. *Byzantinische Zeitschrift*. 88. pp. 134–142.

22. Meško, M. (2013) Pecheneg Groups in the Balkans (ca. 1053–1091) according to the Byzantine Sources. In: Curta, F. & Maleon, B.P. (eds) *The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on His 70th Birthday*. Iaşi: Ditura Universităii "Alexandru Ioan Cuza". pp. 179–205.

23. Milošević, D. (1966) *The Last Judgment*. New York: Catholic Art Book Guild.

24. Moravcsik, G. (1983) *Byzantinoturcica*. Leiden: E.J. Brill.

25. Musolino, G. (1964) *Torcello: the Jewel of the Lagoon*. Venice: Instituto tipografico editoriale.

26. Niero, A. (1978) *The Basilica of Torcello and Santa Fosca's*. Venice: Ardo; Edizioni d' Arte.

27. Polacco, R. (1984) *La cattedrale di Torcello*. Venezia: L'Altra Riva; Canova.

28. Poppe, A. (1976) Political Background of the Baptism of Rus. Byzantine-Russian Relations 986–989. *Dumbarton Oaks Papers*. 30. pp. 197–244.

29. Psellus, M. (1899) *The History of Psellus*. London: Methuen & Co.

30. Raffensperger, Ch. (2012) *Reimagining Europe: Kievan Rus' in the Medieval World*. Cambridge: Harvard University Press.

31. Ruthven, J.M. (2003) *The Prophecy That Is Shaping History: New Research on Ezekiel's Vision of the End*. Fairfax: Xulon Press.

32. Strässle, P.M. (2004) Das Feindbild der Petschenegen im Byzanz der Komnenen (11/12. Jahrhundert). *Byzantinische Forschungen*. 28. pp. 297–313.
33. Ševčenco, I. (1965) Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures. *Slavic Review*. 24(4). pp. 709–713.
34. Young, P. (1981) *The Fighting Man: from Alexander the Great's Army to the Present Day*. New York: The Rutledge Press.

Рахно Константин Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального музея-заповедника украинского гончарства в Опошном (Украина).
Kostyantyn Yu. Rakhno – National Museum of Ukrainian Pottery in Opishne (Ukraine).
E-mail: krakhno@ukr.net

УДК 261.7;264-936.5“14”
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/3

«КРЕСТ ЗОЛОТОЙ МИТРОПОЛИТА»: К ВОПРОСУ О ПРОЧТЕНИИ ОДНОГО ИСТОЧНИКА

О.А. Абеленцева

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Россия, 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
E-mail: oaabelen@mail.ru

Авторское резюме

Одним из ценных источников по истории Русской церкви XIV в. являются записи из Ватиканского греческого сборника, описанного В.Н. Бенешевичем. М.Д. Приселков, опубликовавший записи, дал им название «Отрывки В.Н. Бенешевича». В записи № 10 упоминается золотой митрополичий крест, хранившийся у князя Дмитрия. М.Д. Приселков отождествил Дмитрия с сыном князя Гедимина Любартом, принявшим после крещения имя Дмитрий. По мнению исследователя, Любарт хранил крест литовского митрополита Феофила после его кончины, что свидетельствует о ликвидации Литовской митрополии не позднее 1330 г. Автор предлагаемой статьи обратился к изучению спорных вопросов, касающихся происхождения Любарта-Дмитрия, его родственных связей и раннего периода биографии, чтобы установить: 1) насколько обоснованно предположение о получении Любартом-Дмитрием регалии литовского митрополита Феофила; 2) позволяют ли имеющиеся в записи данные говорить о ликвидации Литовской митрополии к 1330 г. Автор приходит к следующим выводам: 1) имеющиеся данные о родственных связях Любарта-Дмитрия с Романовичами во многом гипотетичны; характер этих связей точно не установлен, но его признание в качестве легитимного правителя после смерти Юрия II Болеслава и длительная борьба за галицко-волынское наследство свидетельствуют о том, что они существовали; 2) территории Литовской митрополии не были подвластны Любарту, и отсутствовали какие-либо основания для передачи ему креста литовского митрополита. В качестве альтернативной гипотезы в статье указано на связь Любарта с Луцкой кафедрой, глава которой Федор был единственным епископом, участвовавшим в погребении митрополита Петра. По предположению автора, митрополит Петр через епископа Федора передал наследникам Романовичей золотой крест, врученный ему князем Юрием I Львовичем перед поездкой в Константинополь на поставление в галицкие митрополиты.

Ключевые слова: история Русской церкви, князь Любарт-Дмитрий Гедиминович, митрополит Киевский и всея Руси Петр.

"METROPOLITAN GOLDEN CROSS": ON ONE SOURCE INTERPRETATION

O.A. Abelentseva

St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
7 Petrozavodskaya Street, Saint Petersburg, 197110, Russia
E-mail: oaabelen@mail.ru

Abstract

Among valuable sources on the fourteenth-century Russian Church history are the records from the Vatican Greek miscellany described by V.N. Beneshevich. M.D. Priselkov, who published the records, entitled them "V.N. Beneshevich's Fragments". Record Nr. 10 mentions a golden metropolitan cross of a certain Pince Dmitry. Priselkov identifies this Prince Dmitry with Prince Gediminas's son Liubartas, whose Christian name was Dmitry. According to the scholar, Liubartas kept the cross of Metropolitan Theophilus of Lithuania after his death, and that means the Metropolitanate of Lithuania was abolished not later than 1330. The author addresses some disputable questions concerning the origin of Liubartas-Dmitry, his kinship, and the early period of his life. The research aims at investigating the validity of the assumption that Liubartas-Dmitry could obtain the regalia of Metropolitan Theophilus of Lithuania to check whether the records confirm that the Metropolitanate of Lithuania was abolished by 1330. The author concludes that 1) the data regarding Liubartas-Dmitry's kinship with the Romanovichi lineage are on the whole tentative, and the type of this relationship is not precisely established. However, the recognition he had as a legitimate ruler after the death of Boleslaw-Yuri II and his participation in the lengthy struggle over the succession in the Principality of Galicia – Volhynia testify to the existence of these ties; 2) Liubartas had no authority over the lands under the jurisdiction of the Metropolitanate of Lithuania, so there were no reasons why the cross of the metropolitan of Lithuania could be handed over to him. As an alternative hypothesis, the article points to the connections between Liubartas with the diocese of Lutsk, whose head Theodore was the only bishop to take part in the burial of Metropolitan Peter. The author assumes that the golden cross in question was given to Peter by Pince Yuri I of Galicia on the eve of Peter's trip to Constantinople to be consecrated as metropolitan of Galicia. Later, Metropolitan Peter could hand the cross over to the Romanovichi successors through Bishop Theodore.

Keywords: history of the Russian Church, Prince Liubartas-Dmitry Gediminovich, Metropolitan of Kyiv and All Russia Peter.

Источник, получивший в литературе название «Отрывки В.Н. Бенешевича», был частично издан им с указанием, что эти отрывки представляют интерес «для истории древнерусской церкви» [3: 167, 168–169]. Полный текст с переводом и комментариями опубликовали М.Д. Приселков и М.Р. Фасмер [32: 48–61]. В записи № 10 из «Отрывков» сказано, что золотой митрополичий крест хранится у «владычки» – князя Димитрия, отождествленного с сыном Гедимина Любартом, принявшим после крещения имя Дмитрий. По мнению М.Д. Приселкова, он хранил крест литовского митрополита Феофила после его кончины, что свидетельствует о ликвидации Литовской митрополии не позднее 1330 г. [32: 66]. Эту точку зрения разделяли И.Ф. Мейендорф [25: 118–118, 397] и В.Т. Пашуто [30: 321, 390].

Задача предлагаемой статьи – проанализировать данные о раннем периоде жизни князя Любарта, его родственных связях и возможной причастности к получению собственности Литовской митрополии после ее ликвидации.

М.Д. Приселков полагал, что рассматриваемые записи сделаны при митрополите Феогносте в 1330 г. во время его пребывания на Волыни [32: 64], и привел аргументы для обоснования этой гипотезы: 1) греческий язык записей; 2) упоминание русских городов, из которых были получены деньги и другие пожертвования, что исключает атрибуцию записей галицкому или литовскому митрополитам; 3) упоминание в записи смоленского епископа Иоанна, который присутствовал на поставлении епископов при митрополите Феогносте [43: 443–446]; 4) упоминание великого князя литовского Гедимина и его брата Федора [32: 63–64]. Датировка и атрибуция митрополиту Феогносту записей была принята научным сообществом. Также долгое время не вызывали возражений и отдельные положения в системе приведенной исследователем аргументации. В связи с изучением источниковедческого аспекта проблемы начала литовского господства в Киевской земле О.В. Русина высказала ряд возражений против выводов, сделанных М.Д. Приселковым [41: 152; 42: 47–48]. В частности, исследовательница предположила, что в записи № 1, где упоминается имущество митрополита, хранящееся в Брянске, речь идет о вещах митрополита Максима, поставленного на Русь в 1283 г., в 1299–1300 гг. покинувшего Киев и перебравшегося в Суздальскую землю «со всем своим житьем», посетив по дороге Брянск [33: 485].

Выскажем ряд соображений о датировке записи № 10. Датирующим признаком для записи служит упоминание в ней некоторых лиц

с указанием их социального статуса, известных из других источников, например, князя Михаила Друцкого, давшего серебряный кавкий. Историчность князя исследователями не оспаривается [5: 10–12; 7: 297]. А.В. Кузьмин полагает, что в рассматриваемой записи имеется в виду князь Михаил Михайлович, сын Михаила Даниловича Друцкого [14: 31; 16: 50–68]. Смоленский епископ Иоанн, который, согласно записи № 10, дал митрополиту серебряный сосуд, упоминается также в записях о поставлении епископов при митрополите Феогносте. В августе 1345 г. на смоленскую кафедру был поставлен новый епископ Евфимий [43: 440–444]. Следовательно, запись № 10 могла быть составлена не ранее прибытия митрополита Феогноста на Русь 1328 г. и не позднее лета 1345 г.

Для ответа на вопрос, были ли у Любарта какие-либо формальные полномочия для получения имущества литовского митрополита, следует обратиться к источникам и работам по раннему периоду биографии князя. Исследователи в целом согласились с тем, что право Любарта на княжение в Волынской земле возникло благодаря заключенному им браку с дочерью одного из Юрьевичей, но вопросы о личности его предшественника, отца жены, об условиях брачного контракта, о времени вступления в управление Волынью и о размерах его владений остаются дискуссионными [19: 47]. Время рождения князя точно не известно. В литературе были названы возможные даты – 1291 г. [53: 136] и 1299 г. [61: 160], но без каких-либо обоснований, и около 1311 г. [6: 123; 7: 38].

Вопрос о происхождении матери и первой жены Любарта-Дмитрия интересовал исследователей в связи с необходимостью установить характер его прав на наследство Романовичей. После пресечения рода галицко-волынских князей по мужской линии Польша, Венгрия, Мазовия и Литва начали продолжительную борьбу за вовлечение отдельных земель Галицко-Волынского княжества в свою орбиту [66: 587–608]. Аргументом в споре являлось право наследования по женской линии, возникшее всвязи с междинастическими браками, но решающим фактором, определявшим положение отдельных земель княжества на разных этапах борьбы, была фактическая расстановка сил противоборствовавших сторон. После кончины братьев Андрея и Льва Юрьевичей Любарт-Дмитрий стал лишь одним из претендентов на княжеский стол.

Предположения о происхождении матери Любарта, третьей жены Гедимина – Евы, следующие: 1) она была из городенских или туровских князей [7: 603]; 2) являлась дочерью одного из Романовичей, вероятно, князя Льва Юрьевича, имя которой в *Хронике Быховца* передается как Евна (Леонида – Левна – Евна), что свидетельствует

в пользу утверждения *Хроники Быховца* и белорусско-литовских летописей о том, что именно Гедимин дал своему сыну в удел Владимир, Луцк и всю Волынь [28: 36–37; 39: 97, 154, 181, 201; 38: 138].

В ходе дискуссии о происхождении первой жены Любарта-Дмитрия были высказаны следующие предположения: 1) по данным синодиков, ее христианское имя было Агриппина (Агрифена) [26: 485; 27: 4; 28: 123]; 2) она была несовершеннолетней дочерью князя Андрея Юрьевича, брак с Любартом был заключен после смерти ее отца в 1331 г., благодаря чему Болеслав-Юрий II как муж сестры Юрьевичей получил преимущество в порядке наследования [40: 51]; 3) она была дочерью Болеслава-Юрия II Тройденовича [11: 530–531]; Любарт не был женат до брака с дочерью ростовского князя Константина Борисовича, в 1331 г. брак Любарта и осиротевшей дочери владимирского князя не мог быть заключен, т. к. это давало бы оружие самому опасному врагу Болеслава-Юрия II [20: 96, 112]; сам Болеслав женился в 1331 г., т. е. ко времени его смерти дочери было не более 8 лет; 4) брак был заключен с дочерью князя Андрея Юрьевича, а договоренности о нем с Гедимином относятся к 1321 г. [65: 253]; договоренность о браке Любарта с дочерью Андрея Юрьевича была связана с необходимостью для Гедимина путем соглашения с галицко-волынскими князьями сосредоточить силы для отражения натиска крестоносцев на Литву в 1316–1320 гг. [52: 10]; 5) жена Любарта могла быть дочерью князя Даниила Острожского [64: 21–26]; 6) брак Любарта и дочери луцкого князя Льва Юрьевича был заключен в результате соглашения между последним и Гедимином, состоявшегося после битвы на реке Ирпень в 1323 г., а титулование Льва Юрьевича в белорусско-литовских летописях не луцким князем, а владимирским является ошибочным, основанным на отождествлении владетеля Волыни прежде всего с титулом владимирского князя [8: 129; 9: 370].

Однако летописи, с нашей точки зрения, не позволяют сделать столь однозначный вывод, т. к. в соответствующих статьях сказано, что луцкий князь Лев был убит Гедимином [39: 95, 152, 180, 200]. Следовательно, вряд ли возможно говорить о браке Любарта и дочери Льва Юрьевича как об одном из результатов соглашения, заключенного между этими князьями после 1323 г. Б.Н. Флоря предположил, что «владимирским князем», упомянутым в *Летописце великих князей литовских*, являлся Андрей Юрьевич, который в грамотах 1320 г., выданных купцам Кракова и Торуни, титулуется «dux ladomiriensis et dominus terre Rusie» и «dux Ladimiriae et dominus Russie» [17: 150–151; 59: 14–15]. Брак его дочери с Любартом, по мнению исследователя, был заключен в начале 1320-х гг. [50: 252–253].

В белорусско-литовских летописях изложены две версии вокняжения Любарта на Волыни – посредством брака с дочерью владимирского князя или получения удела из рук великого князя литовского Гедимина. По сообщению *Летописца великих князей литовских*, «Люборта принял володимеръскыи князь к дотьце во Володимер и в Луцеськь и во въсю землю Волынскую» [39: 61, 110, 115, 133]. Первая часть *Летописца*, где содержится данное сообщение, представляет собой памятник, сохранившийся только в латинском переводе со старобелорусского – «Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuanie» [34: 219–226; 39: 115–117; 62: 196–205], который, как было установлено исследователями, точнее передает некоторые первоначальные чтения старобелорусского текста [51: 104–105; 63: 34–49], чем списки первого белорусско-литовского свода 1446 г., куда *Летописец* вошел в качестве одной из составных частей. Высказаны разные мнения о времени написания «Origo regis»: 1) 1393 или 1430 гг. [63: 48]; 2) 1398 г. [58: 19–20]; 3) 1390 г. [47: 149]; 4) 1382–1392 гг. [51: 115]; 5) XV в. [21: 151]. В первой четверти XVI в. был создан второй белорусско-литовский свод, известный в трех редакциях – краткой, расширенной и полной [51: 158–162]. Если краткая редакция, представленная летописью Красинского [39: 133], сообщая о браке Любарта Гедиминовича, еще следует тексту «Origo regis», то в списках расширенной (Ольшевском, Археологического общества, Румянцевском) и полной (Рачинского, Евреиновском) редакций появляется новая трактовка обстоятельств получения Любартом княжения на Волыни от Гедимина: «Любарту дал Володимер и Луческ, и землю Волынскую» [39: 97, 154, 181, 201, 222]. Это же сообщение читается в *Хронике Быховца*, при составлении которой, как полагает В.А. Чемерицкий, была использована полная редакция второго белорусско-литовского летописного свода [51: 170–171]. По мнению М.А. Ючаса, составителем *Хроники Быховца* была использована переработанная часть *Летописи великих князей литовских* [55: 227–228]. Из сказанного следует, что сообщение о передаче Гедимином Любарту вотчин на Волыни появилось в результате позднейшего редактирования текста «Origo regis» в первой четверти XVI в.

Точные даты и причины смерти князей Андрея и Льва Юрьевичей не установлены. Принято считать, что это произошло не позднее 21 мая 1323 г., которым датировано письмо польского короля Владислава Локетка, сообщавшего Папе Римскому Иоанну XXII об их кончине [4: 80–81; 20: 109; 60: 72–73; 65: 254–255]. Владение на Волыни Любарт-Дмитрий получил предположительно в начале 1320-х гг. при жизни Андрея и Льва Юрьевичей, как это следует из приведенного ранее сообщения «Origo regis». В копии привилея короля Сигизмунда III

луцкой кафедре от декабря 1629 г. содержится включенный акт — жалованная грамота Любарта Луцкой епископии, датированная 8 декабря 1321 г. [13: 173–176]. Привилей признан исследователями фальсификатом. Ход дискуссии о подлинности этого акта отражен в комментарии к нему О.А. Купчинского. Исследователь привел ряд аргументов против того, что имеющийся список передает подлинную грамоту Любарта 1321 г., но полностью не исключил возможность использования для написания фальсификата какого-либо подлинного акта [18: 683–697]. Д.М. Щербаковский полагал, что такая грамота могла быть выдана в конце его княжения [54: 61–70]. Возражения против такой датировки высказал Б.Н. Флоря, который связал изменения в положении луцкой кафедры с вехами политической истории Волыни, полагая, что именно при Любарте в Луцке была возобновлена епископская кафедра, упадок которой наступил после перенесения резиденции князя Мстислава Даниловича во Владимир. По предположению исследователя, грамота 1321 г. и «привилеи головныи» князя Любарта-Дмитрия луцкой кафедре, упомянутые в жалобе епископа Кирилла Терлецкого властям в 1585 г. [2: 206–207], были даны в самом начале его княжения, т. к. без подтверждения прав на кафедральный храм, резиденцию и земли, обеспечивающие определенный доход, кафедра функционировать не могла [50: 251]. Мы разделяем эту точку зрения, т. к. упрочение положения епископской кафедры или ее возобновление (если она оставалась вакантной продолжительное время) вполне соответствовали интересам Любарта как нового владельца удела, поскольку повышали статус города.

После смерти Андрея и Льва Юрьевичей поддержка Польши и Венгрии позволила занять галицко-волынский княжеский стол Болеславу-Юрию II — сыну мазовецкого князя Тройдена из династии Пястов и Марии Юрьевны Галицкой, сестры Андрея и Льва Юрьевичей. Сведений о месте пребывания Дмитрия-Любарта во время княжения Болеслава-Юрия II в Галиции и на Волыни не сохранилось. По предположению Ф.М. Шабульдо, «Гедимин был вынужден временно отказаться от реализации прав Любарта на Волынь и уступить ее Болеславу Тройденовичу, сохранив, однако, за своим сыном какой-то удел, полученный им в качестве вена, по всей вероятности, в Луцкой земле, на киевско-волынском пограничье» [52: 34, 159]. На местоположение такого удела, по мнению исследователя, указывает название районного центра в Житомирской области — Любар, в XIV–XV вв. — Любартов. В княжение Любарта в середине XIV в. там был возведен укрепленный замок [1: 371–372]. Но это обстоятельство, на наш взгляд, еще не дает оснований утверждать, что до 1340 г. его удел находился именно там.

Подводя итог обзора дискуссионных вопросов, касающихся биографии Любарта-Дмитрия до 1340 г., можно сделать вывод, что все имеющиеся данные во многом гипотетичны. Характер родственных связей Любарта-Дмитрия с Романовичами точно не установлен, но его признание в качестве легитимного правителя после смерти Юрия II-Болеслава и длительная борьба за галицко-волынское наследство свидетельствуют о том, что они существовали [9: 363–379; 12: 124–125, 127, 146; 31: 66–69; 52: 32–40, 47–52; 65: 242–260]. Главным опорным пунктом этой борьбы на Волыни для Любарта стал Луцк. При нем в середине XIV в. вокруг города возводятся каменные укрепления [48: 50], проводятся работы в кафедральной церкви Иоанна Богослова [24: 30], где, как сообщал в 1585 г. епископ Кирилл Терлецкий, Любарт был похоронен [2: 207].

Возвращаясь к предположению М.Д. Приселкова о том, что митрополичий крест, хранившийся у князя Дмитрия, ранее принадлежал литовскому митрополиту Феофилу, следует заметить, что резиденция последнего находилась в Новогродке – уделе, доставшемся брату Любарта Кориату [39: 61]. Кроме митрополичьего диоцеза, Литовская митрополия, образованная не позднее 1317 г., включала в себя Полоцкую епархию. В 1317, 1327 и 1329 гг. литовский митрополит участвовал в заседаниях Патриаршего синода в Константинополе [56: 72, 143, 147; 57: 334, 542, 554]. Территории Литовской митрополии не были подвластны Любарту. Таким образом, не было каких-либо оснований передавать ему крест митрополита и другое имущество.

Мы хотели бы высказать другую гипотезу о появлении митрополичьего креста на Волыни. Князь Юрий I Львович, отправивший игумена Петра Ратенского на поставление в галицкие митрополиты в Константинополь, должен был обеспечить своего кандидата всем необходимым для хиротонии. Согласно *Житию*, митрополит Петр был уроженцем Волыни [23: 235; 44: 173–174; 45: 204; 46: 263], где и принял постриг в одном из монастырей. Со временем Петр сам основал монастырь на реке Рате – притоке Западного Буга, что позволило исследователям предположить, что местом рождения Петра была Галиция [10: 102]. Став митрополитом Киевским и всея Руси, Петр, вероятно, поддерживал связи с галицко-волынским духовенством. К сожалению, в источниках почти ничего не сообщается о его пастырской деятельности, если не считать упоминания *Жития* о том, что святитель «начал учить Богом порученое ему стадо, переходя от одного места к другому» [15: 137; 44: 177–178; 49: 102].

В летописях, сообщающих о кончине митрополита Петра в 1326 г. в Москве, сказано, что в его погребении участвовал только один епископ – Федор Луцкий. Это известие читается в первой части

летописной компиляции, получившей в литературе по генеалогии летописания название «Летописец от 72-х язык» [22: 140]. Памятник известен в трех видах — Лихачевском, Прилуцком и Уваровском. Два последних, сохранившихся в списках середины XVI и XVII в., изданы под названиями «Летописный свод 1497 г.» и «Летописный свод 1518 г.» [37: 68, 228]. Текст *Летописца* в этой части сходен с Ермолинской летописью [36: 102]. Лихачевский вид представлен списком конца XV в., который был составлен в Москве [29: 237—272]. В Симеоновской летописи епископ ошибочно был назван «Федором Случьским» [35: 90], но город Слуцк в Туровском княжестве не имел епископской кафедры. Феодосий Луцкий также два раза упоминается в записях о поставлении епископов при митрополите Феогносте в 1328 г. [43: 431—434]. Епископская кафедра в Луцке была замещена или восстановлена не позднее 1326 г. Феодосий мог быть хиротонисан на нее митрополитом Петром. Нам представляется, что луцкий владыка Феодосий не случайно оказался в Москве незадолго до кончины митрополита Петра и был единственным епископом, совершавшим погребение [45: 205, 511]. Его мог вызвать в Москву митрополит Петр для того, чтобы дать распоряжения относительно имущества митрополичьей кафедры, имевшегося на Волыни, а также передать митрополичьи регалии, в т. ч. золотой крест, предоставленные ему для поездки на поставление, т. к. относился к ним как к имуществу Галицкой кафедры.

На основании ранее сказанного можно сделать вывод о том, что имеющихся в нашем распоряжении данных недостаточно для однозначного ответа на поставленный вопрос, но в пользу принадлежности креста Петру свидетельствуют происхождение митрополита из Галицко-Волынского княжества и присутствие при его кончине епископа, кафедра которого находилась в Луцке — резиденции Любарта-Дмитрия. Основанием для датировки записи является упоминание в ней смоленского епископа Иоанна, оставившего кафедру (вероятно, скончавшегося) не позднее августа 1345 г. Также в записи № 10 упомянут не названный по имени «владычка», взявший «от местечка Стольска 30 гривен» [32: 58]. Если и в этом случае имеется в виду Любарт-Дмитрий, то взимать какие-либо средства на территории Галицкой земли, где находился Стольск, он мог только после гибели Болеслава-Юрия II в марте 1340 г. В этом случае составление записи следует отнести к 1340–1345 гг. Возвращаясь к вопросу о том, была ли ликвидирована Литовская митрополия в 1330 г., заметим, что ни в одной из пяти записей о поставлении епископов при митрополите Феогносте за 1331–1345 гг. с участием епископов юго-западных территорий не упоминается полоцкий владыка [43: 435–436, 439–446].

Учитывая неофициальный характер и возможную неполноту записей, следует признать, что для ответа на вопрос о времени ликвидации Литовской митрополии у нас также недостаточно данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрощук О.В.* Любар // Енциклопедія історії України. Київ, 2009. Т. 6. С. 371–372.

2. Архив Юго-Западной России. Киев, 1859. Ч. 1. Т. 1.

3. *Бенешевич В.Н.* Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1913.

4. *Бєняк Я.* Вигаснення галицько-волинської княжої династії // Галичина та Волинь у добу Середньовіччя. Львів, 2001. С. 79–85.

5. *Варонін В.А.* Друцкія князі XIV стагоддзя // Беларускі Гістарычны Агляд. Снежань, 2002. Т. 9. (16–17). С. 3–30.

6. *Войтович Л.В.* Боротьба Любарта-Дмитра Гедиміновича за відновлення Галицько-Волиньскої державы // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Історичні науки. Луцьк, 2009. № 22. С. 120–127.

7. *Войтович Л.В.* Княжа доба: Портрети еліти. Біла Церква, 2006.

8. *Войтович Л.В.* Князь Лев Юрійович: спроба портрета // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2006. Вип. 10. С. 127–131.

9. *Войтович Л.В.* Польща, Мазовія, Литва й Угорщина у боротьбі за спадщину Романовичів // Галицько-волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 353–379.

10. *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1.

11. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 3.

12. *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005.

13. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

14. Древний помянник Киево-Печерской лавры [конца XV и начала XVI столетия] // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1892. Кн. 6. Отд. III. С. I–XIV, 1–88.

15. *Кметь В.Ф.* Юрисдикційний статус та організаційна структура Галицької [Львівської] єпархії [XII – середина XVI століття] // Ковчег. Львів, 2001. Ч. 3. С. 131–155.

16. *Кузьмин А.В.* Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4. С. 50–68.

17. *Куник А.А.* Объяснительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 113–197.

18. *Купчинский О.А.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004.

19. *Леонтович Ф.И.* Очерки истории литовско-русского права // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1894. Ч. 291. С. 46–107.

20. *Линниченко И.А.* Замечания на статью проф. И. Режабка // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 81–112.

21 *Лицкевич О.В.* «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора. СПб., 2019.

22. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

23. *Любащенко В.І.* Київські митрополити Кирило II і Петро Ратенський: історичні паралелі // Княжа доба. Історія і культура. Вип. 3. Львів, 2010. С. 213–256.

24. *Малевская М.В.* Церковь Иоанна Богослова в Луцке – вновь открытый памятник архитектуры XII века // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997. С. 9–35.

25. *Мейендорф И.Ф.* Византия и Московская Русь. Paris, 1990.

26. *Мицько І.З.* Давній Унівський пом'яник // Actestestantibus. Львів, 2011. С. 479–495.

27. *Мицько І.З.* Монастирські пом'яники про походження ктитора Унівського монастиря князя Федора Любартовича // Статті, написані після вигнання з Інституту українознавства НАНУ. Львів, 2000. С. 3–5.

28. *Мицько І.З.* Правові підстави володіння князем Любартом спадщиною Романовичів // Старий Луцьк. Луцьк, 2009. Вип. 5. С. 34–40.

29. *Новикова О.Л.* Лихачевский «Летописец от 72-х язык»: к истории создания и бытования // Летописи и хроники. Новые исследования. М.; СПб., 2010. С. 237–272.

30. *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.

31. *Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.

32. *Приселков М.Д., Фасмер М.Р.* Отрывки В.Н. Бенешевича по истории Русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности. 1916. С. 48–70.

33. ПСРЛ. М., 1926. Т. 1.

34. ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17.

35. ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18.

36. ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.

37. ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28.

38. ПСРЛ. М., 1975. Т. 32.

39. ПСРЛ. М., 1980. Т. 35.

40. *Режабек И.* Юрий II-й, последний князь всея Малыя Руси // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 1–66.

41. *Русина О.В.* Київська виправа Гедиміна (Текстологічний аспект проблеми) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1996. Т. 230. С. 147–157.

42. *Русина О.В.* Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005.

43. Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6: Дополнения.

44. *Седова Р.А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе Древней Руси. М., 1993.

45. *Скочиляс І.Я.* Галицька (Львівська) епархія XII–XVIII ст. Організаційна структура та правовий статус. Львів, 2010.

46. *Скочиляс І.Я.* Галицька митрополія XIV — першої половини XV століть: особливості еклезіального, правового та суспільного статусу // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2011. Вип. 4. С. 246—279.

47. *Сушицький Т.П.* Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. 2 // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1929. Т. 1.

48. *Терський С.В.* Лучеськ X–XV ст. Львів, 2006.

49. *Ульяновський В.І.* Митрополит Київський Спиридон: образ крізь епоху, епоха крізь образ. Київ, 2004.

50. *Флоря Б.Н.* Две грамоты князя Любарта (о Луцкой епископской кафедре в первой половине XIV в.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 250–254.

51. *Чамярыцкі В.А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969.

52. *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

53. *Шараневич И.И.* История Галицко-Володимирской Руси. Львов, 1863.

54. *Щербаковский Д.М.* Фундушевая запись князя Любарта луцкой церкви Иоанна Богослова 1322 г. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1905. Кн. 18, вып. 3–4. С. 61–70.

55. *Ючас М.А.* Хроника Быховца // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 220–231.

56. Acta Patriarchatus Constantinopolitani 1315–1402 // Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860. T. 1.

57. Das register des patriarchats von Konstantinopel. Wien, 1981. Teil. 1.

58. *Jakubowski J.* Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską // Prace Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Warszawa, 1912. № 7.

59. Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa. 1257–1506. Kraków, 1879. Cz. 1.

60. Monumenta Poloniae Vaticana. Kraków, 1913. T. 1.

61. *Narbutt T.M.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1835. T. 1.

62. *Prochaska A.* Przekład ruskiego latopisa ks. litewskich na język łaciński // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1888. R. 2. Z. 2. S. 196–205.

63. *Smolka S.* Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego: rozbiór krytyczny // Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie. Kraków, 1889. T. 8. S. 1–55.

64. *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów // Biblioteka Genealogiczna. Poznań; Wrocław, 1999. T. 2.

65. *Włodarski B.* Polska I Ruś: 1194–1340. Warszawa, 1966.

66. *Zajączkowski S.* Przymierze polsko-litewskie 1325 r. // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1926. R 40. Z. 4. S. 567–617.

REFERENCES

1. Androshchuk, O.V. (2009) Lyubar [Liubar]. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istoriï Ukraïni* [Encyclopedia of History of Ukraine]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka. pp. 371–372.

2. Yuzefovich, M.V. (ed.) (1859) *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii* [Archive of Southwest Russia]. Vol. 1(1). Kyiv: [s.n.].

3. Beneshevich, V.N. (1913) *Sinagoga v 50 titulov i drugie yuridicheskie sborniki Ioanna Skholastika* ["Synagoge of 50 Chapters" and Other Canonocal Collections by John Scholasticus]. St. Petersburg: V. Kirshbaum.

4. Benyak, Ya. (2001) Vigasnennya galits'ko-volins'koï knyazhoï dinastiï [The Decline of the Galicia–Volhynia Dynasty]. In: Isevich, Ya. (ed.) *Galichina ta Volin' u dobu Seredn'ovichchya*. Lviv: NAS of Ukraine. pp. 79–85.

5. Varonin, V.A. (2002) Drutskiya knyazi XIV stagoddzya [Drutsk princes of the 14th century]. *Belaruski Gistarychny Aglyad*. 9(16–17). pp. 3–30.

6. Voytovich, L.V. (2009) Borot'ba Lyubarta-Dmitra Gediminovicha za vidnovlennya Galits'ko-Volin'skoï derzhavy [Struggle of Lyubart-Dmytro Gediminovich for the renewal of the Galicia-Volhynia state]. *Naukoviy visnik Volins'kogo natsional'nogo universitetu imeni Lesi Ukraïnki. Istorichni nauki*. 22. pp. 120–127.

7. Voytovich, L.V. (2006) *Knyazha doba: Portreti eliti*. Bila Tserkva: [s.n.].

8. Voytovich, L.V. (2006) Knyaz' Lev Yuriyovich: sproba portreta. *Drogobits'kiy kraєznavchiy zbirnik*. 10. pp. 127–131.

9. Voytovich, L.V. (2011) *Galits'ko-volins'ki etyudi*. Bila Tserkva: Oleksandr Pshonkivs'kiy. pp. 353–379.

10. Golubinsky E.E. (1900) *Istoriya Russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 2. Part 1. Moscow: [s.n.].

11. Grushevskiy M.S. (1905) *Istoriya Ukraïni-Rusi* [History of Ukraine-Rus']. Vol. 3. Lviv: [s.n.].

12. Gudavichyus E. (2005) *Istoriya Litvy s drevneyshikh vremen do 1569 goda* [History of Lithuania from the Ancient Times to 1569]. Moscow: I.D. Syten Fund Baltrus.

13. Cherpenin, L.V. (ed.) (1976) *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian Princely Charters of the 11th – 15th centuries]. Moscow: Nauka.

14. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (1892) Drevniy pomyannik Kievo-Pecherskoy lavry [kontsa XV i nachala XVI stoletiya] [Ancient commemoration of the Kiev-Pechersk Lavra [late 15th and early 16th centuries]]. *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 6. pp. I–XIV, 1–88.

15. Kmet, V.F. (2001) Yurisdiktsiyniy status ta organizatsiyna struktura Galits'koï [L'vivs'koï] eparkhiï [XII – seredina XVI stolittya] [Jurisdiction and organizational structure of the Galician (Lviv) diocese (the 12th — mid 16th century)]. *Kovcheg*. 3. pp. 131–155.

16. Kuzmin, A.V. (2007) Opyt kommentariya k aktam Polotskoy zemli vtoroy poloviny XIII – nachala XV v. [An attempt of a commentary to the acts of the Land of Polotsk from the second half of the 13th – early 15th century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 4. pp. 50–68.

17. Kunik, A.A. (1907) Ob"yasnitel'noe vvedenie k gramotam i letopisnym skazaniyam, kasayushchimsya istorii Chervonnoy Rusi v XIV v., s prilozheniem podlinnykh tekstov [An explanatory introduction to Charters and Chronicle Accounts on the Fourteenth-Century History of Chervonnaya Rus]. In: Kunik, A.A. et al. *Boleslav-Yuriy II, knyaz' vsey Maloy Rusi* [Boleslav-Yuri II, Prince of All Little Russia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 113–197.

18. Kupchinsky, O.A. (2004) *Akti ta dokumenti Galits'ko-Volins'kogo knyazivstva XIII – pershoï polovini XIV stolit'* [Acts and Documents of the Kingdom of Galicia–Volhynia from the 13th to the First Half of the 14th Century]. Lviv: [s.n.].

19. Leontovich, F.I. (1894) Ocherki istorii litovsko-russkogo prava [Essays on Lithuanian-Russian Legal History]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 291. pp. 46–107.

20. Linnichenko, I.A. (1907) Zamechaniya na stat'yu prof. I. Rezhabka [Remarks on Prof. I. Rezhabek's Article]. In: Kunik, A.A. et al. *Boleslav-Yuriy II, knyaz' vsey Maloy Rusi* [Boleslav-Yuri II, Prince of All Little Russia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 81–112.

21. Litskevich, O.V. (2019) *"Letopisets velikikh knyazei litovskikh" i "Povest' o Podol'e": opyt kompleksnogo kriticheskogo razbora* ["Chronicler of the Grand Dukes of Lithuania" and "The Story of Podillia": an experience of complex critical analysis]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

22. Lurie, Ya.S. (1976) *Obshcherusskie letopisi XIV–XV vv.* [All-Russian Chronicles from the 14th – 15th Centuries]. Leningrad: Nauka.

23. Lyubashchenko, V.I. (2010) Kiïvs'ki mitropoliti Kirilo II i Petro Ratens'kiy: istorichni paraleli [Kiev Metropolitans Cyril II and Peter Ratensky: historical parallels]. In: Voitobich, L. (ed.) *Knyazha doba. Istoriya i kul'tura*. Vol. 3. Lviv: NAS of Ukraine. pp. 213–256.

24. Malevskaya, M.V. (1997) Tserkov' Ioanna Bogoslova v Lutske – vnov' otkrytyy pamyatnik arkhitektury XII veka [The Church of St. John the Apostle in Lutsk, a Newly Discovered Landmark of the 12th Century]. In: Lifshits, L.I. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo. Issledovaniya i atributsii* [Old Rus Art. Studies and Attribution]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 9–35.

25. Meiendorf, I.F. (1990) *Vizantiya i Moskovskaya Rus'* [Byzantium and Muscovy]. Paris: YMCA-Press.

26. Mitsko, I.Z. (2011) Davniy Univs'kiy pom'yanik [The Ancient Univ Commemoration Book]. *Actes Testantibus*. 20. pp. 479–495.

27. Mitsko, I.Z. (2000) *Statti, napisani pislya vignannya z Institutu ukraïnoznavstva NANU* [Articles written after his expulsion from the Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine]. Lviv: [s.n.]. pp. 3–5.

28. Mitsko, I.Z. (2009) Pravovi pidstavi volodinnya knyazem Lyubartom spadshchinoyu Romanovichiv [Legal Grounds for Pince Liubartas's Right of Succession to Romanovichi]. *Stariy Luts'k*. 5. pp. 34–40.

29. Novikova, O.L. (2010) Likhachevskiy "Letopisets ot 72-kh yazyk": k istorii sozdaniya i bytovaniya [The Lichachev's "Chronicle from 72 Peoples": to the History of its Compilation and Occurrence]. In: Novikova, O.L. (ed.) *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya* [Annals and Chronicles. New Research]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. pp. 237–272.

30. Pashuto, V.T. (1959) *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva* [Formation of the Lithuanian state]. Moscow: USSR AS.

31. Presnyakov, A.E. (1939) *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian History]. Vol. 2(1). Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.

32. Priselkov, M.D. & Fasmer, M.R. (1916) Otryvki V.N. Beneshevicha po istorii Russkoy tserkvi XIV veka [Beneshevich's Fragments on the Fourteenth-Century Russian Church History]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. 21(1). pp. 48–70.

33. Karsky, I.F. (ed.) (1926) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences.

34. Ptashitsky, S.L. & Shakhmatov, A.A. (ed.) (1907) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 17. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.

35. Presnyakov, A.E. (ed.) (1913) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.

36. Pokrovsky, F.I. (ed.) (1910) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.

37. Serbina, K.N. (ed.) (1962) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 28. Moscow; Leningrad: USSR AS.

38. Rybakov, B.A. (ed.) (1975) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 32. Moscow: Nauka.

39. Ulashchik, N.N. (ed.) (1980) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 35. Moscow: Nauka.

40. Rezhabek, I. (1907) Yuriy II-i, posledniy knyaz' vseya Malyya Rusi [Yuri II, the Last Prince of All Little Russia]. In: Kunik, A.A. et al. *Boleslav-Yuriy II, knyaz' vsey Maloy Rusi* [Boleslav-Yuri II, Prince of All Little Russia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 1–66.

41. Rusina, O.V. (1996) Kiïvs'ka viprava Gedimina (Tekstologichniy aspekt problemi) [Gediminas's March on Kiev (the Textological Aspect of the Problem)]. *Zapiski Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. 230. pp. 147–157.

42. Rusina, O.V. (2005) *Studiï z istoriï Kiєva ta Kiïvs'koï zemli* [Studies on the History of Kiev and the Land of Kiev]. Kyiv: Institute of History of Ukraine.

43. Pavlov, A.S. (ed.) (1906) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 6. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.

44. Sedova, R.A. (1993) *Svyatitel' Petr mitropolit Moskovskiy v literature Drevney Rusi* [Saint Peter, Metropolitan of Moscow, in Old Rus Literature]. Moscow: Russkiy mir.

45. Skochilyas, I.Ya. (2010) *Galits'ka (L'vivs'ka) eparkhiya XII–XVIII st. Organizatsiyna struktura ta pravoviy status* [The Galician (Lviv) diocese of the the 12th – 18th centuries. Organizational structure and legal status]. Lviv: UKU.

46. Skochilyas, I.Ya. (2011) Galits'ka mitropoliya XIV – pershoï polovini XV stolit': osoblivosti eklezial'nogo, pravovogo ta suspil'nogo statusu [The Galician Metropolis of the 14th – the first half of the 15th century: features of eklesial, legal and public status]. In: Aleksandrovich, V. (ed.) *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [Princely Era: History and Culture]. Vol. 4. Lviv: NAS of Ukraine. pp. 246–279.

47. Sushitskiy, T.P. (1929) Zakhidnorus'ki litopisi yak pam'yatki literaturi [Western Russian Chronicles as Literary Texts]. *Zbirnik Istorichno-filologichnogo viddilu Vseukraïns'koï akademiï nauk*. 1.

48. Terskiy, S.V. (2006) *Luches'k X – XV st.* [Lutsk from the 10th to the 15th Centuries]. Lviv: Vidavnitstvo L'vivs'koï politekhniki.

49. Ulyanovskiy, V.I. (2004) *Mitropolit Kiïvs'kiy Spiridon: obraz kriz' epokhu, epokha kriz' obraz* [Metropolitan of Kyiv Spiridon: an image through an era, an era through an image]. Kyiv: Lybid'.

50. Florya, B.N. (2000) Dve gramoty knyazya Lyubarta (o Lutskoy episkopskoy kafedre v pervoy polovine XIV v.) [The Two Charters of Prince Liubartas (on the Lutsk Episcopal See in the First Half of the 14th Century)]. In: Kalinina, T.M. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [Ancient States of Eastern Europe]. Moscow: RAS. pp. 250–254.

51. Chamyarytski, V.A. (1969) *Belaruskiya letapisy yak pomniki litaratury. Uzniknenne i litaraturnaya gistoryya pershykh zvodaŭ* [Belarusian Chronicles as Literary Texts]. Minsk: Navuka i tekhnika.

52. Shabuldo, F.M. (1987) *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [Lands of Southwestern Rus within the Grand Duchy of Lithuania]. Kyiv: Naukova dumka.

53. Sharanevich, I.I. (1863) *Istoriya Galitsko-Volodimirskoy Rusi* [History of Galicia–Volhynia]. Lvov: [s.n.].

54. Shcherbakovskiy, D.M. (1905) Fundushevaya zapis' knyazya Lyubarta lutskoy tserkvi Ioanna Bogoslova 1322 g. [The "Fundush" Record of Pince Liubartas to the Lutsk Church of St. John the Apostle from 1322]. *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa*. 18(3–4). pp. 61–70.

55. Yuchas, M.A. (1974) Khronika Bykhovtsa [The Bychowiec Chronicle]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Letopisi i khroniki. 1973* [Annals and Chronicles. 1973]. Moscow: Nauka. pp. 220–231.

56. Miklošich, F. & Müller I. (eds) (1860) *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Vol. 1. [s.l.; s.n.].

57. Hunger, H. & Kresten, O. (eds) (1981) *Das register des patriarchats von Konstantinopel*. Vol. 1. Vienna: [s.n.].

58. Jakubowski, J. (1912) Studya nad stosunkami narodowościowemi na Litwie przed Unią Lubelską [Studies of National Relations in Lithuania before the Union of Lublin]. *Prace Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*. 7.

59. Piekosiński, F. (ed.) (1879) *Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa. 1257–1506*. Vol. 1. Kraków: [s.n.].

60. Ptaśnik, J. (ed.) (1913) *Monumenta Poloniae Vaticana*. Vol. 1. Kraków: [s.n.].

61. Narbutt, T.M. (1835) *Dzieje starożytne narodu litewskiego*. Vol. 1. Wilno: [s.n.].

62. Prochaska, A. (1888) Przekład ruskiego latopisa ks. litewskich na język łaciński. *Kwartalnik historyczny*. 2(2). pp. 196–205.

63. Smolka, S. (1889) Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego: rozbiór krytyczny. *Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie*. 8. pp. 1–55.

64. Tęgowski, J. (1999) *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. Vol. 2. Poznań – Wrocław: [s.n.].

65. Włodarski, B. (1966) *Polska i Ruś: 1194–1340*. Warsaw: Państwowe Wydawn.

66. Zajączkowski, S. (1926) Przymierze polsko-litewskie 1325 r. *Kwartalnik historyczny*. 40(4). pp. 567–617.

Абеленцева Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Россия).

Olga A. Abelentseva – Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: oaabelen@mail.ru

УДК 94(47)+94(436)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/4

Н.И. НАДЕЖДИН И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

С.Г. Суляк
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Николай Иванович Надеждин (1804–1856) – русский филолог, литературный и театральный критик, философ, журналист, редактор, историк, археолог, этнограф, искусствовед, педагог. Сын бедного сельского священника. Фамилией Надеждин был обязан рязанскому архиепископу Феофилакту (Русанову), который возлагал на него большие надежды.

Н.И. Надеждин внес значительный вклад в развитие науки в России. Еще в 1834 г. он говорил о необходимости изучать русский язык в самых разных сферах, помимо художественной словесности и богословской литературы. Он отстаивал мысль о применении филологии в качестве вспомогательной дисциплины в истории, выступал одним из основателей исторической географии, сыграл значительную роль в становлении этнографии в России.

В своих работах Н.И. Надеждин затронул и историю Карпатской Руси. Первые материалы ученого по русинской тематике относятся к одесскому периоду его жизни. Самые ранние его статьи касались истории русинов Бессарабии, север которой, по нашему мнению, тоже относится к понятию «Карпатская Русь» («Прогулка по Бессарабии» (1839 г.), «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу угличам» (1844 г.)).

В 1840– 1841 гг. он совершил путешествие по южным и западнославянским землям. В «Записке о путешествии по южнославянским странам» (1842 г.) и в «Отчете о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям» (1844 г.) он упоминал о русском населении Венгрии и Трансильвании. К сожалению, отмечал автор, «Русь Юго-Западная, коей чистейшая и самообразнейшая часть уходит из пределов Российской империи», почти не изучается русскими учеными. Н.И. Надеждин сообщал о сохранившихся русских селениях в Трансильвании, жители которых еще недавно говорили «малороссийским языком». Он обращал внима-

ние на необходимость дальнейшей разработки дипломатики Дунайских княжеств, особенно Молдавского, которую начал Ю.И. Венелин.

Надеждин отметил, что географическая номенклатура не только в сопредельных с Россией Молдавском и Валашском княжествах, но и в Трансильвании и Венгрии, почти вплоть до Дуная, «под толстым слоем румынского и мадьярского наноса скрывает основной кряж – мало того славянский – собственно и именно русский».

В статье «Об этнографическом изучении народности русской» (1847 г.) Н.И. Надеждин еще раз поставил вопрос об изучении «народонаселения русского вне России». Он указал на «русскую стихию» в Австрийской империи, на проживавших в Галиции и Венгрии русинов (руснаков). Ученый напомнил, что в Трансильвании еще сохранились остатки русского населения: «В настоящее время, в большей части здешних русских селений, только женщины говорят еще по-русски; мужчины же променяли свой родной язык на господствующие вокруг: мадярский или волошский».

В Молдавии и Валахии «присутствие русской стихии обнаруживается еще явственнее, еще резче и целее. Особливо в Молдавии, она просвечивает всюду сквозь господствующий слой населения румунского; наиболее же – в так называемой Молдавии Верхней (Цара де Сус)».

Ключевые слова: Николай Надеждин, Карпатская Русь, Угорская Русь, Трансильвания, Бессарабия, русин, руснак.

N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Nikolai Ivanovich Nadezhdin (1804–1856), a Russian philologist, literary and theater critic, philosopher, journalist, editor, historian, archaeologist, ethnographer, art critic, and educator, was the son of a poor village priest. The surname Nadezhdin was given to him by the Ryazan archbishop Theophilact (Rusanov), who pinned great hopes on the boy. N.I. Nadezhdin made a significant contribution to the development of science in Russia. Back in 1834, he spoke of the need to study the Russian language in various fields, in addition to belles-lettres and theological literature. He defended the idea of using philology as a supporting discipline in history. Nadezhdin was one of the founders

of historical geography and played a significant role in the formation of ethnography in Russia. In his works, N.I. Nadezhdin focused on the history of Carpathian Rus. His first materials on Rusins appeared when he lived in Odessa. The earliest articles explored the history of Rusins in Bessarabia, the north of which is thought to belong to Carpathian Rus (*A Walk in Bessarabia* (1839), *On the location of the ancient city of Peresechen, belonging to the Uglich people* (1844)). In 1840–1841, on behalf of the Odessa educational district trustee D.M. Knyazhevich, Nadezhdin traveled through the southern and West Slavic lands. In his *Note on the Journey Through the South Slavic Countries* (1842) and *in The Report on the Journey Made in 1840 and 1841 in the South Slavic Lands* (1844), he mentions the Russian population of Hungary and Transylvania. Unfortunately, according to Nadezhdin, "South-West Russia, whose purest and most unique part was leaving the Russian Empire" was hardly studied by Russian scholars. N.I. Nadezhdin reported about the surviving Russian settlements in Transylvania, whose inhabitants had spoken the "Little Russian language". He drew attention to the need for further development of the diplomacy of the Danube principalities, especially Moldova, which was initiated by Yu.I. Venelin. Nadezhdin noted that the geographical nomenclature not only in the Moldavian and Wallachian principalities, which were adjacent to Russia, but in Transylvania and Hungary, almost up to the Danube, hides its Slavic and actually Russian nature "under a thick layer of Romanian and Magyar sediment." In his article *On the ethnographic study of the Russian nationality* (Notes of the Russian Geographical Society. Book. 2. SPb., 1847), N.I. Nadezhdin once again raised the question of studying the "population of the Russian outside Russia." He pointed to the "Russian element" in the Austrian Empire, to the Rusins (Rusnaks) living in Galicia and Hungary. The scholar recalled that the remnants of the Russian population could still be found in Transylvania, "At present, in most of the local Russian villages, only women still speak Russian; men, however, refused from their native language for the dominant languages around: Madyar or Volosh. In Moldavia and Wallachia, the presence of the Russian element was even more obvious. Especially in Moldova, where it shines everywhere through the ruling stratum of the Romanian population; and most of all – in the so-called Upper Moldavia (Ţara de Sus)."

Keywords: Nikolay Nadezhdin, Carpathian Rus, Ugrian Rus, Transylvania, Bessarabia, Rusin, Rusnak.

Николай Иванович Надеждин родился 5 (17) октября 1804 в с. Нижнем Белоомуте Зарайского уезда Рязанской губернии в семье потомственных священнослужителей. По семейной легенде, их род происходил от некоего дворянина Чудина, предки ученого не имели фамилии и носили прозвища Белоомутских или Беловодских. Они

Николай Иванович Надеждин

Источник: Портретная галерея русских деятелей. В 2 т. Т. 2. СПб.: тип. и литогр. А. Мюнстера, 1869. С. 48.

отличались от односельчан незаурядными умственными способностями и тягой к знаниям. Распространенным в семье именем было Иоанн, его носили дед и отец Николая [6: 1; 22: 303–304].

Дед Надеждина 20 лет прослужил в Преображенской церкви села, умер в возрасте 43 года в сане иерея. При той же церкви с малолетства причетником был пристроен и его сын, затем ставший диаконом и священником. Отец Николая имел атлетическое телосложение и крепкое здоровье, не чуждался физического труда: сам построил себе дом, занимался полевыми работами. Он не заканчивал ни семинарии, ни училища, однако обладал способностями и хорошей памятью, наблюдательностью и «страстью к чтению», как указывал в автобиографии Н.И. Надеждин. Не получивши никакого образования, он сам выучился читать по-латыни и по-гречески, имел понятие о ботанике, минералогии, астрономии, нумизматике [6: 2; 25: 50–51].

Несмотря на недостаток средств и «тяжелые физические труды, к которым он должен был прибегать из-за насущного хлеба», он «тратил последние добываемые им копейки на приобретение книг». Он покупал их на еженедельно проводимых в селе базарах, с рук, иногда переписывал книги, которые брал почитать. Так, у отца Н.И. Надеждина была собрана библиотека примерно в сто книг. Они все были на русском языке, без определенной тематики, иногда оборванные и без начала и конца, разрозненные тома. Отец, как вспоминал Н.И. Надеждин, больше любил исторические и нравоучительные труды [6: 2; 22: 304; 23: 157; 25: 51].

Кроме Николая, в семье были две старшие дочери – Анастасия и Ирина. Также его отец содержал, кроме собственных детей, многолюдную семью сирот, оставшихся на его руках по смерти его отца и

деда. На сына возлагались большие надежды: его не перегружали физическим трудом, отец рано стал обучать его грамоте. Он проявлял необыкновенную любознательность и зачитывался книгами из отцовской библиотеки. Лет с восьми у него обнаружилась и способность к писательству, также он научился сочинять стихи. По собственному признанию Н.И. Надеждина, его первыми учителями были отец и помещик Рязанской губернии, сотрудник московских периодических изданий С.Д. Нечаев, впоследствии обер-прокурор Священного синода [6: 2–3; 21: 304; 23: 157; 25: 51–52].

«Так дожил я в доме родительском до десятилетнего возраста, когда по обычаю и закону, в то время существовавшему, детям духовного звания следовало поступать в духовные учебные заведения», – вспоминал Н.И. Надеждин [25: 51]. Его отец понимал, что не сможет содержать сына в губернском городе, и решил в 1815 г. пристроить Николая причетником в своей церкви, для чего отправил мальчика в Рязань к архиепископу Феофилакту (Русанову). «Отец приказал написать просьбу к преосвященному и еще сочинить род речи для устного пред ним произнесения стихами. Это было мною исполнено с посильным усердием», – писал Н.И. Надеждин в автобиографии. Прибыв в Рязань, Николай в архирейском доме, будучи в толпе среди других просителей, представился архиепископу и удивил его своей речью и ходатайством. Феофилакт расспросил Николая, задал ему ряд вопросов. Особенно его поразили знания мальчика по географии и истории. Владыка объявил, что не определит его в причетники, а оставит в семинарии, и направил к смотрителю Рязанского уездного духовного училища, чтобы определить, в какой класс его устроить. Смотритель определил его в высший класс. Впрочем, архиепископ предоставил ему право во время учебы пользоваться доходами с места причетника, исполняя данные обязанности в дни каникул. Через год Николай перешел вместе со своими учениками в семинарию на класс риторики, а через два года – на класс философии [6: 6–10; 25: 52].

Обучался в классе риторики он уже под фамилией Надеждин. Ей Николай был обязан архиепископу Феофилакту, который возлагал на него большие надежды [6: 8]. Кстати, М.М. Сперанский (1772–1839) тоже родился в семье сельского священнослужителя и во время учебы во Владимирской епархиальной семинарии был записан под этой фамилией (в переводе с латинского – «подающий надежды»).

Николаю не было и 15 лет, когда он закончил курс философии. Лучших воспитанников семинарии направляли в Московскую духовную академию. Как правило, это были закончившие полный

семинарский курс (он не закончил богословский класс), и Н.И. Надеждин «не имел повода готовиться к сему в эту пору, и уже другие были выбраны». Однако в то время в Рязань с визитом из академии прибыл архимандрит, ректор Спасо-Вифанской духовной семинарии Никанор, будущий митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Он и определил Николая студентом академии, куда тот и отправился учиться в 1820 г. Покровительствовавший Николаю Феофилакт в 1817 г. стал митрополитом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии, епископом Рязанским и Зарайским был назначен Сергий (Крылов-Платонов), который тоже помогал подростку и разрешил ему пользоваться доходами с места причетника во время обучения в академии. Как отмечал Н.И. Надеждин, «с этих пор, можно сказать, началось мое настоящее воспитание» [6: 13, 15; 25: 53].

Московскую духовную академию он закончил в 1824 г. со степенью магистра богословия. Его не оставили в академии, поскольку он не стремился принять духовный сан. Надеждин получил направление в Рязанскую семинарию в качестве профессора русской и латинской словесности. В октябре 1826 г., после долгих хлопот, не отработав положенных четырех лет после окончания академии, он был уволен с занимаемых должностей и лишен духовного звания. Как писал сам Н.И. Надеждин, «согласно моему прошению, по причине болезни уволен для поступления в гражданскую службу» [21: 304–305; 25: 55].

Приехав в Москву, он устроился домашним учителем в семье Самариных. Его ученик Юрий Федорович Самарин впоследствии стал известным славянофилом. За два года преподавания в этой семье и проживания в их доме Надеждин значительно повысил свое образование. По его словам, «все это дало мне способы переработать прежний запас исторических моих сведений по новым взглядам». Он внимательно изучил современную литературную полемику на страницах московских литературных журналов [21: 304; 25: 55–59].

В то время он познакомился с профессором Московского университета, издателем «Вестника Европы» М.Т. Каченовским, с которым у него сложились весьма тесные отношения. С апреля 1828 г. Надеждин начинает публиковаться в «Вестнике Европы», с 1829 г. – в журналах «Русский зритель», «Московский вестник», «Атеней», «Галатея». Имя его получило известность. Из-под пера Н.И. Надеждина выходят критические очерки и рецензии, материалы исторического и философского характера, ряд стихотворений [6: 45, 47; 19: 20; 21: 170; 22: 305; 25: 59].

С 1829 г. Надеждин состоял членом Общества истории и древностей российских [19: 24].

С М.Т. Каченовским у Н.И. Надеждина сложились теплые отношения, и профессор предложил ему преподавать в университете. Для этого нужно было защитить ученую степень. Сдав экзамены, Надеждин взялся за написание диссертации на латинском языке о романтической поэзии «De origine, natura et fatis Poëseos, quae Romanca audit. Dissertatio historico-critico-elenetica». Отрывки из нее известны под названием «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии». После ее защиты он получил степень доктора словесных наук и 26 декабря 1831 г. был назначен в Московский университет ординарным профессором по кафедре изящных искусств и археологии в 27 лет [17: 154; 18: 432; 19: 21–23; 21: 170; 21: 305–306; 25: 59–63].

Одновременно с работой в университете Н.И. Надеждин по приглашению дирекции Императорских театров преподавал логику, русскую литературу и мифологию в Московской театральной школе. В том же году стал редактором основанного им журнала «Телескоп» и приложения к нему «Молва» [19: 23–24; 21: 170; 25: 63]. Также он неоднократно исполнял обязанности визитатора (инспектора) гимназий и уездных и приходских училищ Московского учебного округа, члена училищного комитета и комитета для испытания гражданских чиновников [25: 65]. В 1834 г. он избран в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете [19: 24; 21: 170].

Н.И. Надеждин писал: «Между тем жестокие болезни, которыми я страдал постоянно, заставили меня обратить внимание на свое здоровье. Доктор признал необходимым, чтобы я на лето съездил за границу. Это заставило меня просить увольнения от службы с дозволением совершить путешествие» [25: 64–65].

В 1834 г. Н.И. Надеждин пережил тяжелую личную драму. Он полюбил старшую дочь семейства Сухово-Кобылиных Елизавету Васильевну (1815–1892), наставником которой стал по приглашению ее семьи. Кстати, отец Николая Ивановича упорно отговаривал сына от этого шага, предусмотрев в переезде к Сухово-Кобылиным большое несчастье, да и сам ученый долго не соглашался на это. Несмотря на взаимность со стороны девушки, родители отказали низкородному претенденту. Н.И. Надеждин посчитал, что для Сухово-Кобылиных нужны «наружный блеск» и деньги. Он решил уволиться из Московского университета и уехать на полгода за границу. Ученый рассчитывал, что путешествие поможет ему сделать карьеру, и он, вернувшись, начнет служить в Министерстве внутренних дел [6: 457–480, 482-511, 522, 524–525, 546, 550–552; 22: 308].

29 мая 1835 г. он по прошению был уволен из университета [17: 154], а в июне отправился в заграничное путешествие. Н.И. Надеждин посетил Германию, Францию, Швейцарию, Италию, Австрию. В Геттингенском университете он слушал лекцию археолога и филолога К.О. Мюллера, беседовал с историком А. Гереном. В Париже познакомился с французским археологом Д. Рауль-Рошеттом и был у него на лекциях, которые тот читал в Королевской публичной библиотеке. После путешествия по Черноморскому побережью в декабре 1835 г. он вернулся в Москву. По приезде Надеждин издал «Выдержки из дорожных воспоминаний» [6: 507–524; 9: 210; 25: 65].

Здоровье его не улучшилось, и он был вынужден просить об окончательной отставке от службы, что и последовало в октябре 1835 г. [25: 65]. Дома его ждала и развязка сердечной драмы. Мать Елизаветы М.И. Сухово-Кобылина поспешила увезти дочь за границу. Сохранилось письмо, отправленное Н.И. Надеждным Елизавете[1], уезжавшей в Испанию: «Богу неугодно было соединить нас! Да будет Его святая воля! Терпение и надежда! Я остаюсь ждать!» [6: 524].

Во время отсутствия Надеждина «Телескоп» редактировал молодой В.Г. Белинский [6: 495], который не смог организовать ни регулярного выхода, ни разнообразного содержания журнала и приложения [6: 537; 22: 308].

П.Я. Чаадаев, с которым Н.И. Надеждин был шапочно знаком с 1832 г., в 1836 г. предложил напечатать в «Телескопе» свои «Философские письма». До этого он все четыре года пытался их опубликовать в различных изданиях, но в публикации либо отказывала московская цензура, либо издатели требовали кардинальных изменений в тексте (но, как понимаем, известить об этом Н.И. Надеждина он «позабыл»). Свою прежнюю напыщенность и холодность Чаадаев при общении с Н.И. Надеждиным сменил на «радушный и приятный тон» и учтивость, что удивило последнего. Ученый письма одобрил, посчитал, что они заинтересуют публику и помогут росту популярности журнала. Он не заметил в них «вольномыслия и политической неблагонадежности» [6: 533–534, 537–538; 22: 309].

Осенью 1836 г. в 15-й книге «Телескопа» были опубликованы «Философические письма к г-же ***. Письмо 1» Чаадаева. Главное управление цензуры 19 октября приняло определение, на основании которого министр народного просвещения граф С.С Уваров ходатайствовал перед Николаем I о закрытии «Телескопа» и увольнении цензора Болдырева. Для расследования была учреждена особая комиссия. В московской квартире Н.И. Надеждина, а также у В.Г. Белинского были произведены обыски и изъяты все бумаги.

Сам Надеждин был отправлен в Санкт-Петербург. Во время допроса он все подробно и достоверно изложил. В то же время Чаадаев во время дознания проявил «трусость и малодушие». Он назвал свои письма «сумасбродными и скверными» и указал на Надеждина как на главного виновника их публикации. Однако его попытки обелить себя в глазах правительства и родного брата были не очень удачны [6: 543–550; 22: 309].

Н.И. Надеждин был выслан под надзор полиции в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар). Учитывая тяжелое материальное положение ученого, шеф жандармов и начальник III отделения граф А.Х. Бенкендорф выхлопотал для него «позволение писать и печатать под своим именем» [3: 550]. Ссылка стала для Надеждина тяжелым ударом. Карьера его была испорчена, мечты о семейном счастье разбиты [6: 546]. Как писал Н.К. Козмин, в обществе «прежний обольститель Сухово-Кобылиной был изображен в новой роли врага Отечества» [6: 551].

Ссылка Н.И Надеждина в Усть-Сысольске, а затем в Вологде продлилась два года [22: 309]. Как писал в автобиографии сам ученый, это был «решительный переворот во всей моей судьбе, вследствие которого я должен был оставить Москву и провести около года на жительстве в Вологодской губернии. Это разорвало меня окончательно с эстетикой и археологией. Я перенес мои занятия совершенно на другое поприще, и именно на поприще географии и этнографии, сверх того, на сотрудничество в издававшемся тогда "Энциклопедическом лексиконе". Я обратился к истории вообще и отечественной в особенности» [25: 66–67]. Во время ссылки ученый написал множество работ по этнографии, лингвистике, археологии, географии, фольклористике, истории религии и церкви [22: 309]. В апреле 1839 г. он был прощен царем и, получив право жить «всюду, где пожелает», отбыл в Санкт-Петербург [8: 211]. По возвращении из ссылки Н.И. Надеждин начинает заниматься в основном этнографическими и историческими исследованиями, в частности историей религии [20: 566–567]

После ссылки здоровье Н.И. Надеждина ухудшилось, и он принял предложение переехать на жительство в Южную Россию, а именно в Одессу. Там он много общался с Д.М. Княжевичем, тогда попечителем учебного Одесского округа, который основал в Одессе Общество истории и древностей и был его первым председателем. Надеждин стал членом этого общества, много писал для него и в 1840–1841 гг. совершил по его поручению «обширное путешествие по Юго-Восточной Европе, продолжавшееся более года» [25: 67]. Также он занимался выпуском первого тома «Записок Одесского

общества истории и древностей». В Одессе он пробыл менее года, а в марте 1842 г. по прошению был принят на службу в Министерство внутренних дел. В августе Надеждин отправился в Санкт-Петербург, где должен был вступить в должность редактора «Журнала Министерства внутренних дел» [25: 68]. Обострение ревматизма задержало его в Одессе, после чего более месяца он лечился в Киеве и только поздней осенью прибыл в Санкт-Петербург [18: 29].

Его задачей стало коренное преобразование журнала. Работа над ним занимала много времени. Можно сказать, что восемь томов журнала, вышедшие в первые два года под его редакцией, были написаны его рукой. Также ему поручались дела, требовавшие философско-богословских знаний. Направляли его и в командировки: в 1845 и 1846 гг. он побывал в разных губерниях и десять месяцев за границей (с половины мая до половины марта), в 1847 и 1848 гг. – пять месяцев (с 7 августа по 15 января) [25: 68–70]. Командировки были «с возложением… особых секретных поручений» [9: 211]. В журнале он напечатал ряд ценных трудов по географическому, этнографическому и статистическому изучению России [18: 433].

За семь лет службы в министерстве Н.И. Надеждин стал статским советником (1845 г.), что давало ему право на потомственное дворянство, затем действительным статским советником (1851 г.). Награжден орденами Анны второй степени (1846) и Владимира третьей степени (1848 г.) [25: 70].

В конце 1848 г. он возглавил отделение этнографии Русского географического общества. Также был редактором изданий «Общества географических известий» (СПб., 1848. Вып. 1–6) и «Этнографического сборника» (СПб., 1853–1854. Вып. 1–2) [18: 433–434; 25: 73].

29 августа 1853 г. Н.И. Надеждина в гостях разбил паралич. Была поражена вся левая сторона: нога и рука отнялись, рот и глаз перекосило, речь сделалась невнятной. Вскоре рука и нога немного восстановились, однако проблемы с речью остались. С лета 1854 г. состояние его здоровья ухудшилось [25: 71–72].

Скончался Надеждин в Петербурге 11 (23) января 1856 г. в возрасте 52 лет. М. Чистяков, один из бывших его студентов, так описал похороны своего учителя: «Была зима и страшная вьюга, за гробом его шли три-четыре человека, ни одного из членов Географического общества…, ни одного журналиста, ни одного из обыкновенных его гостей не было…» [22: 309].

Н.И Надеждин был похоронен на Смоленском кладбище, в склепе под церковью. Над гробом Надеждина известный ученый, протоиерей Ф.Ф. Сидонский произнес небольшое, с чувством написанное слово на священный текст: «Духа не угашайте!» [25: 78].

Н.И. Надеждин внес значительный вклад в развитие науки в России. Еще в 1834 г. он говорил о необходимости изучать в самых разных сферах, помимо художественной словесности и богословской литературы, еще и язык юриспруденции, естественных и математических наук, техники, военного дела и т. д., отстаивал мысль о применении филологии в качестве вспомогательной дисциплины в истории, выступал одним из основателей исторической географии, сыграл большую роль в становлении этнографии в России [9: 211].

Его первый биограф П.С. Савельев писал: «Одних напечатанных уже сочинений его достаточно было бы для известности нескольких ученых: по разносторонности они представляются как бы трудами целого факультета. Но много трудов, частью неоконченных, частью в отрывках, преимущественно относящихся к истории православной церкви, осталось еще после него в рукописи» [25: 77].

Можно согласиться со словами авторов биобиблиографического словаря-справочника «Русские филологи XIX века», что «издательская судьба творческого наследия Надеждина была не слишком счастливой, что, видимо, стало одной из причин явно недостаточного внимания к нему и со стороны критики, и со стороны современной филологической науки» [22: 309].

Как писал И.П. Филевич, «научные заслуги Надеждина ни при его жизни, ни вскоре после смерти не получили признания (кроме речи Срезневского); труды его остались разбросанными по журналам и газетам, а к 70-м годам совершенно забыты. Надеждин слишком опередил свое время» [29: 28].

И.И. Срезневский в «Воспоминаниях о Н.И. Надеждине» поднял вопрос о необходимости выпуска сборника его работ: «Подобрать вместе все им написанное по каждой отрасли его работ отдельно и в должном порядке по содержанию, с этим вместе собрать и с недосказанным письменно соединить всюду, где возможно, воспоминания тех, которым он высказывал свои ученые соображения, выводы, мысли и убеждения – вот что должно, кажется, сделать, как памятник Надеждину и вместе как один из достойнейших памятников современной русской науки и литературы. Этот сборник осязательно укажет даже своим внешним объемом значительность ученой деятельности Надеждина: он займет не менее шести больших томов, если и не будет в нем дано места, как и следует, ни переводам и извлечениям, ни переработкам чужих трудов. Для всех знающих еще значительнее он будет и по ученой основательности содержания, и вместе по удивительному разнообразию и важности предметов. И явится этот сборник в нашей литературе не только как памятник уже прошедшего, но как светоч для будущего, если не навсегда, то,

по крайней мере, надолго, как светоч огня чистой любви к добру и к истине, любви к Отечеству и полезному для него труду, от которого займут себе искру много других светочей» [24: 85–86; 27: 15–16].

Первым биографом Н.И. Надеждина стал П.С. Савельев, издавший его автобиографию со своими дополнениями [25]. Н.К. Козмин подробно описал жизнь и научно-литературную деятельность с 1804 по 1836 г. [6]. О вкладе Надеждина в науку, особенно в этнографию, написал в «Воспоминаниях о Н.И. Надеждине» И.И. Срезневский [24; 27]. Дополняют воспоминания «Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина» Г.И. Геннади [4]. С.А. Венгеров в своем исследовании «Источники словаря русских писателей» перечислил большинство дореволюционных работ, посвященных биографии и трудам Н.И. Надеждина [2]. В дореволюционный, советский и постсоветский период биографические справки об ученом и его библиография публиковались в различных энциклопедиях, словарях и т. д. Некоторые из них мы использовали в данной статье [9; 17–22; 24–25; 27]. Недавно вышла библиографическая работа М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижева [23].

В своих трудах Н.И. Надеждин затрагивал и русинскую тематику. Как считал И.П. Филевич, первые сведения о русинах Карпатской Руси ученый получил от Ю.И. Венелина (1802–1839), с которым был в хороших отношениях [29: 8]. Как отмечал в биографическом очерке его двоюродный брат И.И. Молнар, получив аттестат по окончании курса медицинских наук в 1829 г., Венелин первым делом отправился к Надеждину [3: XLVIII–XLIX]. Точку зрения И.П. Филевича подтверждает тот факт, что Н.И. Надеждин несколько раз упоминает о Ю.И. Венелине в своем «Отчете о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям» как о первом разработчике молдавской средневековой дипломатики; что он «одних увлек, других соблазнил, всех же вообще изумил неслыханной новостью и оригинальностью своих взглядов вообще на мир южнорусский, взглядов, грозивших решительным переворотом всей древней истории нашего Отечества». Н.И. Надеждин подчеркнул, что западноевропейские историки, изучая «южнославянский мир», не пренебрегают источниками, которыми пользовался Ю.И. Венелин, а некоторые из них, например, Ян Коллар, по многим вопросам «более или менее сходятся с Венелиным» [15: 539, 542–543].

И.П. Филевич первым широко осветил «соображения Надеждина об этой Руси, а равно его мысли об изучении русской исторической древности и пределах древнерусской территории». Свою монографию (извлечение из докторской диссертации) он посвятил памяти Н.И. Надеждина [29: 1; 8–11; 25–68]. А.А Кочубинский отметил

вклад Надеждина в изучение истории русского населения Дунайского Залесья (Трансильвании) [7: 48; 8: 128]. Ф.Ф. Аристов упомянул, что именно Н.И. Надеждин первым поставил вопрос о времени появления «русского имени» в Карпатах [16: 150]. Т.В. Полянина в своей статье рассказала о вкладе Н.И. Надеждина и И.И. Срезневского в изучение истории и культуры Закарпатья и Галичины [26].

Первые работы Надеждина, затрагивающие русинскую тематику, написаны в одесский период его жизни. Причем самые ранние статьи касаются истории русинов Бессарабии, север которой, по нашему мнению, тоже относится к понятию *Карпатская Русь* [28: 288].

Еще И.П. Филевич обратил внимание, что «блестящие статьи Н.И. Надеждина по вопросу о началах русского имени и русского племени и о значении Карпат в этих отношениях» относятся к 1840-м гг. На торжественном заседании Общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 г. он произнес речь, в которой наметил стоявшие перед историками задачи: «изучать Новороссию не только в мертвых и немых ее остатках, которыми усыпана поверхность, упитаны недра наших степей, но и в дышащих, говорящих памятниках национальности народов, жизнью которых наполнялись некогда эти степи» [12: 34; 29: 8–9].

В статье «Опыт исторической географии Русского мира» Н.И. Надеждин указал на важность изучения географической ландкарты (географической номенклатуры): «красноречивее всех географические названия, в которых звучит язык, это первое свидетельство, первый акт исторического существования народов. Вот почему с изучения ландкарты должно начинаться изучение истории» [10: 27–28; 29: 30–31].

В 1839 г. Н.И. Надеждин совершил поездку по Бессарабии – с целью не только познавательной, но и историко-этнографической. Будучи в Кишиневе, он в своем очерке «Прогулка по Бессарабии» вспомнил, что при пансионе Кишиневской духовной семинарии, который готовил переводчиков для государственной службы в Бессарабской области, в должности надзирателя служил покойный Венелин [11: 391].

Проезжая мимо «деревни Пересечени», ученый отметил, что «в первый раз внутри Бессарабии услышал я чистые славянские звуки, с насечкою румунского чекана. Значит, оно принесено сюда не русскими после завоевания области». Он был уверен, что «нашел настоящий Свентельдов Пересечень и настоящих угличей-славян». Он обратил внимание, что уличи вместе с тиверцами в летописи показаны «приседящими ко Дунаеви», причем еще прибавлено, что «множество их сидели по Бугу и по Днестру, иные до моря». Ученый

напоминает, что татары, переселившиеся позже в Южную Бессарабию, назвались «буджаками», т. е. «угловыми». Племя славян жило на этом же углу и назвалось соответственно «угличами». Татары же, скорее всего, заимствовали это название [11: 396–399].

Будучи на севере Бессарабии, в Хотине, Надеждин написал: «На бессарабской стороне земля русская продолжается несколько далее, до ручья, называемого Черный Поток. Там Австрия переходит через Днестр. Другая империя, другие формы государственного и гражданского существования, другой мир политический! А между тем природа та же и люди те же! Жители – одного происхождения, одних нравов, одной физиономии, одного языка, одной веры. Своенравие судьбы разорвало семью кровных братьев» [11: 412].

Говоря о «румунском простонародье», автор отмечал: «оно чище сохраняет в себе признаки слияния римской крови со славянскою, чем высший класс, непосредственнее подвергавшийся влиянию турецкой атмосферы». Ученый обратил внимание, что «костюм мужчин сбивается на козацкий. Женщины весьма близки к хохлачкам». «Здесь царствует “понява”, обыкновенный наряд наших поселянок вплоть до Оки, за которою уже сменяет ее северный "сарафан"». «Нет! Недаром старики наши называли города волошские и болгарские “городами русскими”»!» [11: 415–417].

Позже в статье «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу угличам» Н.И. Надеждин продолжил тему последних. Он считал, что летописные «уличи» – на самом деле «угличи», «все прочие варианты суть описки». «Угличи» – не что иное как «угловые славяне», обитавшие на побережье Черного моря, между Днестром и Дунаем. Эта местность представляет собой угол. Позже славян вытеснили «из заветного угла» кочевники. Они утратили имя *угличи*. Потом на этом месте поселились татары. Степную часть Бессарабии назвали по-татарски *Буджак*, что значит *угол*, переняв это имя от прежних поселенцев. Когда татары переселились в другое место, они тоже перестали называться *буджак* (буджакскими, угловыми) [14: 252–253; 256].

С сентября 1840 г. по сентябрь 1841 г. Н.И. Надеждин вместе с Д.М. Княжевичем путешествовал по «южнославянским странам». Как писал сам ученый, путешествие «обнимало следующие страны Средне-Южной Европы: Молдавию, Буковину, Трансильванию (или по-славянски Землю Семиградскую), так называемый Банат (иначе Банатскую военную границу Австрийской империи) и подунайскую середину Венгрии; затем Штайермарк или Штирию, Крайну, Истрию, Венгерское побережье (Littorale), Военную Кроацию (Хорватию), Далмацию с так называемой Австрийской Албанией и Черную Гору;

потом Кроацию провинциальную, Славонию и нынешнее княжество Сербское; наконец Восточную потисскую Венгрию, где находится так называемая земля Земля язигов (Iazygen Land) и Кумания, Великая и Малая» Также они побывали в Италии, Богемии и ряде стран Северной Германии [15: 519].

Н.И. Надеждин обозначил целью своей поездки изучение памятников «немых, письменных и говорящих». Памятники немые: «сюда относятся остатки минувших времен, которые в буквальном смысле "бессловесны"; остатки материальные, как-то древние здания, развалины зданий, пустыри селений и городов, со всеми самомельчайшими признаками человеческого местопребывания, человеческого употребления или человеческой обработки» [15: 530]. Памятники письменные: «здесь совокупляются под одно наименование все остатки письма, завещанные стариной и повествующие о старине: будут ли то строчка, даже буква на монете, камне и всяком другом вещественном памятнике древности; или целый свиток, целая книга, посвященная "делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой"! Такими памятниками обозренное нами пространство не скудно» [15: 536]. Ученый отметил, что славянской дипломатикой обоих Дунайских княжеств, особенно Молдавского, от которой можно ожидать «обильнейшей добычи», начал заниматься Ю.И. Венелин. К сожалению, как констатировал исследователь, «остатки ее, которых нынешние румыны не умеют и прочесть, не только оценить, берегутся ими за десятью замками, в сокровенных ларцах, точно волшебные амулеты» [15: 539].

Памятники говорящие – это географическая номенклатура урочищ, местностей, городов, селений [15: 543–544].

Выехали Н.И. Надеждин и Д.М. Княжевич за границу через Бессарабскую область, сначала в Молдавское княжество, потом в Буковину, «ныне принадлежащую Австрийской империи, но населенную все еще чистыми румынами, а отчасти русинами, т. е. малорусами» [13: 87–88]. Путешествуя дальше, Н.И. Надеждин отметил, что вместе с «лингвистическими изысканиями, или, лучше, вследствие их, напал я на другую соприкосновенную область отечественного самопознания, которая также прямо в непосредственно относится к занятиям академии. Это история, география и этнография наших прикарпатских братьев, которые, несмотря на вековую разлуку с нами, до сих пор с русским именем, берегут как святыню русский язык и русскую народность» [13: 101].

Ученый обратил внимание на то, что «до сих пор все исследования наших историков, этнографов и археологов – исследования… обращались преимущественно, даже, можно сказать, исключитель-

но, на Русь, заключающуюся в обширных пределах российского государства». Причем «особенное, впрочем, весьма естественное предпочтение, оказывалось Руси Северо-Восточной, основательнице настоящей славы и величия имени русского. Русь Юго-Западная, коей чистейшая и самообразнейшая часть уходит из пределов Российской империи, простирается за Карпаты до Дуная, во всю длину его течения по древней Паннонни, – эта Русь едва удостаивалась мимоходного упоминовения в предисловиях к русским историям. Доходило даже до того, что сознание нашего кровного родства и единства с юго-западными нашими соименниками… затмевалось совершенно в новейших бытописателях и исследователях» [13: 101–102].

Н.И. Надеждин «убедился вполне, неопровержимыми доказательствами, что русская стихия простиралась на юго-запад по обе стороны Карпат, вплоть до Дуная, задолго до вторжения мадьяров в Паннонию; что мадьяры не привели сюда с собою русов, а нашли их здесь, осилили, расположились жить и господствовать меж них и таким образом разорвали то непосредственное соседство, в котором русы, по свидетельству наших отечественных и чужих преданий, находились некогда с сербами, хорватами и славяно-чехами. Доказательства, на коих основалось мое переубеждение, суть исторические, этнографические, топографические и даже лингвистические» [13: 103]. Он обратил внимание на то, что «в Трансильвании, в сокровеннейших ущельях Карпат, при истоке Ольты, между румынами, мадьяро-склерами и саксами находятся деревни, которые по сие время называются "русскими", жители которых, на памяти ныне живущего поколения, говорили еще между собою "по-русски", то есть карпато-русинским, или, что то же, малороссийским языком» [13: 103–104].

Он считал, что данный факт поможет объяснить многие неясные страницы русской истории, начало христианства на Руси, «происхождение и смысл нашей древней летописи» и т.д., в т. ч. и решить «загадку сфинкса»: известный список «Русских городов, дальних и ближних». С мыслями ученого согласились Е. Копитар и П.Й. Шафарик [13: 104–105].

Н.И. Надеждин отмечал, что «географическая номенклатура не только сопредельных с нами Молдавии и Валахи, но даже Трансильвании и Венгрии, почти вплоть до Дуная во всю длину течения его по Паннонии, под толстым слоем румынского и мадьярского наноса скрывается основной кряж – мало того славянский – собственно и именно русский». Об этом «вразумительнее и красноречивее говорят историкам и археологам живые люди»: «своими народными

обычаями и нравами, характеристическими особенностями всего своего образа жизни, типом своей физиономии, коротко сказать – всеми отличительными признаками своей национальности» [15: 545].

Он писал, что «в Карпатах и за Карпатами живут наши кровные, родные братья, русские, такие же, как и мы, которые называют себя "русинами", которых немцы зовут "Ruthenen" и "Russniaken", мадьяры величают "Orosz"; что они живут в тринадцати комитатах, населяя 702 местечка в одной Венгрии; что их порядочное количество рассеяно и по Трансильвании, даже до границ Валахии, несмотря на постоянное, систематическое истребление здесь всего славянского» [15: 545].

Они «рано, очень рано, по крайней мере, неоспоримо, до начала нашей книжной истории, отрезались оплотом Карпат от своих прочих братьев и здесь на продолжении веков оставались недоступными тем влияниям, под которыми развивалось большинство великого племени русского» [15: 546].

Исследователь также обратил внимание на то, что румыны (скорее всего, ученый имел в виду жителей Молдавского княжества. – *С.С.*) – «полулатинская и полуславянская народность», они «имеют разительные черты сходства больше именно с народностью именно русской, чем других славянских племен», а в «глубине степей Венгрии мадьярка до сих пор отличается костюмом, изумительно напоминающим обыкновенный наряд наших северных поселянок под Москвой или за Москвой» [15: 546].

В своей речи «Об этнографическом изучении народности русской» на годовом собрании Русского географического общества 29 ноября 1846 г. ученый поставил задачи перед зарождавшейся русской этнографией, рассматривая ее отдельной наукой. Для «этнографического изучения русского человека» необходимо «подмечать и описывать все собственно русское, все, чем мы, народ русский, отличаемся от прочих народов в своем складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях: нравах – как являются они на том раздольном просторе домашней, своеобычной жизни, где всякий человек сам себе господин, где у русского человека в особенности, по собственному выражению, "душа на ладони, сердце за поясом"; понятиях – также в том самодельном, доморощенном наборе и убранстве, в каком они, с завета праотеческой старины, из рода в род, передаются в так называемых народных приметах и поверьях, сказках и песнях, пословицах и прибаутках, замечательных изобилием и характерностью в особенности у человека русского» [16: 62–63]. Причем дол-

жен «изучаться русский люд во всех нынешних своих самомельчайших разветвлениях. Стало быть, охотники и мастера наблюдать не должны оставлять без внимания ни малейшего уголка, где только чуется Русь, где только есть русские» [16: 81].

Н.И. Надеждин впервые в российской науке поднял вопрос об изучении русского населения, живущего за пределами нынешней России: «эти русские вне России тем большего заслуживают внимания, что в них основное общерусское начало не подвергалось многим из тех влияний, каким подлежат или подлежали русские в нынешних пределах России; почему особенности, ими представляемые, должны иметь особенный интерес при том процессе сравнения, коим должно доходить до открытия подлинных черт истинно русской народности» [16: 82].

Ученый пояснил, что «до сих пор существование народонаселения русского вне России положительно и официально известно только в пределах монархии Австрийской; и тут, именно в Галиции (имеется в виду с Буковиной, которая с 1786 по 1849 г. была в составе коронной земли Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора. – *С.С.*) и в Венгрии. Эти австрийские русы, или, как они сами себя называют, русины и русаки (вероятно, в тексте опечатка, ибо в других случаях Н.И. Надеждин употребляет этноним *руснаки*. – *С.С.*) численностью своей представляют весьма значительную массу, простираясь, по означению туземца Шафарика, до 2 774 000 душ, из коих приходится на Галицию 2 149 000, на Венгрию – 625 000 душ». Таким образом, «обе стороны горного Карпатского амфитеатра, поколику проходит он между Галициею и Венгриею, являются покрытыми населенностью русскою: и чем глубже в горы, тем гуще, сплошнее и чище» [16: 83].

Однако этими пределами, по мнению ученого, «далеко не ограничивается действительное распространение народности русской вне России. На всем огромном протяжении нынешней западной границы Российского государства, от устьев Немана до устьев Дуная, стихия русская прорывается за рубеж и местами отбрасывается в изумительную даль, можно сказать народною русскою ж поговоркой – "за тридевять земель в тридесятое царство"» [16: 83–84].

Говоря о Карпатской Руси, исследователь отметил, что «в пределах той же еще монархии Австрийской, смежно с Галициею и Венгриею, лежит особая страна, известная под именем Трансильвании, называемая у смежных русинов и вообще у славян Землей Седмиградской. Страна эта официально значится мадьяро-немецкою; но действительно господствующее в ней по количеству народонаселение есть

румунское, или, что то же – волошское. При всем том она содержит в себе более или менее крупные образчики и других народностей, в особенности из обливающего ее вокруг племени славянского. В ней есть селения польские, моравские, сербские, булгарские; есть, наконец, и русские. Последние изобличают себя самими наименованиями: Орос-Фалу, Орос-Фая, Орос-Геди и т. п. (Orosz – русский). Кроме того, сами трансильванцы считают русскими селения Кис-Чергед и Нади-Чергед в комитате Белградском, также Бунгард и Рейсдорф в округе Сибинском или Германштадском; последнее, то есть Рейсдорф, в своем немецком имени носит не менее явное свидетельство происхождения русского (Reuss-Dorf – Русская деревня)». Ученый ставил вопрос: как и когда появились здесь русские и какую территорию они заселяли в древности? Прежде их было больше, утверждал Н.И. Надеждин, «но последовавшими местными обстоятельствами и переворотами они постоянно все сглаживались и затирались, так что едва держатся и те, которые уцелели доныне». В настоящее время, писал ученый, «в большей части здешних русских селений только женщины говорят еще по-русски; мужчины же променяли свой родной язык на господствующие вокруг – мадьярский или волошский». Он считал, что главной причиной их ассимиляции стал переход из православия в протестантизм [16: 84–86].

Обратил внимание ученый «опять на сю сторону Карпат», на Дунайские княжества – Валахию и Молдавию. Тут, указал он, «присутствие русской стихии обнаруживается еще явственнее, еще резче и целее. Особливо в Молдавии она просвечивает всюду сквозь господствующий слой населения румунского; наиболее же – в так называемой Молдавии Верхней (Цара де Сус): в цинутах Ботошанском, Дорохойском, Сучавском, Нямецком, Бакейском, Романском и Ясском, где население чисто русское, живущее и смешанно с румунами, и особняком, безошибочно можно полагать в несколько десятков тысяч душ». Он напоминает, что «еще в списке "городов русских" поименно значились города Верхней Молдавии: на Пруте – Чернаский-Торг (ныне – Черновцы или Черновиц)[2], на Молдове – Романов-Торг (нынешний Роман), в горах – Нямеч (по-нынешнему – Нямц), дальше – Сучава, Серет и другие» [16: 86–88].

Продолжая тему угорских русинов, Н.И. Надеждин пишет, что «разбросаны они на обширном пространстве по Северо-Восточной Венгрии: в шестнадцати или и более комитатах, если считать все выселки их, даже и те, которые произошли в недавнее время. Но преимущественно наполнены ими горные альпийские комитаты на восточной границе Венгрии: там, где дико-величавая природа карпатская по всей справедливости заслуживает имя венгерской

Швейцарии. Такое топографическое помещение, конечно, не могло не сообщить особливых оттенков их нравам и быту: во всем огромном мире русском это единственный пример "русских горцев"». Мадьяры их называют *Oroszok* (так же точно, как и жителей России); немцы – *Russen* и *Ruthenen*. Сами они именуют себя *русинами, русаками, русанами*, а также *руснаками*. От имени *руснаки* произошли немецкое *Russniaken* и мадярское *Rusznyakok* – оба как презрительное, ругательное прозвище. Ученый отметил, что «во всем многочисленном разнообразии нынешнего народонаселения Венгрии эти братья наши сведены на самое последнее место, ставятся ниже всех прочих народностей, ниже даже волохов и цинцар; а потому и славное имя "русских" покрыто здесь прахом глубочайшего уничижения». Однако местное население бережет свое имя, и нет выше клятвы и святее присяги, как «на мою русску душу правда! А бых не русин быв, коли неправда!» [16: 103–104].

Н.И. Надеждин перечислил «множество местных прозваний, которыми зовут их и прочие туземцы». Причем некоторые зависят от места проживания: «верховинцы, крайняки, подгорцы, бережанцы (то есть живущие по верхам гор, вскрай гор, по подгорью, по берегам рек больших)». Другие – по особенностям произношения: «лишаки, лемаки, цопаки (похоже, как и у нас, в губернии Рязанской, жители уездов Егорьевского и отчасти Рязанского и Касимовского называются цуприки – по той причине, что имеют привычку прибавлять к словам на конце слог: "цу")». Также прозываются по любимым занятиям и промыслам: «бляшаники, смоляники, грабляники, свечкари; либо по особенностям в наружном виде и других привычках, например, лîопаки, или, правильнее, шîопаки, от "шлепанья" широким платьем и вообще тяжелою походкою (тоже похоже на наши прозвания, например, владимирцев – клюковниками, клиновцев – лапотниками, муромцев – калшиниками, новгородцев – долбежниками и гущеедами, ростовцев – вислоухими, рязанцев – синебрюхими и т. п.). Некоторые прозвища, по мнению ученого, имели «особое этнографическое значение: например, бойки и гуцулы» [16: 104–105].

Ученый обратил внимание, что среди местных фамилий (прозвищ) нередко окончание на *-ов*. Также он отметил, что «в фамильных прозваниях здешних русинов весьма нередко окончание на "ов", свойственное преимущественно великороссиянам, у наших малороссиян почти вовсе неупотребительное; например, Турзов, Дорзов, Черепков, Васьков (имена фамилий помещичьих, пользующихся особою известностью и влиянием в крае)» [16: 105].

Также исследователь заметил, что «главной особенностью нрава русского считается здесь глубокая скрытность и ничем не преодо-

лимое упрямство». В Венгрии есть поговорка «упрям, как русняк» [16: 106].

Касаясь языка венгерских русинов, Н.И. Надеждин, ссылаясь на приведенный «отрывок из народного быта руснаков», писал, что «язык венгерских русинов, как видно также из приведенного образчика, ближе и понятнее нам, великороссиянам, чем наречие украинских малороссиян». Он считал, что «сохраненностью своей в таком виде, при такой удаленности и разъединенности с жизнью общерусскою, он обязан главным образом непоколебимой, безызменной, можно сказать, страстной привязанности русняков к праотческому церковнославянскому, или, правильнее, славяно-русскому богослужению». Он заметил, что, хоть в настоящее время русины Венгрии – униаты, однако никто, кроме духовенства, этого никто не понимает, поэтому веру свою они продолжают называть "русской"» [16: 112].

Говоря о вкладе ученого в развитие этнографической науки, Срезневский писал, что в своем выступлении на годовом собрании Русского географического общества «Об этнографическом изучении народности русской» Надеждин «ясно выразил мысль, одушевлявшую его»: «собрание и ученую разработку этнографических материалов считал он одной из главных задач общества» [24: 83; 27: 9]. Н.И. Надеждин призывал изучать «памятники нашей древности и старины, равно как и записки иноземцев о России», большей частью неразработанные, но хранившие ценные этнографические сведения. «Сам он принял личное участие в этнографической разработке древних русских летописей». Он поднял вопрос «о значении русских народных преданий в их применении к географии и этнографии», а также о важности использования филологии в этнографии в качестве вспомогательной дисциплины [24: 84–85; 27: 12–13].

Н.И. Надеждин первым в российской науке поставил вопрос об изучении русских вне России (в то время в науке господствовала теория единого русского народа, а русинов причисляли к малороссам. – *С.С.*), указал на значение «географической номенклатуры», одним из первых затронул проблему русского населения в Трансильвании, собрал этнографический материал об угорских русинах, обосновал необходимость дальнейшего изучения средневековой дипломатики стран проживания русинов, в т. ч. и Молдавского княжества.

Как заключил И.П. Филевич, отдавший Н.И. Надеждину первенство в постановке вопроса о Карпато-Дунайской Руси [29: 25], говоря о вкладе ученого «в области изучения славянской, так в частности русской древности»: «Судьба идей Надеждина вселяет утешительную уверенность в том, что истина не пропадает; но процесс ее торжества способен возбуждать грустные мысли» [29: 57].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Испании Елизавету Васильевну выдали замуж за французского обедневшего графа Салиаса-де-Турнемир. Вместе с мужем она возвратилась в Москву. Ее муж Анри, по настоянию ее отца названный русским именем Андрей, получив солидное приданое, неудачно вложил средства в производство шампанских вин. После дуэли он был выдворен из России. Он бросил семью, и графиня Елизавета Васильевна осталась с тремя детьми на руках без средств к существованию. Источником дохода графини стал литературный труд. Публиковалась она под псевдонимом Евгения Тур. В своей квартире она устроила получивший известность литературный салон [5: 258–360].

2. Далеко не все современные исследователи разделяют данную точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристов Ф.Ф.* Значение А.В. Духновича как угро-русского историка // Русский архив. 1914. Кн. 2. С. 144–155.

2. *Венгеров С.А.* Надеждин, Николай Иванович // Источники словаря русских писателей. Т. IV: Лоначевский – Некрасов. Пг., 1917. С. 474–477.

3. *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние словени в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина. М.: Унив. тип., 1841. Т. 2. LXXIX, 326 с.

4. *Геннади Г.Н.* Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина // Вестник Императорского русского географического общества. 1856. Часть 16. Кн. 1. Раздел V. Географические известия и смесь. С. 16–19.

5. Евгения Тур (1815–1892): материалы к библиографии. Составление и вступительное слово М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва // Литературоведческий журнал. 2015. № 36. С. 257–310

6. *Козмин Н.К.* Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность, 1804–1836. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 561 с.

7. *Кочубинский А.А.* О русском племени в Дунайском Залесье // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. Т. 2 / Под ред. графини Р.С. Уваровой. М.: Типография Э. Леснера и Ю Романа, 1891. С. 9–66.

8. *Кочубинский А.А.* О русском племени в Дунайском Залесье // Библиотека журнала «Русин». 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 81–151.

9. *Манн Ю.В.* Надеждин Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 4: М–П. / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. С. 206–213.

10. *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии Русского мира. Статья первая // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22, № 6. Отд. III: Науки и художества. С. 27–79.

11. *Надеждин Н.И.* Прогулка по Бессарабии // Одесский альманах на 1840 г. Одесса: в городской типографии, 1839. С. 308–447.

12. *Надеждин Н.И.* О важности археологических и исторических исследований Новороссийского края преимущественно в отношении к истории и древностям русским // Торжественное собрание Одесского Общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса: в городской типографии, 1840. С. 25–58.

13. *Надеждин Н.И.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // ЖМНП. 1842. Ч. XXXIV. Отд. II. С. 87–106.

14. *Надеждин Н.И.* О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу угличам // Записки Одесского общества истории и древностей (далее - *ЗООИД*). Т. 1. Отд. 1. Рассуждения и исследования. Разд. III. География. Одесса, 1844. С. 243–256.

15. *Надеждин Н.И.* Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям. (Читан в торжественном собрании Общества 22 марта 1842 г.) // ЗООИД. Т. 1. Отд. 2. Сборник материалов. Разд. V. Путешествия и розыски по поручениям общества. Одесса, 1844. С. 518–548.

16. *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. Кн. 2. СПб., 1847. С. 61–115.

17. Надеждин // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку / Ред. ординарный профессор С. Шевырёв. Ч. 2 М.: Университетская тип., 1855. С. 153–155.

18. Надеждин Николай Иванович // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XX: Московский Университет – Наказания Исправительные. СПб., 1897. С. 432–434.

19. Надеждин Николай Иванович // Русский биографический словарь. Под наблюдением А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. 11: Наake-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 19–34.

20. Надеждин // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 7. М.: Сов. энцикл., 1934. Стб. 566–569.

21. Надеждин Николай Иванович // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды (биобиблиографический словарь). Минск: Изд-во БГУ, 1976. Т. I. С. 170–171.

22. Надеждин Николай Иванович // Русские филологи XIX века: Биобиблиографический словарь-справочник / Авт.-сост. М.Е. Бабичева и др. М.: Совпадение, 2006. С. 303–310.

23. Николай Иванович Надеждин (1804–1856): материалы к библиографии. Составление и вступительное слово М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 156–309.

24. Некролог. Николай Иванович Надеждин. [Извлечение из статьи г. Срезневского] // ЖМНП. 1856. Часть XC. № 5 (май). Отд. VII. Новости и смесь. С. 75–86.

25. Н.И. Надеждин. Автобиография (неоконченная) с дополнениями П.С. Савельева и со списком работ Надеждина // Русский Вестник. 1856. Т. 2, № 1. Март. С. 49–78.

26. *Полянина Т.В.* Вопросы истории и культуры Закарпатья и Галичины в трудах первых русских славистов (Н.И. Надеждин и И.И. Срезневский) // Вопросы русской литературы. 1968. Вып. 2. С. 66–74.

27. *Срезневский И.И.* Воспоминания о Н.И. Надеждине (Читано в заседании Общества 27 янв. 1856 г.) // Вестник Императорского русского географического общества. 1856. Ч. 16. Кн. 1. Раздел V. Географические известия и смесь. С. 1–16.

28. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

29. *Филевич И.П.* История древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава: Типография Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.

REFERENCES

1. Aristov, F.F. (1914) Znachenie A.V. Dukhnovicha kak ugro-russkogo istorika [The role of A.V. Dukhnovich as an Ugro-Russian historian]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 144–155.

2. Vengerov, S.A. (1917) *Istochniki slovarya russkikh pisateley* [Sources of the Dictionary of Russian Writers]. Vol. 4. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. 474–477.

3. Venelin, Yu.I. (1841) *Drevnie i nyneshnie sloveni v politicheskom, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ikh otnoshenii k rossiyanam* [Ancient and modern Slovenia in their political, folklore, historical and religious attitude towards Russians]. Vol. 2. Moscow: Univ. tip.

4. Gennadi, G.N. (1856) Spisok sochineniy i izdaniy N.I. Nadezhdina [N.I. Nadezhdin's Bibliography]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16(1). pp. 16–19.

5. Biryukova, M.A. & Strizhev, A.N. (eds) (2015) Evgeniya Tur (1815–1892): materialy k bibliografii. Sostavlenie i vstupitel'noe slovo [Evgeniya Tur (1815–1892): materials for the bibliography]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 36. pp. 257–319.

6. Kozmin, N.K. (1912) *Nikolay Ivanovich Nadezhdin: Zhizn' i nauchno-literaturnaya deyatel'nost', 1804–1836* [Nikolai Ivanovich Nadezhdin: Life, seminal and literary activity, 1804–1836]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova.

7. Kochubinsky, A.A. (1891) O russkom plemeni v Dunayskom Zales'e [About the Russian tribe in the Danube Zalesie]. In: Uvarova, R.S. (ed.) *Trudy Sed'mogo arkheologicheskogo s"ezda v Yaroslavle* [Proceedings of the Seventh Archaeological Congress in Yaroslavl]. Vol. 2. Moscow: Tipografiya E. Lesnera i Yu Romana. pp. 9–66.

8. Kochubinsky, A.A. (2018) Regarding the Russian Tribe in the Danubian "Lands Beyond the Woods". *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 8(1). pp. 81–151 (in Russian). DOI: 10.17223/23451734/8/5

9. Mann, Yu.V. (1999) Nadezhdin Nikolay Ivanovich [Nadezhdin Nikolai Ivanovich]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Bibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Bibliographic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya. pp. 206–213.

10. Nadezhdin, N.I. (1837) Opyt istoricheskoy geografii Russkogo mira. Stat'ya pervaya [The historical geography of the Russian world. Article one]. *Biblioteka dlya chteniya*. 22(6). pp. 27–79.

11. Nadezhdin, N.I. (1839) Progulka po Bessarabii [A Walk in Bessarabia]. *Odesskiy al'manakh na 1840 g*. pp. 308–447.

12. Nadezhdin, N.I. (1840) O vazhnosti arkheologicheskikh i istoricheskikh issledovaniy Novorossiyskogo kraya preimushchestvenno v otnoshenii k istorii i drevnostyam russkim [On the importance of archaeological and historical research of the Novorossiysk region mainly in relation to Russian history and antiquities]. In: *Torzhestvennoe sobranie Odesskogo Obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey 4 fevralya 1840 goda* [Solemn Assembly of the Odessa Society of History and Antiquities Lovers on February 4, 1840]. Odessa: [s.n.]. pp. 25–58.

13. Nadezhdin, N.I. (1842) Zapiska o puteshestvii po yuzhno-slavyanskim stranam [Note on the Journey Through the South Slavic Countries]. *ZhMNP*. 34. pp. 87–106.

14. Nadezhdin, N.I. (1844a) O mestopolozhenii drevnego goroda Peresechena, prinadlezhavshego narodu Uglicham [On the location of the ancient city of Peresechen, belonging to the Uglich people"]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1. pp. 243–256.

15. Nadezhdin, N.I. (1844b) Otchet o puteshestvii, sovershennom v 1840 i 1841 godakh po yuzhno-slavyanskim zemlyam. (Chitan v torzhestvennom sobranii Obshchestva 22 marta 1842 g.) [The Report on the Journey Made in 1840 and 1841 in the South Slavic Lands. (Delivered in the Solemn Assembly of the Society on March 22, 1842)]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1. pp. 518–548.

16. Nadezhdin, N.I. (1847) Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoy [On the ethnographic study of the Russian people]. *Zapiski RGO*. 2. pp. 61–115.

17. Shevyrev, S. (ed.) (1855) *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushchee stoletie, so dnya uchrezhdeniya yanvarya 12-go 1755 goda po den' stoletnego yubileya yanvarya 12-go 1855 goda, sostavlennyy trudami professorov i prepodavateley, zanimavshikh kafedry v 1854 godu, i raspolozhennyy po azbuchnomu poryadku* [Biographical dictionary of professors and educators of the Imperial Moscow University for the past century, from the date of establishment of January 12, 1755 to the day of the centenary of January 12, 1855, compiled by professors and educators who occupied departments in 1854, and arranged in the alphabetical order]. Vol. 2. Moscow: Universitetskaya tip. pp. 153–155.

18. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1897) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 20. St. Petersburg: F. Brockhaus, I.A. Efron. pp. 432–434.

19. Polovtsov, A.A. (ed.) (1914) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 11. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. udelov. pp. 19–34.

20. Lunacharsky, A.V. & Friche, V.M. (eds) (1934) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 7. Moscow: Sov. entsikl. Col. 566–569.

21. Bulakhov, M.G. (1976) *Vostochnoslavyanskie yazykovedy (biobibliograficheskiy slovar')* [East Slavic linguists (a biobibliographic dictionary)]. Vol. 1. Minsk: BSU. pp. 170–171.

22. Babicheva, M.E. et al. (2006) *Russkie filologi XIX veka: Biobibliograficheskiy slovar'-spravochnik* [Russian philologists of the 19th century: A biobibliographic dictionary]. Moscow: Sovpadenie. pp. 303–310.

23. Biryukova, M.A. & Strizhev, A.N. (2018) Nikolay Ivanovich Nadezhdin (1804–1856): materialy k bibliografii [Nikolai Ivanovich Nadezhdin (1804–1856): materials for the bibliography]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 43. pp. 156–309.

24. Sreznevsky, I.I. (1856) Nekrolog. Nikolay Ivanovich Nadezhdin. [Izvlechenie iz stat'i g. Sreznevskogo] [Obituary. Nikolai Ivanovich Nadezhdin. [Extract from an article by Mr. Sreznevsky]]. *ZhMNP*. 5. pp. 75–86.

25. Nadezhdin, N.I. (1856) N.I. Nadezhdin. Avtobiografiya (neokonchennaya) s dopolneniyami P.S. Savel'eva i so spiskom rabot Nadezhdina [N.I. Nadezhdin. Autobiography (unfinished) with additions by P.S. Saveliev and with a list of Nadezhdin's works]. *Russkiy vestnik*. 2(1). pp. 49–78.

26. Polyanina, T.V. (1968) Voprosy istorii i kul'tury Zakarpat'ya i Galichiny v trudakh pervykh russkikh slavistov (N.I. Nadezhdin i I.I. Sreznevskiy) [Questions of history and culture of Transcarpathia and Galicia in the works of the first Russian Slavists (N.I Nadezhdin and I.I. Sreznevsky)]. *Voprosy russkoy literatury*. 2. pp. 66–74.

27. Sreznevsky, I.I. (1856) Vospominaniya o N.I. Nadezhdine (Chitano v zasedanii Obshchestva 27 yanv. 1856 g.) [Memories of N.I. Nadezhdin (Delivered at the meeting of the Society on January 27, 1856)]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16(1). pp. 1–16.

28. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

29. Filevich, I.P. (1896) *Istoriya drevney Rusi* [History of Old Rus]. Vol. 1. Warsaw: Tipografiya F. Chernaka.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(437.3)+94(470)"1914/1918"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/5

СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАЦКО-РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПАМЯТИ Л. ШТУРА)

М.В. Ведерников
Институт Европы РАН
Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3
E-mail: vishma@mail.ru

Авторское резюме

С началом Первой мировой войны (1914–1918 гг.) страны-участницы начали активно способствовать возникновению на собственной территории сепаратистских движений, которые ставили целью разрушение основ вражеских многонациональных империй. Для российских властей особый интерес представляли земляческие сообщества славянских народов Австро-Венгрии, которые громко заявили о желании разрушить Габсбургскую империю. Одной из наиболее активных диаспор стали чехи, которым в первый месяц войны удалось дважды встретиться с Николаем II и добиться формирования Чешской дружины. Впрочем, чешский вопрос, изначально вобрав в себя и словацкий ввиду этноязыковой близости двух народов, оголил существенные противоречия. Они касались того, что активная часть словацкой политической элиты, проживавшей в России, высказалась против проекта образования единого чешско-словацкого государства, поскольку им была близка идея присоединения Словакии к России. Для популяризации этих идей в Москве создается Словацко-русское общество памяти Штура, которое получило поддержку как со стороны представителей российской общественности, так и от крупнейшей словацкой колонии в США. Содействие столь значимых акторов вынуждало чехов искать пути урегулирования конфликта со словаками, что, несомненно, вело и к актуализации словацкого вопроса. Впрочем, сделанные в период 1915–1916 гг. уступки не способствовали решению конфликта. В статье на основе использования новых архивных источников и актуальной историографии делается вывод о том, что наличие множественных конфликтов содействовало кристаллизации чешско-словацкой национальной идеи, избавило ее от асимметрии и вывело словаков в разряд равноправных партнеров.

Ключевые слова: Первая мировая война, национальные движения, русские словаки, русские чехи, Словацко-русское общество памяти Л. Штура, Штефаник, Кошик.

THE SLOVAK QUESTION DURING THE GREAT WAR (A CASE STUDY OF L. ŠTUR SLOVAK-RUSSIAN SOCIETY)

M.V. Vedernikov
Institute of Europe RAS
11-3 Mokhovaya Street, Moscow, 125009, Russia
E-mail: vishma@mail.ru

Abstract

With the outbreak of WWI (1914–1918), the participating countries began to promote separatist movements on their own territory, which aimed to destroy the foundations of hostile multinational empires. Of particular interest to the Russian authorities were the compatriots of the Slavic peoples of Austria-Hungary, who loudly declared their desire to destroy the Habsburg Empire. One of the most active diasporas was the Czechs, who managed to meet with Nicholas II twice in the first month of the war and achieve the formation of the Czech squad. However, the Czech question, initially incorporating the Slovak one due to the ethnic and linguistic proximity, exposed significant contradictions. An active part of the Slovak political elite living in Russia opposed the formation of a single Czech-Slovak state, because they were close to the idea of Slovakia's accession to Russia. To popularize these ideas, a Slovak-Russian society named after L. Štur was established in Moscow. It received support from the outstanding Russians as well as the largest Slovak diasporas in the United States. The assistance of such important actors forced the Czechs to look for ways to resolve the conflict with the Slovaks, which undoubtedly led to the mainstreaming of the Slovak question. However, the cessions of 1915–1916 failed to resolve the conflict. Drawing on new archival sources and current historiography, the author concludes that the presence of multiple conflicts contributed to the formation of the Czech-Slovak national idea, which was free from asymmetry, and made Slovaks equal partners.

Keywords: World War I, national movements, Russian Slovaks, Russian Czechs, Slovak-Russian Society in Memory of L. Štur, Štefanik, Košik.

Степень изученности чешско-словацкого национального движения в годы Первой мировой войны можно охарактеризовать как высокую. После окончания международного конфликта коллектив авторов, собравшийся в стенах военного института «Памятник сопротивления», начал деятельность, связанную с публикацией многочисленных трудов (вышло в свет 95 книг). На их страницах давалась оценка прошедшим событиям, описывался процесс обретения чехословацкой государственности. Впрочем, под влиянием тенденций, царивших в межвоенной Чехословакии, исторические труды отличались однобокостью исследуемых процессов. Можно говорить о формировании т. н. легенды Масарика, которая распространилась и на последующие работы [23; 24; 28]. Лейтмотив произведений сводился к констатации того, что чехословакизм (идея о существовании единого чехословацкого народа), ставший идеологическим стержнем нового государства, был единственно возможным вариантом его политико-национального устройства. Общественные деятели, которые рассматривали иные варианты развития (автономная Словакия, федеративная Чехословакия, Словакия в составе романовской империи), провозглашались сепаратистами, панславистами, царефилами, русофилами и пр. Особая позиция словацких деятелей в отношении будущего своей родины, которая никогда не была частью чешских земель, игнорировалась. Можно только отметить появление нескольких работ, посвященных исключительно словацкому вопросу, но которые были написаны сторонниками идеи чешско-словацкого единства, что не могло продемонстрировать объективную позицию [19; 22; 27].

С установлением коммунистической власти в 1948 г. публикация трудов, в которых бы описывались словацкие античешские, русофильские течения, также затруднялась ввиду новой интернациональной и антиимпериалистической идеологии. В течение сорокалетнего периода в свет вышло лишь несколько работ, которые при сохранении их обобщающего характера сильнее, чем другие, освещали словацкую тематику [18; 26].

Впрочем, о появлении трудов, посвященных словацкому национальному движению, можно говорить после раздела Чехословакии на два независимых государства в 1993 г., когда словацким властям потребовались доводы для обоснования правильности «бархатного развода», а ученые не были ограничены идеологическими барьерами [21; 23]. Подобное «интеллектуальное раскрепощение» было характерно и для отечественных специалистов. Однако, несмотря на открывшиеся возможности, на данный момент нельзя сказать, что тема словацкого национального движения полностью раскрыта. Тематическое расширение исследований натыкается на проблему

отсутствия доступной источниковой базы. Восстановление истории словаков происходит практически по крупицам, разбросанным по разным архивам. В этой связи выявление неизвестных документов, которые проливают свет на новые страницы жизни словацкой колонии в России, дает возможность посмотреть по-новому на деятельность словаков в империи Романовых, оценить ее размах, влияние и перспективы, которые не были реализованы прежде всего из-за случившейся в феврале 1917 г. русской революции. В статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты деятельности Словацко-русского общества памяти Людовита Штура, которое занимало особое место в актуализации словацкого вопроса в годы Великой войны.

Актуализация чешско-словацкого вопроса в первые месяцы Великой войны

После начала Первой мировой войны страны-участницы – как в лагере Центральных держав, так и Антанты – стремились активизировать национальные движения на территории своих противников для того, чтобы усилить центробежные тенденции в рамках многонациональных империй. Использование такого инструментария, прежде всего в отношении Австро-Венгрии и России, было продиктовано желанием ослабить неприятеля, который накануне мирового конфликта демонстрировал заметные трудности в межнациональных отношениях [2: 52]. О пестроте национального состава Дунайской монархии[1], например, свидетельствует тот факт, что приказ о мобилизации был издан на 15 языках. Несомненно, внутренняя дестабилизация, отсутствие единства в армии и в обществе должны были привести к более быстрому разгрому врага и завершению войны.

Подобным образом поступила российская сторона, которая в начале августа 1914 г. опубликовала воззвание Верховного главнокомандующего Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии. В нем сообщалось, что Россия, «не раз проливавшая свою кровь за освобождение народов от иноземного ига… несет теперь свободу и осуществление ваших народных вожделений» [14: 51]. Намерение военных подтверждал и руководитель внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонов, который говорил, что целью войны является «освобождение народов для обособленного бытия, на национальных основах» [1: 156]. Такие заявления вызывали бурное одобрение со стороны некоторых земляческих сообществ на территории России и вели к активизации их деятельности, которая проявлялась в усилении политических контактов с органами российской власти и увеличении количества добровольцев, желавших вступить в российское войско.

Особенно активны были представители чешской общины, которые за первый месяц войны сумели не только встретиться с императором Николаем II в Москве, но и договориться в Военном министерстве об учреждении особого национального военного формирования в рамках российской армии, т. н. Чешской дружины [22: 19]. Следующим успехом чешской общины было создание политического органа чехов и словаков, проживавших в России. Далее, в начале сентября представители данного Совета чехов были приглашены на аудиенцию к российскому монарху в Петроград, на которой удалось представить его вниманию «Записку о восстановлении Чешского королевства» [14: 65].

Наравне с чешскими интересами «русские чехи» начали отстаивать интересы и словаков, которых они с самого начала своей деятельности рассматривали в качестве составной части единого чешско-словацкого народа[2]. Так, в ходе встречи с самодержцем было заявлено о решительном желании создания единого «чешско-словацкого королевства», что было воспринято им в положительном смысле. Более того, он проявил большой интерес к словацкой проблеме и задал несколько уточняющих вопросов присутствовавшему на встрече словаку, руководителю варшавской Чешско-словацкой беседы Йозефу Орсагу об условиях проживания народа в Австро-Венгрии, о готовности объединения с чехами и о границах будущего государства. В свою очередь последний рассказал о притеснениях словаков со стороны Австро-Венгрии, готовности слияния с «братьями-чехами» и желаемых границах новой страны. Позднее Орсаг подчеркивал особый интерес императора к этому вопросу, поскольку из 40 минут, отведенных на разговор с чешской делегацией, 25 минут было уделено словацкой тематике [7: 54; 22: 6–7].

Николай II обратил пристальное внимание на границы будущего государства чехов и словаков и попросил присутствовавших обрисовать их на карте. Они видели их следующим образом: от южного конца Чехии по существовавшему на тот момент водоразделу между Верхней и Нижней Австрией по направлению к Дунаю. Далее, на юг вдоль этой реки включительно до Вены, которая должна была войти в состав нового государства из-за того, что «настоящих немцев в ней было не более одной четвертой части всего населения», остальные – славяне или их «онемеченные собратья». От Вены по Дунаю до Вацова (сейчас – г. Вац, Венгрия), где река поворачивает на юг, «от Вацова к этнографической границе между чехословаками и русскими, по границе Галиции, Силезии и России на севере до Бреслау (сейчас Вроцлав, Польша) и на западе к Худове». Высказывалось предпочте-

ние присоединить к Чехии как автономную часть Верхнюю и Нижнюю Лужицы [14: 70]. Николай II поинтересовался насчет общей границы между Россией и государством чехов и словаков, на что получил ответ, что ввиду присоединения Галиции к России появится «непосредственная зона соприкосновения на протяжении 30–35 верст» [30]. Стоит отметить завышенные ожидания делегатов относительно будущих границ, которые не обосновывались этнографическим ареалом расселения чехов и словаков. Впрочем, это можно объяснить атмосферой первых дней войны, когда существовало представление о быстром завершении военного конфликта и полном разгроме Центральных держав. В дальнейшем чешско-словацкие представители стали делать акцент на том, что они будут ориентироваться на волеизъявление российской стороны, которая «после победоносной освободительной войны» самостоятельно установит границы, руководствуясь этнографическим принципом [14: 78]. Они отмечали, что «среди прочих славянских областей чешско-словенская область имела наиболее точные и определенные этнографические границы» [14: 116]. Однако послевоенное устройство Чехословакии говорит об обратном, особенно в отношении словацкого населения – около 200 тыс. словаков оказались в Венгрии.

Возникновение словацко-русского общества в Москве

Несмотря на то, что в ходе аудиенции было заявлено о принципиальной готовности словаков объединиться с чехами, данная позиция не отражала взгляды всей словацкой общины, проживавшей на территории Российской империи[3]. В конце 1914 – начале 1915 г. по мере расширения деятельности чешских обществ, которые продвигали идею о чешско-словацком государстве, среди словаков, не согласных с подобной политической концепцией, зрело недовольство, и разрабатывались планы самостоятельного выступления перед российскими властями. Согласно их представлению, «Словакия должна была быть присоединена к Российской империи как автономно-независимое целое» [14: 189].

Возмущение этой группы словаков, которые прежде всего концентрировались в Москве, вполне объяснимо, поскольку на первых порах действия чехов и примкнувших к ним варшавских словаков, которые позитивно воспринимали чешскую политику, не учитывали даже формальных словацких интересов. Анализ первых программных документов не дает четкого представления о будущем государственно-правовом положении Словакии в рамках единого государства, о статусе словацкого языка и др. Более того, исключение из названия

центральных органов, политических заявлений и программных документов упоминаний о Словакии (напр., Совет чехов, Союз чешских обществ) наводило на мысль о возможном растворении словацкого элемента в более многочисленном, культурно развитом чешском народе [7: 55].

Ответной мерой стало учреждение независимого от чешских органов политической власти словацкого общества. Впрочем, между моментом возникновения самой идеи и ее реализацией прошел достаточно долгий срок, который отмечен, с одной стороны, решимостью московских словаков основать Словацко-русское общество памяти Людовита Штура, а с другой – попытками сторонников чешско-словацкой ориентации пойти на уступки.

Отправной точкой деятельности Общества Штура (ОШ) можно считать 24 февраля 1915 г., когда «русские словаки» обратились с просьбой к камергеру императорского двора историку Л.М. Савелову организовать словацкое общество [12: 156]. Во многом подобное решение было обосновано тем, что в те дни (22–26 февраля) в Москве проходил съезд Союза чешских обществ, участие в котором московские словаки проигнорировали[4]. Царившие там настроения свидетельствовали о нежелании чехов учитывать их интересы, что проявилось в озвученном проекте создания Чешского королевства, в отказе признать самобытность словацкого языка и в тенденциях возникновения после войны диктата Праги – подобно тому, который словаки испытывали со стороны Будапешта. Недовольство также усилилось после того, как стало известно, что в правлении союза не был представлен словацкий элемент [30].

В этой связи решение об основании ОШ при участии русской стороны было логичным: объединение с представителями России служило демонстрацией русофильской ориентации словаков в противовес чешско-словацким объединениям, где присутствие россиян, согласно уставу, не допускалось. Далее, Словацко-русское общество вызывало меньше подозрений со стороны властей и пользовалось большей поддержкой ввиду участия в нем видных представителей интеллектуальной и политической элиты. Отметим, что поддержку выразили видные российские ученые, имевшие вес в высших кругах: историки Ф.Ф. Аристов и В.А. Францев.

Впрочем, данные обстоятельства не избавили его членов от ожидания регистрации общества в МВД, которая продолжалась вплоть до 3 августа 1915 г. 20 августа состоялось учредительное заседание в доме Савелова, который стал председателем, а его заместителем – Ф.И. Тютчев, внук прославленного поэта. Помимо московского актива, членами ОШ записалось около 150 словаков, проживавших в про-

винции. Спустя два года в обществе состояло 264 чел.: 222 словака, 19 чехов, 18 русских, 1 поляк, 1 серб, 1 хорват и 1 русин [8: 100].

Между тем до начала официальной деятельности представители ОШ начали проводить активную пропаганду словацкого движения, контактировали с органами власти, вели переписку со словацкими военнопленными и соотечественниками за рубежом. К началу апреля 1915 г., накануне Пасхи, относится «Обращение основателей общества к соотечественникам», в котором озвучивались основные цели организации: 1) познакомить российский народ с потребностями словаков для их последующего сближения; 2) оказать помощь в установлении контактов между словацкими и русскими учеными, интеллигенцией, журналистами и предпринимателями; 3) способствовать освобождению словацких военнопленных; 4) содействовать словакам в выдаче документов, подтверждающих их словацкое происхождение, для дальнейшего трудоустройства. Также в документе указывалось желание провести 12 мая 1915 г. съезд словаков России, на котором должен был быть разработан меморандум для его последующего вручения императору и Главковерху Николаю Николаевичу. В нем предполагалось озвучить планы о присоединении Словакии к России [30]. В письме секретаря ОШ В. Духая Ивану Дакснеру в Питтсбург говорилось уже о планах организации съезда 24 мая, который, впрочем, не состоялся из-за того, что устав не был утвержден правительством [8: 86]. В дальнейшем в обнаруженной переписке можно найти сведения о переносе мероприятия на июнь, которое также не было проведено по аналогичной причине. Говоря о факторах переноса словацкого съезда, стоит отметить желание «штуровцев» продемонстрировать его общенациональный характер и поддержку со стороны российских властей. Вплоть до мая 1915 г. она была на высоком уровне, однако после Горлицкого прорыва, который свел на нет успехи русской армии на Юго-Западном фронте, внимание как к словацкой, так и к чешской проблематике стало ослабевать [25: 15].

Не успев провести съезд на волне интереса к словакам, когда русские войска находились на словацких землях, «штуровцы» начали стремиться усилить звучание своего голоса, заручившись поддержкой земляков из Соединенных Штатов. Важно иметь в виду, что на тот момент в США проживало около 700 тыс. словаков, которые были хорошо организованы, выпускали несколько газет и на начальном этапе войны не разделяли однозначно идею единого чешско-словацкого государства [28: 66–67]. Неудивительно, что московские словаки активизировались именно в этом направлении, установив контакт с представителями т. н. автономистского течения, прежде всего

с секретарем Словацкой лиги в Америке И. Дакснером. Сложности коммуникации, не дававшие возможность глубоко понять положение вещей, привели к признанию ОШ как представителя словацких интересов на территории Российской империи в обход Союза чешских обществ. И поэтому «штуровцы» прилагали усилия, чтобы в Россию прибыл представитель Словацкой лиги для участия в общесловацком съезде, поскольку его присутствие дало бы «во всем перевес» [14: 189] ввиду численного превосходства американской диаспоры над всеми остальными земляческими сообществами.

Недопонимание между двумя родственными народами вело к необходимости избавления от него. Шаг навстречу московским словакам был сделан со стороны петроградских чехов, которые 30 мая 1915 г. в присутствии словацкого делегата Й. Орсага приняли «Заявление об отношениях чехов и словаков». В нем проговаривался самостоятельный статус словацкого языка, были озвучены планы по созданию краевого словацкого сейма, подтверждалась гарантия автономии Словакии в рамках единого чешско-словацкого государства. Впрочем, данное соглашение было подписано только со стороны союза, представители ОШ уклонились. Важно также отметить, что ранее во время московского съезда Союза чешских обществ по предложению Яна Рикси было принято решение о его переименовании в Союз чешско-словацких обществ. Однако официально смена названия произошла только в июне после получения одобрения со стороны МВД [4: 156].

Впрочем, «штуровцы» прекрасно понимали, что уступают правлению союза в материально-техническом обеспечении, пополнение которого происходило за счет значительной чешской колонии, возможности которой существенно превосходили словацкие. Особую важность в то время стали играть человеческие ресурсы. Последние становились особенно ценными ввиду разрастания масштабов деятельности. В этой связи большое значение как представители правления, так и ОШ придавали чешским и словацким военнопленным, которые начали появляться в России с самого начала войны. Их значительное количество, которое историки оценивают в 250 тыс. (среди них 30 тыс. словаков) [25: 23], было во многом связано не только с успехами русского оружия, но и с нежеланием славян, как отмечал член ОШ В.Д. Маковицкий, «обнажать меч против русских» [30]. Одной из важных задач становилась работа по освобождению соотечественников.

Таким образом, деятельностью, которая, по сути, укладывалась в компетенцию союза, стали заниматься и «штуровцы». Они хотели привлечь на свою сторону близких, как им тогда казалось, по взгля-

дам представителей словацких интеллектуальных кругов, которых можно было использовать на благо ОШ. Такое представление во многом обосновывалось стереотипами, существовавшими в отношении габсбургских словаков, которые якобы придерживались всецело русофильских взглядов и желали присоединения Словакии к России. Впрочем, как признавался в переписке В.Д. Маковицкий, он «мало знал про общественные дела» на своей родине, но был уверен в «беспощадном иге Венгрии», установленном над его соплеменниками. Он утверждал: «Я думаю, что совершенно излишне Вам писать о том, что все надежды и все глаза каждого словака пристально смотрят в одну сторону, откуда они ждут освобождения, и эта страна – Россия» [30].

Как отмечает М. Даниш, на начальном этапе деятельности ОШ получило значительный кредит доверия от словацких военнопленных [7: 63]. Объяснение этому он находит в том, что «штуровцам» сопутствовал успех в их освобождении. Однако доклад общества от февраля 1917 г. информирует, что за два года удалось освободить лишь восемь словаков, из которых только трем было разрешено поселиться в Москве. Впрочем, несмотря на их немногочисленность, речь шла о соотечественниках, которые могли оказать существенное влияние на расширение и усиление политической программы, базировавшейся на платформе «всеславянского единства». Среди них были Ян Яничек, Иван Маркович, Йозеф Грегор, Йозеф Газарек, Янко Есенский [12: 157] и др. – словаки, которые, по первоначальному представлению «штуровцев», твердо стояли на царефильских позициях и были идейно к ним близки. Однако, как показывает дальнейшее развитие событий, многие из них, высвободившись из плена, начинали подвергать сомнению курс ОШ [22, 27].

Другим фактором, который оказывал влияние на словацких военнопленных в ориентации на ОШ, был уже упомянутый факт признания общества со стороны американской Словацкой лиги, что подтвердилось на страницах как русской прессы, так и официального печатного органа Союза чешско-словацких обществ «Чехословака». Стоит отметить, что важность словацкой тематики на страницах газет возрастает после прибытия в Петроград из плена И. Марковича, с 1900 по 1914 г. редактора словацкого журнала «Пруды». Попав в российскую столицу, он выступил против линии «штуровцев» и начал осуществлять журналистскую деятельность, нацеленную на популяризацию словацкой тематики на страницах «Чехословака», который, по его мнению, должен был служить на благо исполнения озвученной программы союза [23].

Событием, которое подточило позиции ОШ, стало подписание между американской Словацкой лигой и Чешским национальным

объединением (22–23 октября 1915 г.) Кливлендского соглашения. Обе организации выступили за сплочение чешского и словацкого народов в федеративном союзе с абсолютной автономией Словакии, с собственным парламентом, со словацкой государственной администрацией, с полной культурной свободой, в т. ч. в сфере использования словацкого языка [6: 132]. Тем самым представители чехов и словаков в США выразили поддержку деятельности заграничного движения сопротивления, представленного в лице Томаша Гаррига Масарика, который был главным инициатором этой договоренности и в своей деятельности делал ставку на Францию и Англию [23; 24: 19]. Несмотря на его официальные заявления, что во главе будущего государства будет представитель династии Романовых [9], его планы в реализации чешско-словацких политических проектов были прежде всего связаны с западными демократическими государствами. Заигрывание с российскими властями, «внешнее русофильство» проистекали из прагматичных соображений, которые основывались на позиционных успехах империи Романовых в войне и наличии на ее территории значительных чешско-словацких воинских контингентов, которые можно было использовать для реализации поставленных задач [3: 127].

В России сведения о заключенном соглашении стали публичными в конце декабря 1915 г. на страницах «Чехословака». Как отмечал главный редактор издания, словак по происхождению Богдан Павлу, «после Кливленда политическая концентрация чешско-словацкой эмиграции закончена… надеюсь, что удастся обеспечить будущее словацкого народа» [15: 5–6]. Несомненно, что обнародование данных сведений, которые спустя несколько недель дошли до мест заключения военнопленных, оказало существенное влияние на взгляды помещенных туда словаков. Положение ОШ пошатнулось, и это усугублялось тем, что у него не было собственного печатного органа, посредством которого можно было бы транслировать свои взгляды на широкие массы.

Несмотря на значимость произошедшего, «штуровцы» не собирались подчиняться общей дисциплине, к которой призывал союз. В свою очередь можно констатировать усиление конфронтации между московскими словаками и чехами в первой половине 1916 г.

Правление союза вслед за публикацией сведений о Кливлендском соглашении принимает решение нейтрализовать влияние ОШ. 8 января 1916 г. состоялось заседание расширенного совета Союза чешско-словацких обществ, в центре внимания которого находились вопросы, затрагивавшие чешско-словацкие отношения. Самым важным решением, которое касалось непосредственно ОШ,

стало заявление об исключительном праве союза представлять интересы чехов и словаков на территории России. Также говорилось о недопустимости членства в обществах, которые не признавали программу и цели союза [16: 4]. Тем самым, можно говорить о том, что были приняты меры по лишению «штуровцев» организационно-правовой базы деятельности.

Удивительно, но, несмотря, на Кливлендское соглашение, Словацкая лига продолжала рассматривать ОШ в качестве представителя словаков в России. Об этом было сообщено 23 марта 1916 г. в официальном заявлении американской организации, которое появилось на свет в ответ на обращение союза по поводу его признания единственным репрезентантом интересов словаков [17: 6]. Сотрудники союза объясняли это неосведомленностью лиги в российских делах и возлагали надежду на приезд в Россию ее представителя. Такое положение вещей осложняло работу союза, который попадал в двойственное положение: с одной стороны, была обязанность продвигать линию парижского центра[5], а с другой – необходимость уживаться со «штуровцами».

Демонстрацией возраставшего значения словацкой тематики стал II съезд Союза чешско-словацких обществ, прошедший 13–20 апреля 1916 г. в Киеве. Из 61 делегата 9 были словаками, которые представляли пять земляческих обществ: Я. Орсаг, Й. Грегор Тайовский, В. Хованчик (Чешско-словацкая беседа в Варшаве), Я. Корман, Г. Павлины, М. Руппельдт (Чешско-словацкое общество в Москве), В. Духай (Чешско-словацкий комитет в Москве), Й. Орсаг (Чешско-словацкое общество в Квасилове на Волыни), И. Маркович (Чешско-словацкое общество в Петрограде).

Обсуждение словацкого вопроса состоялось 15 апреля на пленарном заседании, на котором, по словам обозревателя «Чехословака», не было «чешско-словацких споров». Центральное место в дискуссии отводилось вопросу, касавшемуся словацких военнопленных, которые к весне 1916 г. продемонстрировали себя как «наименее пробужденный и наиболее забытый» славянский элемент, не показывавший желания бороться за свое освобождение из-под власти Австро-Венгрии. Отсутствие национального самосознания объяснялось мадьяризацией системы образования и государственного управления на родине в предвоенное время. В этой связи задачей союза становилось пробуждение словаков к новой жизни путем отправки в лагеря военнопленных словацких эмиссаров, которые должны были агитировать вступать в ряды формировавшихся в России чешско-словацких воинских частей[6].

Нужно иметь в виду, что, помимо разногласий между чехами и словаками, не было единства и внутри чешского лагеря. Москва, будучи идейной столицей славянофильства, оказала влияние и на местные чешские организации, во главе которых встали представители схожих взглядов. Так, председателем крупнейшего чешского общества – Чешско-словацкого комитета – был Сватоплук Коничек, личность во многих отношениях сомнительная, которого его соотечественники обвиняли в сотрудничестве с Охранным отделением. Он объяснял этот «чешско-чешский» конфликт тем, что после ухода российских войск из Галиции и Польши (весна 1915 г.) среди чехов началась борьба между «двумя блоками: сепаратистами-западниками (реалистами и социал-демократами немецкой школы) и унионистами-русофилами (подавляющее большинство народа)» [5].

В обстановке усиления позиций первой группы 25 января 1916 г. в Москве было сообщено о возникновении нового Чешско-словацкого общества, устав которого незадолго до этого был одобрен МВД. В «Чехословаке» в обтекаемой форме указывалось, что оно создавалось для того, чтобы «избежать потери времени, защищая собственные интересы перед лицами, имеющими иные взгляды» [17: 5]. Несомненно, что общество возникало в качестве противовеса как «штуровцам», так и обществу Коничека, которые были близки по взглядам. Так, глава нового общества Я. Рикси в письме правлению писал о несоответствии заявленных в его уставе целей, направленных на создание самостоятельного чешско-словацкого государства, и реальной деятельности, которая шла в направлении развития «идей преданности славянству и его покровительнице России в виде объединительного панславизма» [4: 168–169].

Следующая конфликтная линия проявилась после смены месторасположения правления союза, которое переместилось из Петрограда в Киев. Причины коренились в разном понимании киевлянами и петроградцами принципов формирования войска. Так, если предыдущее правление полагало, что поступление в ряды чешско-словацкой армии должно было проходить на добровольных началах, то их сменщики считали, что каждый изъявивший желание освободиться из лагеря военнопленных должен был дать согласие на вступление в войско. В случае возникновения подходящих обстоятельств такой резервист должен был быть мобилизован без промедления. Рассматривая добровольность как инструмент взращивания национального и славянского самосознания, представители Петрограда склонялись к тому, что «радикальный тон» Киева приведет к отказу многих чехов и словаков, ранее согласившихся пойти на фабричные и строительные работы, от вызволения из мест заключения. По их мнению, в обста-

новке полученного 8 апреля 1916 г. согласия со стороны императора Николая II на освобождение всех военнопленных славянского происхождения и начала соответствующего подготовительного процесса перспектива массового игнорирования работ на благо «великой славянской империи» становилась чрезвычайно высокой. Это в свою очередь оказало бы существенное негативное влияние на образ чешско-словацких военнопленных в глазах российских властей, которые и так относились с подозрением к славянам, которые один раз уже нарушили свою присягу [4]. Несмотря на то что сами военнопленные рапортовали, что данное известие было воспринято ими одобрительно и не привело к изменению настроений [30], их соотечественники «на свободе» стремились оказать влияние на данный вопрос.

Миссия Г. Кошика в России

В обстановке нарастания спора между чехами после апрельского съезда [23: 10], казалось бы, чешско-словацкие противоречия должны были отойти на второй план. Однако стоит констатировать усиление пессимистических настроений. Так, в середине июня Маркович в письме Гавору описывал сложившуюся обстановку следующим образом: «Не хочу обманываться, но у меня есть такое предчувствие, что "штуровцы" нашли бы в Словакии если не большинство, то все-таки многих, которые с ними согласились. Сложно бороться с мартинской идеологией, на которой многие из нас воспитывались». Отсутствие открытых выступлений против оппонентов он объяснял тем, что не хотел прибавлять «к спору между Петроградом и Киевом» чешско-словацкий конфликт, который бы обязательно попал на страницы российской прессы, с которой представители ОШ имели хорошие контакты. В таких неприглядных обстоятельствах особое значение придавалось миссии американского делегата, который мог оказать влияние на расстановку сил в словацком политическом лагере, «сняв политическое благословение с ОШ». Маркович подытоживал: «Мы грешны перед Америкой, поскольку не информировали ее вообще, в то время как "штуровцы" сообщали им все что угодно» [30].

Решение об отправке делегатов Словацкой лиги в Европу было принято на ее IX конгрессе, который прошел 22–23 февраля 1916 г. За океан отправились Штепан Осусский и Густав Кошик, которые первоначально прибыли во Францию, где ознакомились с деятельностью Чешско-словацкого национального совета (ЧСНС) в Париже. Согласно принятому решению, путь в Россию продолжил только Г. Кошик, который приехал туда в начале августа в сопровождении зампреда ЧСНС М. Штефаника, французского гражданина

словацкого происхождения [18]. Официальная миссия последнего сводилась к получению разрешения от российских властей на вербовку чешских и словацких военнопленных для формировавшейся чешско-словацкой армии во Франции [8: 104; 18]. Впрочем, существовала и иная задача, заключавшаяся в нейтрализации вреда от действий другого зампреда ЧСНС – Йозефа Дюриха, который ранее прибыл в Петроград со схожей целью, но начал проводить деятельность, шедшую вразрез с политической линией Т.Г. Масарика [13: 120]. Практически отказавшись от независимого статуса, в России он попал под сильное влияние МИД и соотечественников царефильской ориентации. Циркулировались слухи о планах по установлению контроля над союзом со стороны внешнеполитического ведомства и штаба Киевского округа [10: 19–28].

Если Дюрих был важен для разрешения прежде всего «чешско-чешских споров», то Кошик был необходим для обозначения линии политической ориентации словаков в России. Стоит отметить, что на него возлагались не меньшие надежды. К тому же первые впечатления от общения с ним позволяли думать именно так. Я. Яничек сообщал: «Мои впечатления от Кошика позитивные. Он смотрит на дело хладнокровно и практично. Он далек от теории, которая могла бы сблизить его с нашими неугомонными сепаратистами. Он выступает за совместную работу с союзом и против намерений "штуровцев"» [30].

Словацкая диаспора накануне встречи с Кошиком провела серию подготовительных совещаний – 3 августа в Москве и 13 августа в Петрограде, на которых обсуждался созыв всесловацкого съезда. Было принято решение о его проведении как можно скорее при условии участия «представителей всех ветвей словацкого народа, проживающих в России», и получения разрешения со стороны союза. Также на съезд был приглашен М. Штефаник, который в обстановке утраты Дюрихом авторитета приобретал особый вес как легитимный представитель ЧСНС. Как отмечает М. Кшинян, ему удалось «восстановить консенсус между различными организациями, ослабить личные и политические споры, которые раздражали российские власти» [8: 108].

Речь идет прежде всего о т. н. Киевском соглашении, которое было подписано 16 августа 1916 г. между представителями союза (В. Вондрак, Вольф) и ЧСНС в Париже (М.Р. Штефаник, Й. Дюрих) при участии Словацкой лиги (Г. Кошик) [14: 438–439]. На его основании военные и политические вопросы, дела, касавшиеся военнопленных, были переданы в ведение ЧСНС. Для словацкого движения в России данное событие играло важную роль, поскольку, как отмечает богемист Е.Ф. Фирсов, «"Киевское соглашение" поставило словацкий вопрос в

России в русло проводимой ЧСНС политической линии, направленной на объединение двух народов в рамках одного государства» [13: 129]. Впервые официально говорилось о признании чешско-словацкого движения в России частью зарубежной освободительной акции [29: 21–33].

Однако российские власти, с которыми не был согласован этот документ, отказались его признать. Спустя три недели, в начале сентября, императорское правительство в лице камергера М.Г. Приклонского, начальника Особого политического отдела, заявило о своем желании решить этот вопрос в другом направлении, а именно путем создания специального совета во главе с Дюрихом, не имевшего ничего общего с парижской организацией. Необходимость Чешско-словацкого народного совета (Нарсовета) обосновывалась тем, что «Франция и Англия проявляют живой интерес к славянским делам вообще и к чешско-словацким в частности, что и порождает враждебные России настроения» [5].

Несомненно, неудача, постигшая чехов и словаков, рассматривавших ЧСНС в качестве главной организации движения, была на руку их оппонентам, в т. ч. и представителям ОШ. Атмосферу конца августа – начала сентября 1916 г. можно охарактеризовать как ожидание краха освободительного движения, потери его самостоятельности, подчинения российским властям. Неизвестный автор в письме от 28 августа писал о том, что «каждое падение союза было выгодно для москвичей», которые, воспользовавшись ситуацией, начали активно продвигать свои взгляды. Прежде всего, речь шла о меморандуме Яна Квачалы, известного словацкого ученого, сторонника ОШ, который представил в МИД записку, где говорилось, что словакам «выгоднее связать свою релативную самостоятельность прямо с Россией, не завися ни от кого другого» [14: 383–385]. В указанной переписке отмечалось, что данный документ очень навредил словацкому делу [30].

И все же большие надежды возлагались на словацких делегатов – Кошика и Штефаника, которые обладали мандатом для стабилизации обстановки. 22 сентября в Москве прошло словацкое совещание, на которое прибыл представитель американской лиги (Штефаник не смог по состоянию здоровья). Он отметил, что для успеха чешско-словацкого дела в России было мало сделано, «практически ничего». От него прозвучало предложение о проведении общесловацкого съезда. Сторонник союза Я. Орсаг ответил, что его созыв отсрочивался на неопределенное время до момента, когда «будут прояснены внутренние настроения». В свою очередь представители ОШ (Краличек, Духай) настаивали на скорейшем проведении

мероприятия. Удивительно, но в этом вопросе Кошик сближался во взглядах со «штуровцами», поскольку, по его мнению, это дало бы представителям словацкого общества преимущество при ведении переговоров [30]. Как отмечал И. Маркович в письме Й. Орсагу, этот вопрос стал причиной напряжения в отношениях с Кошиком. Последний намеревался поехать в Петроград за помощью к министру иностранных дел Б.В. Штюрмеру. Густав Паулини констатировал, что чрезмерная активность американца была вызвана не в последнюю очередь «ревностью» из-за повышенного внимания к Штефанику: его имя «стало подобно красной тряпке» [30].

Отказавшись от поездки в столицу, Кошик остался в Москве, где с конца сентября до середины октября активно взаимодействовал со «штуровцами». Его секретарем стал член ОШ Ю. Грашко, что дало почву для разговоров об «изменении его поведения в худшую сторону». В октябрьской переписке Марковича выказывалось беспокойство по поводу его возросших амбиций, которые начали переходить предусмотренные мандатом рамки. Своим поведением он демонстрировал желание стать «словацким Дюрихом», т. е. официальным представителем словаков в России. Подобная идея возникла у него после озвученного предложения «штуровцев» [30]. Московский словак, характеризовавший обстановку в конце октября, писал: «Плоды нашей совместной работы канули в Лету. Вместо добросовестной некорыстной работы преследуются слава и честолюбие, вместо народных идеалов – личные желания. Кошику было недостаточно помпы, с которой мы его встретили…» [30]. Я. Яничек подтверждает это наблюдение, распространяя его на все чешско-словацкое общество, которое находилось в сложном положении: «Политика не продвигается вперед. Каждый хочет быть генералом, а не простым солдатом» [30].

Необходимо отметить обособление словацкого вопроса осенью 1916 г. С одной стороны, 16 октября увидела свет программная резолюция «Наша цель», составленная словацкими военнопленными и подписанная Г. Кошиком [14: 508–509]. Как отмечает М. Даниш, словаки впервые открыто и однозначно выступили против идеи единой чехословацкой нации и за сотрудничество с чехами на принципах полного национального самоуправления и свободного самоопределения [7: 68]. Несомненно, что американский делегат способствовал вбиванию клина в предшествующую деятельность Штефаника и русских чехов, которые ратовали за единый «чехословацкий народ». С другой стороны, в начале ноября усиливаются позиции «штуровцев» на фоне переговоров о создании Нарсовета Дюриха и возможности приглашения к его работе Я. Квачалы. Хотя Я. Яничек характеризовал

своих оппонентов как людей недалеких, которые не видят разницы в «автономии, дуализме и федеративной форме», их влияние на «разложение общего дела» представлялось значительным.

Впрочем, в начале 1917 г. произошло усиление позиций ОШ на фоне утверждения устава Чешско-словацкого народного совета (2 января направлен в Совет министров, 10 января – утвержден). 8 января состоялось частное собрание словаков под председательством Я. Квачалы, на котором присутствовали Г. Кошик, В.Д. Маковицкий и еще 12 «штуровцев». В ходе встречи были приняты следующие решения и пожелания, касавшиеся работы Нарсовета: 1) общество соглашалось участвовать в его деятельности; 2) четыре его члена должны были быть словаками; 3) последние в словацких вопросах имели право вето; 4) зампред совета выбирался из словацких представителей; 5) обеспечивался доступ ОШ к финансовой отчетности Нарсовета. 13 января правление ОШ, заслушав данную резолюцию, постановило ее одобрить [30].

Как отмечал И. Маркович, который на Рождество был в Москве, этим решением «штуровцы» поставили крест на потенциальном соглашении между словаками. В этой связи единственным вариантом разрешения проблемы стала смена руководства ОШ на запланированном на 2 февраля собрании общества. Для этого 31 января на адрес многих рядовых членов общества пришло письмо, в котором описывались злоупотребления текущего правления. Прежде всего отмечалось, что в 1916 г. не было созвано ни одного общего собрания, и поэтому члены ОШ не могли реализовать те права, которые им гарантировались уставом (контроль за финансами, одобрение отчетов совета общества, избрание почетных и действительных членов общества) [30].

2 февраля состоялось общее собрание, на котором присутствовал 61 чел., из них 40 словаков [8: 99–101]. Центральным событием стал протест оппозиции, о котором было кратко упомянуто в официальном отчете. Он получил широкое освещение в личной переписке словацких политиков. Ю. Грашко отмечает, что «оппозиция» сумела привлечь на свою сторону 12 чел., в то время как их оппоненты, хорошо подготовившись, противопоставили 30 «штуровцев». Так, Я. Орсаг, голос «оппозиции», был «раскатан» настолько сильно, что ему пришлось покинуть помещение, заявив, что после случившегося он потерял желание заниматься политикой и был морально уничтожен. Я. Яничек высказывал сожаление, что те, кто хотел работать и был бы полезен словацкому делу, «оказались в обществе ростовщиков, как Ю. Грашко, и полицейских агентов, как С. Коничек» [30].

Перспектива общества двум политикам виделась по-разному.

Ю. Грашко считал, что в будущем вся политическая деятельность словаков станет концентрироваться вокруг ОШ; Я. Янчек был противоположного мнения: далее ОШ не будет ничего делать, поскольку для серьезной работы отсутствуют кадры, а те, что имеются, ни на что не способны. Несогласие с принципами работы ОШ выразил и американский делегат Г. Кошик. 20 февраля он направил в совет общества письмо, в котором подчеркивал недопустимость в дальнейшем использования его фамилии и аффилиации Словацкой лиги в деятельности ОШ. Он предупреждал, что «штуровцы» не имели права публично говорить, прикрываясь именем словацкого народа [30].

Не вызывает сомнений, что обстановка в феврале свидетельствовала о полном разочаровании словацкой общественности и общем упадке сил ввиду отсутствия согласия между соотечественниками и невозможности сопротивления инициативам, исходившим от российских властей. Последние окончательно подчинили чешско-словацкую акцию своему влиянию, и курс ее движения был не совсем понятен. Характеризует время фраза, упомянутая в письме И. Марковичу: «Темные силы наступают со всех сторон и мешают нашему делу… "штуровцы" поджидают удобный момент, чтобы захватить власть».

Впрочем, «светлый лучик в темном царстве» для словацкого и чешско-словацкого дела проявился в виде русской революции. Либералы, возглавившие Российское государство, испытывали симпатии к представителям зарубежного национального движения чехов и словаков и, соответственно, неприязнь к царефильским организациям, которые продвигали идею сближения России. В этой связи письма С. Коничека новому министру иностранных дел П.Н. Милюкову с просьбой не обращать внимания на «фантазии… партии, в народе почвы не имеющей» [5], не пользовались успехом и остались без ответа. Несомненно, с падением самодержавия и конструировавшей его идеологии перспективы ОШ, которое объединило вокруг себя силы, стремившиеся присоединить Словакию к России, были ничтожны.

Примечания

1. В Австро-Венгрии проживало 47 % славян (из них 10 % южных), 29 % немцев, 18 % венгров, 6 % итальянцев и румын [1: 155].

2. Важно отметить, что на территории словацких земель в Австро-Венгрии обитали, помимо самих словаков, также русины, которых зачастую причисляли к словакам ввиду языкового сходства. Согласно последней предвоенной переписи населения 1910 г., на словацких

землях проживало 2 916 657 чел., из них 96 528 русинов (3,4 % от общего населения Словакии, 21,6 % – от всех русинов венгерской части империи) [20: 127]. В то же время стоит обозначить тот факт, что представители российского военного командования в своей документации делали различие между этими народами, впрочем, характеризуя их «как политически благонадежных» и «дружественно настроенных» [14: 61, 100, 194]. Что касается чешско-словацких воинских формирований, то их организаторы старались сохранить их национальный характер, не допуская участия в деятельности лиц других национальностей. Так, командующий Чешско-словацкой стрелковой бригадой В.П. Троянов сообщал о случае, когда «в запасные роты приходили поляки, русины и даже венгры, которые выдавали себя за чехов, и только благодаря агенту союза (чешско-словацких обществ) удалось установить их происхождение и сейчас же вернуть в плен» [14: 513].

3. По подсчетам исследователей, накануне Первой мировой войны на территории России находилось около 2 тыс. словаков. Необходимо отметить, что точных данных никогда не было. Даже в последней официальной переписи населения 1897 г. словаки не числились в качестве отдельного народа, их считали вместе с чехами.

4. На съезде было два словака, которые представляли варшавскую Чешско-словацкую беседу.

5. В феврале 1916 г. в Париже был создан Чешско-словацкий национальный совет, ставший политическим центром чешского и словацкого освободительного движения за границей [26: 5].

6. Вплоть до 1918 г. в рядах чешско-словацких воинских формирований на территории России состояло лишь 1 711 словаков. В последующее время в Чехословацком корпусе прошли службу 5 104 (7,2 %) словака. Общее количество военнослужащих оценивается в 70 889 чел. [11: 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1914. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.

2. *Бирюков С.В.* Сохранение Австро-Венгерской империи посредством федерализации в интересах ее славянских народов: утопия или упущенная возможность? // Русин. 2018. № 4 (54). С. 52–71. DOI: 10.17223/18572685/54/4

3. *Ведерников М.В.* Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 122–129.

4. *Ведерников М.В.* Организованное политическое движение чехов в

России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. … канд. ист. наук. М., 2017. 277 с.

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при московском градоначальнике. Оп. 50. 1917. Д. 24.

6. *Гопта И., Гоптова Л.* Чехословацкая Республика как новое государство на политической карте мира // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1–2. С. 130–147.

7. *Даниш М.* Словаки и Россия // Русский сборник. Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2006. Т. III. С. 38–108.

8. *Кшинян М.* «В единстве сила!». Штефаник и борьба за единство чехословацкого движения сопротивления в России в 1916–1917 годы // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2017. № 10. С. 104–118. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-104-118

9. *Масарик Т.Г.* Delenda est Austria! // Русская воля. 22.12.1916. № 8.

10. *Мошечков П.В.* Успехи и неудачи миссии Й. Дюриха и М.Р. Штефаника в России: обсуждение вопроса об отправке военнопленных во Францию // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 2. С. 19–28.

11. *Серапионова Е.П.* Чехословацкий корпус в России (1918–1920) // Чешско-словацкий корпус (Чехословацкий корпус). 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2: Чехословацкие легионы и гражданская войны 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. С. 5–28.

12. *Фирсов Е.Ф.* Словацко-русское общество памяти Людовита Штура в России и идея славянского единства // Славянский вопрос: вехи истории. М.: Институт славяноведения, 1997. С. 152–169.

13. *Фирсов Е.Ф.* Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колонии в России в 1915–1917 гг.: Масарик или Дюрих // Версаль и новая Восточная Европа. М.: ИСБ, 1996. С. 111–135.

14. Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М.: Новалис, 2013. 1048 с.

15. Čechoslovak. č. 28. 23.12.1915 (04.01.1916).

16. Čechoslovak. č. 32. 23.1.1916 (05.02.1916).

17. Čechoslovak. č. 33. 5.5.1916 (18.05.1916)

18. *Holotík L.* Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. 513 s.

19. *Jesenský J.* Cestou k slobode. Martin: Matica slovenská, 1936. 280 s.

20. *Konečný S.* Náčrt dejín karpatských rusínov. Prešov, 2015. 226 s.

21. *Kováč D.* Muži deklarácie. Martin: Vydavateľstvo Osveta, 1991. 222 s.

22. *Markovič I.* Slováci v zahraničnej revolúcii. Praha: Nákl. Památníku odboje, 1923. 102 s.

23. Za svobodu. Obrazkova kronika csl. revolucniho hnuti na Rusi 1914–1920. I. díl. Praha, 1925. 841 s.

24. *Papoušek J.* Masaryk a naše revoluční hnutí v Rusku. Praha: Svaz národního osvobození, 1925. 32 s.

25. *Pekník M.* K slovensko-českým vzťahom pred vznikom Česko-Slovenska // Slováci v československých légiách (1914–1917–1920). Bratislava: Veda, 2018. 78 s.

26. *Pichlík K.* Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend. Praha: Svoboda, 1968. 504 s.

27. *Sidor K.* Slováci v zahraničnom odboji. Bratislava, 1928. 264 s.

28. Slovenské a české krajanské hnitie v USA (do roku 1918). Prešov: Universum, 2014. 137 s.

29. *Šteidler F.* Československé hnutí na Rusi. Informační přehled. Praha: Knihovna Památníku odboje, 1921. 112 s.

30. Vojenský ústřední archiv (VÚA). Fond Odbočka ČSNR v Rusku – 1917–1919. Karton 77. Spisy neevidované, chronologicky řazené. Osobní korespondence Dr. Ivana Markoviče.

REFERENCES

1. Ayrapetov, O.R. (2014) *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne. 1914.* [Russian Empire in the First World War. 1914]. Moscow: Kuchkovo pole.

2. Biryukov, S.V. (2018) The preservation of the Austro-Hungarian Empire by means of federalisation in the interests of the Slavic peoples: a myth or a missed opportunity? *Rusin*. 4. pp. 52–71 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/4

3. Vedernikov, M.V. (2015) Significance of Russia for T.G.Masaryk's foreign policy conception on the eve and during WWI. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 6. pp. 122–129 (in Russian).

4. Vedernikov, M.V. (2017) *Organizovannoe politicheskoe dvizhenie chekhov v Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [The organized political movement of Czechs in Russia on the eve of and during WWI]. History Cand. Diss. Moscow.

5. The State Archive of the Russian Federation. (GARF). Department for the Protection of Public Security and Order in Moscow (Security Department) under the Moscow Mayor] Fund. 63. List 50 (1917). File 24.

6. Hopta, I. & Hoptova, L. (2019) Chekhoslovatskaya Respublika kak novoe gosudarstvo na politicheskoy karte mira [Czechoslovak Republic as a new state on the political map of the world]. *Vishegradskaya Evropa. Tsentral'noevropeyskiy zhurnal – Visegrad Europe. Central European Journal*. 1–2. pp. 130–147.

7. Daniš, M. (2006a) Slovaki i Rossiya [Slovaks and Russia]. In: Ayrapetov, O.R. (ed.) *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection. Studies on the History of Russia]. Vol. 3. Moscow: Modest Kolerov. pp. 38–108.

8. Kšiňan, M. (2017) "There is power in unity!". Stefanik and the struggle for the unity of the Czechoslovak resistance movement in Russia in 1916–1917. *Zapad-Vostok – West-East*. 10. pp. 104–118 (in Russian). DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-104-118

9. Masaryk, T.G. (1916) Delenda est Austria! *Russkaya volya.* 8. pp. 5–6.

10. Moshechkov, P.V. (2018) Successes and Failures of the Mission of J. Durich and M. R. Stefanik in Russia: a Discussion of the Issue of Sending Prisoners of War to France. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya – History Magazine: Researches*. 2. pp. 19–28 (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0609.2018.2.23607

11. Serapionova, E.P. (2018) Chekhoslovatskiy korpus v Rossii (1918 – 1920) [Czechoslovak Corps in Russia (1918–1920)]. In: Efimenko, A.R. (ed.) *Cheshsko-slovatskiy korpus (Chekhoslovatskiy korpus). 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak Corps (Czechoslovak Corps). 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 5–28.

12. Firsov, E.F. (1997) Slovatsko-russkoe obshchestvo pamyati Lyudovita Shtura v Rossii i ideya slavyanskogo edinstva [Ludovit Štur's Slovak-Russian Society in Russia and the idea of Slavic unity]. In: Dostal, M.Yu. (ed.) *Slavyanskiy vopros: vekhi istorii* [The Slavic Question: Milestones of History]. Moscow: Institute for Slavic Studies. pp. 152 – 169.

13. Firsov, E.F. (1996) Bor'ba za politicheskuyu orientatsiyu cheshskoy i slovatskoy kolonii v Rossii v 1915–1917 gg.: Masarik ili Durich [The struggle for the political orientation of the Czech and Slovak colonies in Russia in 1915–1917: Masaryk or Durich]. In: Malkov, V.L. & Grishina, R.P. (eds) *Versal' i novaya Vostochnaya Evropa* [Versailles and the New Eastern Europe]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 111–135.

14. Efimenko, A.R. (ed.) *Cheshsko-slovatskiy korpus (Chekhoslovatskiy korpus). 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak Corps (Czechoslovak Corps). 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Kuchkovo pole.

15. *Čechoslovak*. (1915) Vol. 28. 23rd December. (4th January 1916).

16. *Čechoslovak*. (1916a) Vol. 32. 23rd January. (5th February 1916).

17. *Čechoslovak*. (1916b) Vol. 33. 5th May. (18th May 1916).

18. Holotík, L. (1958) *Štefánikovská legenda a vznik ČSR* [Štefánik legend and the origin of Czechoslovakia]. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

19. Jesenský, J. (1936) *Cestou k slobode* [Trip to Freedom]. Martin: Matica slovenská.

20. Konečný, S. (2015) *Náčrt dejín karpatských rusínov* [Brief history of Carpatho-Rusins]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.

21. Kováč, D. (1991) *Muži deklarácie* [Men of declaration]. Martin: Vydavateľstvo Osveta.

22. Markovič, I. (1923) *Slováci v zahraničnej revolúcii* [Slovaks in the foreign revolution]. Prague: Nákl. Památníku odboje.

23. Masaryk, T.G. (ed.) (1925) *Za svobodu. Obrazkova kronika csl. revolucniho hnuti na Rusi 1914-1920* [For freedom. Picture chronicle of Czechoslovak revolutionary movement in Russia]. Vol. 1. Prague: O. Vaněk.

24. Papoušek, J. (1925) *Masaryk a naše revoluční hnutí v Rusku* [Masaryk and our revolution movement in Russia]. Prague: Svaz národního osvobození.

25. Pekník, M. (2018) K slovensko-českým vzťahom pred vznikom Česko-Slovenska [On Slovak-Czech relations before the establishment of Czech-Slovakia]. In: Hronský, M., Vrábel, F., Goněc, V. & Pekník, M. *Slováci v československých légiách (1914–1917–1920)* [Slovaks in Czechoslovak legions (1914–1917–1920)]. Bratislava: Veda.

26. Pichlík, K. (1968) *Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend* [Foreign resistance 1914–1918 without legends]. Prague: Svoboda.

27. Sidor, K. (1928) *Slováci v zahraničnom odboji* [Slovaks in foreign resistance]. Bratislava: Nákl. vlastným.

28. Kucík, Š. & Vaculík, Ja. (2014) *Slovenské a české krajanské hnitie v USA (do roku 1918)* [Slovak and Czech fraternity movements in USA]. Prešov: Universum.

29. Šteidler, F. (1921) *Československé hnutí na Rusi. Informační přehled* [Czechoslovak movement in Russia. Information overview]. Prague: Knihovna Památníku odboje.

30. *Box 77. Spisy neevidované, chronologicky řazené. Osobní korespondence Dr. Ivana Markoviče* [Box 77. Files not registered, chronologically arranged. Personal correspondence of Dr. Ivan Markovič]. The Central Mlitary Archive (VÚA). Fond Odbočka ČSNR v Rusku – 1917 – 1919 [Fund ČSNR branch in Russia – 1917 – 1919].

Ведерников Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН (Россия).

Mikhail V. Vedernikov – Institute of Europe RAS (Russia).

E-mail: vishma@mail.ru

УДК 94(47).083
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/6

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ГАЛИЦИИ (СЕНТЯБРЬ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1915 г.)*

Н.И. Богомазов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: n.bogomazov@spbu.ru

Авторское резюме

Исследуется история создания русского Управления железных дорог Галиции осенью 1914 г. После занятия Восточной Галиции русскими войсками были организованы генерал-губернаторство и гражданская администрация. Управление железными дорогами Галиции поначалу осуществлялось Юго-Западными железными дорогами. Однако впоследствии было решено выделить галицийские дороги в отдельную сеть. 25 октября 1914 г. было организовано Управление железных дорог Галиции, начальником которого стал К.С. Немешаев. Отступая из Галиции, австро-венгерская армия нанесла железным дорогам существенный урон. Военная ситуация на Юго-Западном фронте требовала скорейшего восстановления железнодорожного сообщения для подвозки военных товаров и пополнения для армии, а также для своевременной эвакуации раненых в тыл. В то же время население Галиции остро нуждалось в налаживании пассажирского и товарного движения. Задача, стоявшая перед управлением, была важна как в военно-стратегическом, так и в политическом плане. Работа осложнялась отличием местной узкой колеи от широкой российской, спецификой ландшафта, нехваткой квалифицированного персонала и подвижного состава, удаленностью региона. Однако за первые три месяца работы Управление железных дорог провело масштабные ремонтно-восстановительные работы полотна и искусственных сооружений, основательно разрушенных неприятелем при отступлении. К февралю 1915 г. управление смогло расширить эксплуатируемую сеть почти вдвое. Были начаты проектные работы по расширению и развитию имевших-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00075).

ся линий и станций и постройке новых, проведена перешивка нескольких линий на российскую колею.

Ключевые слова: железные дороги, Галиция, Первая мировая война, Немешаев, Львов, транспорт, снабжение.

THE RUSSIAN ADMINISTRATION OF GALICIAN RAILWAYS (SEPTEMBER 1914 – FEBRUARY 1915*

N.I. Bogomazov

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: n.bogomazov@spbu.ru

Abstract

The article explores the formation of the Russian Administration of Galician Railways in the autumn of 1914. The occupation of Eastern Galicia by Russian troops was followed by the organisation of the civil administration of Galicia. The Galician railways were initially managed by the Southwest Railways. However, it was decided to form a separate Galician network. On October 25, 1914, the Galician Railway Administration was organized, with K.S. Nemeshaev appointed its director. Retreating from Galicia, the Austro-Hungarian army caused significant damage to Galician railways. The military situation on the front demanded fast restoration of railway communication to transport military goods and supplies for the army and evacuate the wounded. Meanwhile, the population of Galicia desperately needed regular passenger communication and freight traffic, thus the task was important both in the military and political terms. There were many factors complicating the work: the difference between the local narrow and Russian wide gauges, difficult terrain, lack of qualified personnel and rolling stock, and remoteness of Galicia. However, in the first three months of operation, the Railway Administration carried out large-scale repair and restoration work on the railway track, which had been thoroughly destroyed by the enemy during its retreat. By February 1915, the Railway Administration had been able to double its operating network. It had also begun the expansion and development of existing lines and stations and construction of new ones. Two lines were changed to the Russian gauge.

Keywords: Railways, Galicia, First World War, Nemeshaev, Lvov, transport, supplies.

* This research is supported by the Russian Science Foundation (Project Nr. 19-78-00075).

С началом Первой мировой войны на российские железные дороги легла тяжелая задача по мобилизации русской армии. И современники, и исследователи сходятся во мнении, что дороги, пусть и с колоссальным напряжением всех сил, но все-таки сумели эту задачу выполнить. Однако с течением войны перед русскими железнодорожниками вставали новые проблемы, от решения которых зависели как военные успехи на фронте, так и спокойная жизнь ближайшего тыла. Одной из таких острых проблем было скорейшее восстановление железнодорожной сети на отвоеванных у неприятеля территориях, в частности в Галиции, где скорейшее восстановление железных дорог было крайне необходимо и с военной (для действий Юго-Западного фронта), и с политической (налаживание мирной жизни в занятом регионе) точек зрения.

Современный историк А.Ю. Бахтурина справедливо отмечает в одной из своих недавних работ, что изучение создания и функционирования русской администрации в Восточной Галиции и Буковине в 1914–1916 гг. «в последние годы стало самостоятельным направлением» истории этого региона [4]. Действительно, в последние годы специалисты все чаще обращаются к данной тематике.

Собственно, сама Александра Юрьевна является одним из крупнейших специалистов в этой области: ее перу принадлежит целая серия фундаментальных трудов, в которых она подробно исследует разные стороны русского администрирования Галиции и Буковины [2; 3]. Данный вопрос поднимается некоторыми исследователями и в общих работах по истории Галичины [5; 32]. Внимание историков привлекали отдельные стороны деятельности русской администрации, в частности создание аппарата жандармерии [54], специфика административно-территориального деления [8], особенности политической жизни [50] и др. Известный историк О.Р. Айрапетов в своей обобщающей четырехтомной работе об участии Российской империи в Первой мировой войне посвятил отдельную главу организации военной администрации в Восточной Галиции [1].

Однако функционирование транспортной системы Галиции, в частности работа галицийских железных дорог, до сих пор выпадало из поля зрения историков. Очевидно, в первую очередь это связано с технической спецификой проблемы. Даже в работах, посвященных истории железных дорог в годы Первой мировой войны, управление галицийскими дорогами или не рассматривается вовсе, или затрагивается лишь по касательной [48; 49]. Данная статья призвана в некоторой степени устранить этот пробел. При этом автор отнюдь не претендует на истину в последней инстанции и видит свою работу лишь как первый шаг в постижении этой сложной и комплексной

проблемы. При написании этой статьи мы опирались преимущественно на документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Российском государственном историческом архиве (РГИА), большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Ввиду специфики темы особую ценность представляет также периодическая печать: нами широко используется газета «Львовское военное слово», издававшаяся штабом Юго-Западного фронта во Львове (первый номер газеты увидел свет 26 сентября 1914 г.) и выходившая ежедневно. «Львовское военное слово» пристально наблюдало за работами по восстановлению галицийской железнодорожной сети и подробно освещало их на своих страницах, а также регулярно публиковало сведения об изменениях в работе местных железных дорог.

В рамках данного исследования рассматривается начальный период функционирования русской администрации галицийских железных дорог, продолжавшийся до февраля 1915 г.

В первых числах августа 1914 г. обозначились первые серьезные столкновения передовых частей русской и австро-венгерской армий, положившие начало Галицийской битве [9: 71–74]. 21 августа русскими войсками были взяты Львов и Галич, 22 августа – Миколаев. В результате Городокского сражения сопротивление австро-венгерской армии было сломлено, и 29 августа она начала быстро отступать. К 8 сентября 1914 г. русские войска заняли почти всю Восточную Галицию и Буковину [1: 216–226]. По результатам последующей Варшавско-Ивангородской операции русская армия, на время потеряв часть территорий, смогла вновь выйти на исходные позиции, сохранив за собой Восточную Галицию и Буковину до весны 1915 г. [10: 232–240]. В литературе территория Галиции, оказавшаяся под контролем русских войск к концу 1914 г., именуется Галичиной, большинство населения которой составляли русины [51: 276, 279].

Приказом Верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г. в Галиции было образовано генерал-губернаторство, в состав которого вошли две губернии – Львовская и Тарнопольская (затем были также образованы Черновицкая, а в 1915 г. Перемышльская губернии). Генерал-губернатором был назначен граф Г.А. Бобринский [3: 77–78].

Восточная Галиция имела достаточно развитую железнодорожную сеть общей протяженностью до 5 тыс. верст (с центром во Львове), соединяясь с внутренними областями Австро-Венгерской империи восьмью колеями, пересекавшими Карпаты, и еще двумя колеями, обходившими горы с запада. Имелось 16 выходов к русской границе, однако австро-венгерская сеть непосредственно соединялась с русской только в четырех пунктах – в Границе, Бродах, Подволочиске и

Новоселицах. В начале XX в. галицийские железные дороги активно развивались не в последнюю очередь по военно-стратегическим причинам, чтобы в случае войны с Россией облегчить развертывание австро-венгерской армии и дать ей возможность маневрирования. В частности, были построены линии Львов – Стоянов (выводившая в Ковельский район) и Львов – Потуторы – Подгайцы (пролегавшая параллельно границе с Киевским военным округом) [18; 52: 78–80]. Как отмечалось в аналитической записке, составленной еще в 1912 г. начальником службы движения Ковель – Владимир – Волынской железной дороги подполковником П.Г. Амбургером, большинство дорог Галиции были сооружены «с явно стратегическими целями, так как они экономического значения не имеют» [41: 7]. Вдоль границы с Российской империей пролегала магистральная линия Краков – Львов [52: 78–80]. Железные дороги в Галиции имели узкую (европейскую, или стефенсоновскую) колею в 1 435 мм, отличавшуюся от широкой российской колеи (1 524 мм). Своеобразие галицийских железных дорог заключилась и в том, что ввиду специфики ландшафта местности и некоторых особенностей строительства сеть в целом имела тяжелый профиль, значительные уклоны, слабое верхнее строение и недостаточное путевое развитие станций [48: 196].

В отличие от Северо-Западного фронта, где русским войскам в 1914 г. крайне редко удавалось захватить какие бы то ни было железнодорожные трофеи, австрийцы во время Галицийской битвы порой просто не успевали не только провести эвакуацию железнодорожного имущества или серьезную порчу полотна, но даже и эвакуацию госпиталей [1: 226]. Так что неудивительно, что в Галиции русской армии достались значительные железнодорожные трофеи в виде узкоколейных паровозов, вагонов и до 1 000 верст пути [15; 48: 211]. Военная ситуация на Юго-Западном фронте требовала скорейшего восстановления железнодорожного сообщения для подвозки военных товаров, пополнения для армии и для своевременной эвакуации раненых в тыл. Однако галицийская колея, как уже было сказано, отличалась от русской, поэтому использовать подвижной (ширококолейный) состав из России для этих целей было невозможно. Таким образом, захват австрийских узкоколейных паровозов и вагонов был большой военной удачей. Как отмечал впоследствии начальник галицийских железных дорог, на первых порах дороги могли удовлетворять свои нужды за счет «небольших запасов материалов, захваченных как военная добыча» [38: 43]. Более того, оказалось возможным отправить некоторые материалы из Галиции на другие участки фронта, где также была потребность в быстром восстановлении движения по европейской колее, в частности в Польше, на левом

берегу Вислы. Так, в октябре 1914 г. для восстановления повреждений на Варшавско-Венской дороге в Варшаву с галицийских дорог было отправлено 27 комплектов стрелок со всеми принадлежностями (стрелки в 1914 г. были едва ли не самым дефицитным железнодорожным материалом, и 27 комплектов стали неоценимой помощью) [39: 207, 212, 229].

Первыми к работе на железных дорогах в занятой Галиции приступили железнодорожные батальоны – 9-й и 7-й, затем прибыла Заамурская бригада [44: 4, 20; 48: 210]. Несмотря на то, что австро-венгерская армия, как отмечалось выше, вынуждена была стремительно покидать Галицию, не всегда успевая разрушить железнодорожное полотно и станционные постройки, все же сети был нанесен значительный урон: противник уничтожал линейно-путевые и пассажирские здания, запасы рельсов и стрелочных переводов, столбы и изоляторы воздушных линий связи, верхнее строение пути, поворотные круги, мастерские, паровозные депо, аппаратуру централизации и блокировки, водопровод, гидроколонки и т. д. [48: 212]. В ведомости разрушенных мостов железных дорог Галиции, составленной службой пути на рубеже 1914–1915 гг., указано 52 моста, разрушенных полностью или требовавших ремонта. Самое большое число разрушенных мостов приходилось на участки Львов – Перемышль и Новый Загорж – Ясло (по пять мостов) [44]. В задачу железнодорожных батальонов входило скорейшее открытие движения поездов, поэтому осенью 1914 г. в Галиции они, как правило, выполняли краткосрочное восстановление пути и сооружений и двигались далее за наступавшими войсками [48: 214]. Лишь в некоторых случаях железнодорожные батальоны вели более серьезные работы. Так, 9-й железнодорожный батальон поднимал разрушенные фермы моста через Днестр у Иезуполя на линии Львов – Ходоров – Станиславов [44: 4]. Но в большинстве случаев дальнейшим восстановлением и налаживанием движения по дорогам занималась гражданская администрация.

С началом войны вся сеть железных дорог Российской империи, согласно «Положению о полевом управлении войск», была разделена на две части – дорогами в районе театра военных действий ведало Военно-полевое управление, остальная сеть оставалась в ведении Министерства путей сообщения [52: 32]. Во главе Военно-полевого управления стоял начальник военных сообщений при Верховном главнокомандующем генерал С.А. Ронжин, находившийся в Ставке в Барановичах. На обоих фронтах имелись начальники военных сообщений и главные начальники снабжений. Исполнительными органами на местах были заведующие передвижением войск и железнодорожные коменданты [47: 108]. На Юго-Западном фронте

главным начальником военных снабжений был генерал А.Ф. Забелин, начальником военных сообщений – генерал И.В. Павский [37: 85 об.].

Здесь небезынтересно будет привести часть отчета князя В.Н. Шаховского, начальника Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения (с 1915 г. – министр торговли и промышленности), направленного им министру путей сообщения С.В. Рухлову. Отправившись в командировку на фронт, князь Шаховской оттуда давал оценку общей транспортной ситуации. Благоприятно отзываясь о профессиональной компетенции и деятельности чинов штаба Северо-Западного фронта, он следующим образом аттестовал их коллег с Юго-Западного фронта: «Совершенно иная картина представляется на Юго-Западном фронте… Начальником военных сообщений Юго-Западного фронта состоит генерал-майор Павский, совершенно не знакомый с порученной ему областью. Главным его занятием является принятие рапортов от целого ряда воинских чинов. Вся распорядительная власть в области путей сообщения всецело передана им начальнику отдела путей сообщения генерал-майору Кривошеину. Будучи известным профессором по мостовому делу, генерал Кривошеин не только не имеет никакого понятия в порученной ему области, но даже никогда не состоял в сколько-нибудь серьезной административной должности. Главное его стремление – отличиться. Обладая крайне нервным характером и сознавая свою неподготовленность в порученной ему области, но в то же время будучи упоен властью, генерал Кривошеин постоянно состоит под сильным влиянием то одного, то другого лица. Зачастую влияния эти совершенно запутываются. Чины Министерства путей сообщения, непосредственно ему подчиненные, получив какое-либо распоряжение, совершенно не в состоянии выполнить его надлежащим способом, так как генерал Кривошеин вмешивается в выполнение во всякое время лично или через доверенных лиц. При этом получается столь большая путаница, что разобраться в вопросе не оказывается возможным. Отдаваемые распоряжения являются совершенно непоследовательными, нервными, о них немедленно забывается, а когда они исполнены, то вызывают удивление лиц, отдававших распоряжения <…> Благодаря этому совершенно непроизводительно загромождаются железные дороги перевозкой ненужных грузов…» [46: 15–17].

С началом войны в ведение Ставки перешло 10 дорог, располагавшихся в районе театра военных действий (общая протяженность – 21 291 верст), т. е. примерно 32,7 % всей российской сети [45: 2], в т. ч. и Юго-Западные дороги, прилегавшие к границам Австро-Венгрии (начальник – В.П. Шмит). Именно администрация Юго-Западных

дорог поначалу (август–октябрь 1914 г.) занималась управлением железных дорог Галиции и налаживанием нормального товарного и пассажирского сообщения [38: 43]. Министр путей сообщения С.В. Рухлов в своей записке об организации власти на занятых австрийских территориях отмечал, что перед русской администрацией Галиции стоят задачи «чрезвычайно сложные» [46: 1], и эта характеристика дает представление о масштабе задачи по восстановлению галицийской железнодорожной сети.

Еще в самом начале работ по ремонту галицийских железных дорог Управление военных сообщений Юго-Западного фронта рекомендовало железнодорожным батальонам при выполнении восстановительных работ отказаться от трудоемкой перешивки пути на русскую колею. Поэтому вплоть до февраля 1915 г. узкоколейные поезда из Львова не могли пройти в Россию, и их конечными пунктами являлись Броды и Волочиск. В указанный период из Львова ежедневно курсировали два поезда до Бродов и Волочиска (и обратно), расписание которых соотносилось с отправлением поездов в глубь России. Помимо этого, из Львова ходили региональные поезда: на Раву-Русскую, Ходоров, Потуторы (дважды в день), Городок (дважды в день, прекращены с 28 сентября), Яворов (дважды в день), Самбор, Садовую Вишню [13; 14].

Администрация Юго-Западных дорог руководила галицийской сетью около полутора месяцев. Однако впоследствии было решено организовать самостоятельное управление галицийскими железными дорогами, для чего во Львов в середине октября 1914 г. был направлен тайный советник К.С. Немешаев [17]. Клавдий Семёнович Немешаев был отличным кандидатом для выполнения для данной задачи: долгое время руководивший Юго-Западными железными дорогами (с 1896 по 1905 г. и с 1906 по 1912 г.), он прекрасно знал специфику региона. В 1905–1906 гг. он был министром путей сообщения в кабинете С.Ю. Витте [33: 99–100]. «Я лично его мало знал, – вспоминал Витте о назначении К.С. Немешаева министром, – но он пользовался хорошей репутацией как инженер (путей сообщения) и как опытный железнодорожный администратор. Юго-Западные железные дороги в смысле репутации своей – лучших железных дорог России в отношении личного состава, в смысле коммерческом как доходное предприятие, наконец, в смысле образцового порядка в значительной степени были мною созданы, когда я проходил на этой дороге службу и был ее управляющим, а потому аттестация тамошних деятелей затем делалась мне моими бывшими подчиненными, когда мне приходилось их встречать, и, следовательно, по этим аттестациям я хорошо знал Немешаева. Кроме того, я остановился на Немешаеве

потому, что я знал, что он будет приятен государю. Государь мне в прежнее время, когда я проезжал по дорогам Юго-Западным, всегда хвалил их и симпатично выразился о Немешаеве» [6: 859–860]. Именно К.С. Немешаев, назначенный министром путей сообщения, занимался восстановлением движения по российским железным дорогам, нарушенного событиями Первой русской революции [6: 860; 33: 99]. Теперь, в октябре 1914 г., на члена Государственного совета К.С. Немешаева была «возложена задача привести галицкие дороги в порядок» [18].

25 октября 1914 г. железные дороги Галиции были выделены в особую сеть. Было учреждено Управление железных дорог Галиции, начальником был назначен К.С. Немешаев (с сохранением звания члена Государственного совета) [19; 38: 43]. Временный штат Управления железных дорог Галиции был разработан уже к 15 октября 1914 г. и утвержден приказом Верховного главнокомандующего 20 октября. Согласно этому временному штату, в управлении учреждались служба пути, служба движения и телеграфа, служба тяги, материальная служба, коммерческая служба, служба сборов, санитарная служба, бухгалтерия и канцелярия [36: 172].

Согласно пункту 1 положения о временном управлении железными дорогами Галиции, дороги «до окончания военных действий и демобилизации армии находятся в ведении военного ведомства». Пункт 2 гласил, что начальник железных дорог Галиции «непосредственно подчиняется начальнику штаба Верховного главнокомандующего» [35: 186]. На практике К.С. Немешаев отчитывался о своей деятельности главному начальнику снабжений Юго-Западного фронта генералу А.Ф. Забелину и начальнику военных сообщений Ставки генералу С.А. Ронжину.

У Клавдия Семёновича Немешаева было три помощника. Генерал М.В. Колобов, командир Заамурской железнодорожной бригады, был первым помощником и ведал службой пути. Второй помощник, инженер Э. Радович, прибывший с Юго-Западных железных дорог, курировал службу движения [38: 110, 123]. Третьим помощником К.С. Немешаев назначил А.А. Палтова. Бывший директор канцелярии Министерства путей сообщения А.А. Палтов оказался замешан в финансовом скандале, был лишен придворного звания и к началу Первой мировой войны находился под следствием, однако, после того как К.С. Немешаев пригласил его к себе в Галицию, Николай II разрешил приостановить следствие до окончания военных действий [7; 11; 34: 83, 255–257]. В качестве помощника начальника железных дорог Галиции А.А. Палтов осуществлял руководство канцелярией, бухгалтерией и вспомогательными службами. Начальником службы

движения был назначен инженер В.В. Померанцев, службой пути руководил инженер Ю.И. Лебедев. Технический отдел службы пути возглавил инженер В.В. Лепешинский, отец известной советской балерины О.В. Лепешинской [38: 123]. Управление железных дорог Галиции размещалось во Львове по адресу: улица Зигмунтовская (или Сигизмундовская), дом 1 [29]. Сейчас в этом здании на улице Гоголя располагается управление Львовской железной дороги.

Первый, организационный этап деятельности управления железных дорог Галиции, как отмечал сам К.С. Немешаев, продолжался три месяца и закончился к началу февраля 1915 г. [38: 62]. Если в момент создания управления общая протяженность действующей сети насчитывала 1 037 км, то к 1 января 1915 г. управление эксплуатировало уже 1 728 км, а к 1 февраля – 1 915 км, т. е. за три месяца протяженность увеличилась практически вдвое [38: 43]. К концу первого этапа железные дороги Галиции насчитывали 159 открытых станций и остановочных пунктов, 2 товарных склада, 17 линейных складов и главные мастерские. Подвижной состав дорог исчислялся следующими цифрами: 310 паровозов, 685 пассажирских, 7 135 обычных товарных и 1 523 «специально приспособленных» товарных вагона [38: 43]. Паровозы и вагоны, кроме захваченных австрийских, передавались на железные дороги Галиции с Варшавско-Венской, Юго-Западных, Екатерининской и Николаевской железных дорог [38: 6–18]. Длина телеграфных проводов насчитывала 10 тыс. верст, телефонных – 2 250. На дороге служили 4 104 штатных и временных служащих, и был нанят 4 231 поденный рабочий [38: 43].

Быстрые темпы расширения сети говорят о большом объеме строительных и ремонтных работ. Если на первых порах управление обходилось своими средствами и заказом материалов с Юго-Западных железных дорог, то затем пришлось заказывать материалы и работы у местных и российских поставщиков [38: 43]. Объявления о конкурсах на разные работы управление размещало в т. ч. в прессе. Так, например, были размещены сведения о конкурсах на строительные (земляные и каменные), столярные и плотницкие работы при восстановлении старых зданий и строительстве новых; на исправление мостов и установку на них новых ферм, устройство временных мостов; на поставку управлению камня и цемента [20–25]. Отдельный конкурс был объявлен для работ по развитию станции Заболотце [27]. Инженеры и технический персонал привлекались из России. Немешаев вынужден был даже выпустить специальное разъяснение, в котором подчеркивалось, что «агенты, переходящие на службу на железные дороги Галичины», должны «отправляться на места назначения только сами, без семейств, так как въезд последних в Галичину

допускается только по отдельным пропускам генерал-губернатора» [30]. Кроме того, 20 декабря 1914 г. при Юго-Западных железных дорогах производилась ускоренная подготовка железнодорожных агентов для последующей отправки их в Галицию [28]. Все служащие и рабочие были русскими подданными (или местными жителями), поскольку иностранная трудовая сила в тот период не привлекалась к работам в районе театра военных действий [53].

Жандармско-полицейское управление железных дорог Галиции было сформировано 3 февраля 1915 г. и не было связано с гражданским Управлением железных дорог: начальник ЖПУЖД полковник Ф.Н. Оже-де-Ранкур был подчинен напрямую начальнику военных сообщений Юго-Западного фронта [54].

К февралю 1915 г. было значительно расширено регулярное пассажирское движение. Помимо уже имевшихся направлений, были пущены поезда из Львова на Стоянов, Каменку-Струмилову, Стрый и Самбор. Поезд, ранее ходивший по линии Львов – Ходоров, был продлен до Галича [29]. С 14 ноября 1914 г. была запущена пара прямых скорых поездов Киев – Львов (№ 5 Киев – Львов и № 6 Львов – Киев). Поезд отправлялся из Киева каждый день в 20:40 и прибывал во Львов в 12:40 следующего дня. На станцию Броды, где заканчивалась широкая российская колея, поезд прибывал в 11:00. Все пассажиры пересаживались в состав, стоявший на узкой европейской колее, и уже на нем ехали до Львова. Здесь же осуществлялся контроль въездных документов. Обратный поезд выезжал из Львова в 18:35 и прибывал в Киев 10:30 [26]. 2 февраля 1915 г. в расписание было внесено изменение: поезд отныне отправлялся из Львова в 17:50 [29]. В феврале 1915 г. линия Броды – Львов была перешита на широкую колею, и теперь поезд мог проходить весь путь от Львова до Киева без пересадки пассажиров в Бродах в другой состав [38: 24]. На станции Здолбуново от поезда Львов – Киев отсоединялся вагон с пассажирами, ехавшими до Петрограда, и на его место устанавливались вагоны с пассажирами, ехавшими из Ровно в Киев. Отсоединенный вагон с пассажирами до Петрограда присоединялся к ближайшему петроградскому поезду. Такая же манипуляция, только в обратном порядке, совершалась с поездом Киев – Львов [26]. С 20 ноября 1914 г. станция Львов-центральный (через Радзивилов и Волочиск) была включена в прямое пассажирское сообщение со всеми станциями российских железных дорог «с платою за проезд пассажиров 1, 2 и 3 классов и перевозку багажа по общим схемам пассажирского и багажного тарифов за сплошное расстояние между станциями русской сети и ст. Львов-центральный галицийских жел. дорог» [27]. 5 марта 1915 г. в прямое пассажирское сообщение с

российской сетью была включена станция Тарнополь [31]. С 1 марта 1915 г. было открыто пассажирское движение до станций Глубочек Великий, Беличье-Волица, Дрогобыч, Дубляны, Хлопчицы, Комарно-Бучалы, Ставчаны, Мшана, Бобрики-Хлебовичи, Старе Село, Судовая Вишня, Зашков, Ширец, Борыничи, Хиров, Кросно, Новый Загорж, Переворск, Ясло, Сокаль [12].

Однако такое стремительное развитие галицийской сети неизбежно сопровождалось и большим количеством проблем. Стоит отметить, что К.С. Немешаев неоднократно жаловался штабу Юго-Западного фронта на нехватку финансирования и, отмечая необходимость трат на закупку ремонтных материалов и угля при постоянном росте протяженности сети, просил увеличить ежемесячные ассигнования с 500 тыс. до 1 млн руб. [38: 42]. К февралю 1915 г. железные дороги Галиции продолжали существовать без регулярной сметы, исключительно за счет выплат, удовлетворявшихся на основании запросов К.С. Немешаева в штаб Юго-Западного фронта и присылавшихся им балансов и отчетах о расходах [38: 62–63].

В наскоро созданном управлении имелись значительные административные и делопроизводственные упущения. Так, отправленный начальником военных сообщений Ставки генералом С.А. Ронжиным в Галицию инженер Э.П. Шуберский в своем рапорте отмечал неправильное распределение обязанностей между начальствующими лицами дороги, т. е. между Немешаевым и его тремя помощникам [38: 110–111]. Кроме того, Шуберский выявил существенные ошибки в работе сотрудников управления при учете подвижного состава, а также подчеркнул чрезмерный размер жалования личного состава: оклады младших и средних служащих превышали «средние оклады, принятые на казенной сети, приблизительно на 100 %, старших служащих – на 20–30 %». При этом, однако, зарплаты самого Немешаева и его помощников завышены не были [38: 111].

Низший персонал галицийских железных дорог был далеко не всегда на высоте положения, и профессиональная подготовка сотрудников часто не соответствовала должному уровню (что было характерно для всей русской администрации Галиции в целом [3]). Документы железнодорожной жандармерии свидетельствуют о частых случаях крушений поездов, причем нередко аварии происходили вследствие ошибок персонала: машинистов, дежурных по станции и т. д. Аварии сопровождались не только порчей пути, подвижного состава и перевозимых грузов, но также серьезными травмами пассажиров и даже гибелью людей. Одна из наиболее громких катастроф случилась 4 марта 1915 г., когда недалеко от Тарнополя потерпел крушение военный поезд генерала Хана Гусейна Нахичеванского:

были погибшие и раненые, а сам генерал получил сильные ушибы [54]. Железные дороги Галиции также страдали хроническим несоблюдением расписания движения поездов. Как отмечалось в одной из газетных заметок, скорый поезд Львов – Киев из-за постоянных задержек «утратил совершенно характер "скорого"» [29].

Армейские офицеры регулярно жаловались на «возмутительное обращение» железнодорожников, при котором «проезжающий по железной дороге офицер не только не вправе ныне рассчитывать на содействие этих [железнодорожных] чинов, но он не гарантирован от произвола и грубости с их стороны» [16]. Одна статья в «Львовском военном слове» с хлестким заголовком «Среди друзей или врагов?», описывавшая произвол железнодорожных служащих, даже оказалась на столе у министра путей сообщения С.В. Рухлова [42: 235].

Если подвижной состав для галицийских железных дорог удалось набрать благодаря захваченным австрийским трофеям, а также за счет передачи паровозов и вагонов с других российских железных дорог, то со специальным транспортом были сложности. В частности, Управлению железных дорог Галиции не хватало дрезин и снегоочистителей, столь необходимых зимой 1914–1915 г. для борьбы со снежными заносами. И если 10 дрезин все же были присланы в Галицию с Юго-Западных железных дорог в октябре 1914 г., то снегоочистителей (которых Немешаев просил три) начальник Юго-Западных железных дорог В.П. Шмит дать «не нашел возможным» [43: 163]. В итоге снегоочистители для Галиции были отправлены только в 20-х числах декабря 1914 г.: один – с Северных железных дорог [43: 221, 236], два – с Московско-Курской железной дороги [43: 252].

Львовский железнодорожный узел, будучи центром всей галицийской сети, не справлялся с нагрузкой, что сильно замедляло товарное и пассажирское сообщение. После перешивки на широкую колею линий Броды – Львов и Каменка – Львов встал вопрос об их примыкании к Львовскому узлу. Управление железных дорог Галиции разработало четыре варианта осуществления этого примыкания, учитывавших сложный ландшафт местности вокруг Львова.

26 февраля 1915 г. состоялось совещание, на котором присутствовали представители железных дорог Галиции, Юго-Западных железных дорог, штаба Юго-Западного фронта и Управления военных сообщений Ставки Верховного главнокомандующего. Совещание, рассмотрев предложенные управлением железных дорог Галиции варианты, утвердило проект, подразумевавший наименьший уклон – 0,008 (другие варианты предполагали уклоны в 0,017; 0,016 и 0,011). Согласно этому проекту, в районе львовского предместья Клепаров предполагалась постройка отдельной станции (она должна была по-

лучить название «Львов-Русский»), от которой предстояло построить соединительную ветку до Львова длиною 25 верст. Реализацию работ, к которыми было решено приступить немедленно, совещание постановило возложить на Управление железных дорог Галиции. Проект предполагалось реализовать за четыре месяца (т. е. к июлю 1915 г.). Пока же приходилось осуществлять соединение линий широкой колеи со Львовом при помощи временных погрузочно-выгрузочных конструкций на станции Подзамче (для линии Львов – Броды) и станции Дубляны-Ляшки (для линии Львов – Каменка) [38: 123–126; 40: 7–8].

Тем не менее надо отметить, что Управление железных дорог Галиции, созданное в исключительных условиях военного времени на территории, имевшей особое политическое и военно-стратегическое значение, за три первых месяца работы (к 1 февраля 1915 г.) смогло не только организационно сформироваться, но и наладить более или менее регулярное пассажирское и товарное движение. Были осуществлены масштабные ремонтно-восстановительные работы полотна и искусственных сооружений, основательно разрушенных неприятелем при отступлении. К февралю 1915 г. действовала уже практически половина довоенной галицийской сети [38: 112]. Были начаты проектные работы по расширению и развитию имевшихся линий и станций и постройке новых; проведена перешивка нескольких линий на российскую колею. Как отмечал в своем приказе от 30 января 1915 г. начальник дорог К.С. Немешаев, «за это время дороги успели пережить самый трудный организационный период, [были] установлены и введены штаты служащих, более или менее определились материальные расходы, и дороги постепенно приближаются к общему типу нормальных железных дорог» [38: 62].

22 марта 1915 г. Николай II объявил Немешаеву благодарность «за выдающиеся успехи в восстановлении разрушенных отступающим неприятелем железных дорог в Галиции и соединение этих дорог с рельсовой сетью империи» [33: 100]. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич в личном письме благодарил К.С. Немешаева за то, что, хотя дороги Галиции «представляли собой картину полного неустройства, а на многих участках были и серьезно разрушены отступающим противником <…> срочные работы по выполнению заданий военного ведомства [были] выполнены с полным успехом» [33: 100].

Управление железных дорог Галиции, как и вся русская администрация в крае, столкнулось с проблемой «кадрового голода», стоявшей чрезвычайно остро. Учитывая тот факт, что работа на железных дорогах требует особой квалификации, можно сказать, что железнодорожники в Галиции оказались даже в более тяжелом

положении, чем чиновники или полиция. Кроме того, положение усугублялось нехваткой финансирования и строительных материалов. Однако даже в такой ситуации управление сумело успешно решать поставленные Ставкой задачи, далеко не в последнюю очередь благодаря деятельности управляющего. Клавдий Семёнович Немешаев, уже проявивший себя способным «кризисным менеджером» в годы Первой русской революции, вновь показал себя администратором, способным успешно работать в чрезвычайных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войны (1914–1917): 1914. Начало. М.: Кучково Поле, 2015. 637 с.
2. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 338 с.
3. *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 263 с.
4. *Бахтурина А.Ю.* Формирования гражданского управления в Буковине в документах Ставки Верховного главнокомандующего и МИД Российской империи в 1914–1915 гг. // Русин. 2019. Т. 56. С. 110–125. DOI: 10.17223/18572685/56/7
5. *Вагановский С.А.* Восточная Галиция (Галичина) с начала XX в. по 1918 г. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2014. 202 с.
6. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1247 с.
7. *Гай-Нижник П.* Олександр Палтов – державно-політичний діяч, заступник міністра закордонних справ Української Держави // Дипломатична та консульська служба у вимірі особистості. Київ, 2016. С. 58–69.
8. *Глизнер В.* Административно-территориальное разделение Галиции и Буковины русской оккупационной властью в 1914–1918 гг. // Схід. 2014. № 4. С. 79–83.
9. *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Кн. 2. Т. 3: Галицийская битва. М.: Айрис-Пресс, 2014. 687 с.
10. *Зайончковский А.М.* Мировая война. 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1938. Т. 1. 388 с.
11. *Лавренова А.* Сам себе ревизор. Многочисленные недостатки в деятельности Транссиба, вскрытые сенатором Оттоном Медемом, были проигнорированы императором // Родина. 2016. № 10. С. 101–105.
12. Львовский вестник. 1915. 2 марта.
13. Львовское военное слово. 1914. 27 сент.
14. Львовское военное слово. 1914. 28 сент.
15. Львовское военное слово. 1914. 2 окт.

16. Львовское военное слово. 1914. 5 окт.
17. Львовское военное слово. 1914. 15 окт.
18. Львовское военное слово. 1914. 17 окт.
19. Львовское военное слово. 1914. 30 окт.
20. Львовское военное слово. 1914. 5 нояб.
21. Львовское военное слово. 1914. 6 нояб.
22. Львовское военное слово. 1914. 7 нояб.
23. Львовское военное слово. 1914. 8 нояб.
24. Львовское военное слово. 1914. 9 нояб.
25. Львовское военное слово. 1914. 10 нояб.
26. Львовское военное слово. 1914. 12 нояб.
27. Львовское военное слово. 1914. 24 нояб.
28. Львовское военное слово. 1914. 28 дек.
29. Львовское военное слово. 1915. 4 фев.
30. Львовское военное слово. 1915. 21 фев.
31. Львовское военное слово. 1915. 22 фев.
32. *Манько С.А.* Восточная Галиция (Галичина) с начала XX в. по 1918 г. Краснодар: Издательско-полиграфический комплекс КубГУ, 2016. 375 с.
33. Министры и наркомы путей сообщения / Редкол.: А.О. Богданович (пред.) и др. М.: Транспорт, 1995. 271 с.
34. *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 351 с.
35. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1643. Приказы Верховного главнокомандующего.
36. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1670. Приказы Верховного главнокомандующего.
37. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 916. Приказы по штабу.
38. РГВИА. Ф. 2004. Оп. 1. Д. 24. Материалы о состоянии железных дорог Галиции.
39. РГВИА. Ф. 2004. Оп. 1. Д. 58. Переписка с управлениями железных дорог об охране и восстановлении железных дорог и постройке новых железнодорожных линий.
40. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 546. Переписка и рапорты о необходимости расширенных железных дорог фронта, о недостатке железнодорожных служащих, о ходе строительства новых железных дорог и др.
41. РГВИА. Ф. 2076. Оп. 1. Д. 3657. Доклад: Значение и способы разрушения ж.д. Галиции.
42. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 229. Оп. 2. Д. 1615. Информационные извещения министру.
43. РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 97. С перепиской по мероприятиям, вызванным военными обстоятельствами.
44. РГИА. Ф. 350. Оп. 22. Д. 207. Ведомость о положении работ по исправлению разрушенных во время военных действий железнодорожных мостов в Галиции.
45. РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 203. Записки о значении ж. дорог во время

военных действий, о сравнении русских ж.д. с германскими, об отдаленности мест отправления грузов для фронта.

46. РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 204. Соображения по поводу положения об управлении занятыми в процессе войны областями Австро-Венгрии.

47. *Ронжин С.А.* Железные дороги в военное время (по опыту минувшей войны) // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 99–124.

48. *Старостенков Н.В.* Железнодорожные войска России. Кн. 1: На службе Российской империи: 1851–1917. М.: Евросервис-ССВ, 2001. 270 с.

49. *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М.: Транспортная книга, 2009. 316 с.

50. *Суляк С.Г.* Будущее Галичины в планах Русского народного совета // Русин. 2016. № 4 (46). С. 168–190. DOI: 10.17223/18572685/46/11

51. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

52. *Ушаков К.* Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 193 с.

53. *Ходяков М.В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.101

54. *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Российская жандармерия на занятых территориях Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 2. С. 47–58.

REFERENCES

1. Ayrapetov, O.R. (2015) *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917): 1914. Nachalo* [The Russian Empire in the First World War (1914–1917): 1914. The Beginning]. Moscow: Kuchkovo Pole.

2. Bakhturina, A.Yu. (2004) *Okrainy Rossiyskoy imperii: Gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN.

3. Bakhturina, A.Yu. (2000) *Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow: AIRO-XX.

4. Bakhturina, A.Yu. (2019) Formation of Civil Administration in Bukovina in the Documents of the Supreme Commander Headquarters and the Foreign Ministry of the Russian Empire in 1914–1915. *Rusin*. 56. pp. 110–125. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/7

5. Vaganovsky, S.A. (2014) *Vostochnaya Galitsiya (Galichina) s nachala XX v. po 1918 g.* [Eastern Galicia since the early 20th century until 1918]. Krasnodar: Kuban State University.

6. Witte, S.Yu. (2010) *Vospominaniya. Polnoe izdanie v odnom tome* [Memories. Full edition in one volume]. Moscow: ALFA-KNIGA.

7. Hay-Nyzhnyk, P. (2016) Oleksandr Paltov – derzhavno-politichniy diyach, zastupnik ministra zakordonnikh sprav Ukraïn'skoï Derzhavi [Oleksandr Paltov – Politician, Deputy Minister for Foreign Affairs of the Ukrainian State]. In: Matyash, I., Krivonos, P., Khomenska, I. (eds) *Diplomatichna ta konsul's'ka sluzhba u vimiri osobistosti* [Diplomatic and Consular Service in the dimension of personality]. Kyiv: GDIP.

8. Hlyzner, V. (2014) Administrative-Territorial Division of Galychina and Bukovyna by Russian Occupation Power in 1914–1918. *Skhid*. 4. pp. 79–83. (In Ukrainian).

9. Golovin, N.N. (2014) *Iz istorii kampanii 1914 goda na russkom fronte* [From the history of the 1914 campaign on the Russian front]. Vol. 2(3). Moscow: Ayris-Press.

10. Zayonchkovsky, A.M. (1938) *Mirovaya voyna. 1914–1918 gg.* [World War. 1914–1918]. Vol. 1. Moscow: Voenizdat.

11. Lavrenova, A. (2016). Sam sebe revizor. Mnogochislennye nedostatki v deyatel'nosti Transsiba, vskrytye senatorom Ottonom Medemom, byli proignorirovany imperatorom [Self-auditor. Numerous shortcomings in the activities of the Trans-Siberian Railway, revealed by Senator Otton Medem, were ignored by the emperor]. *Rodina*. 10. pp. 101–105.

12. *Lvovskiy vestnik*. (1915) 2nd March.

13. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914a) 27th September.

14. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914b) 28th September.

15. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914c) 2nd October.

16. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914d) 5th October.

17. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914e) 15th October.

18. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914f) 17th October.

19. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914g) 30th October.

20. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914h) 5th November.

21. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914i) 6th November.

22. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914j) 7th November.

23. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914k) 8th November.

24. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914l) 9th November.

25. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914m) 10th November.

26. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914n) 12th November.

27. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914o) 24th November.

28. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1914p) 28th December.

29. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1915a) 4th February.

30. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1915b) 21st February.

31. *Lvovskoe voennoe slovo*. (1915c) 22nd February.

32. Manko, S.A. (2016) *Vostochnaya Galitsiya (Galichina) s nachala XX v. po 1918 g.* [Eastern Galicia since the early 20th century until 1918]. Krasnodar: Kuban State University.

33. Bogdanovich, A.O. et al. (ed.) (1995) *Ministry i narkomy putey soobshcheniya* [Ministers and People's Commissars of Transport]. Moscow: Transport.

34. Puchenkov, A.S. (2013) *Ukraina i Krym v 1918 – nachale 1919 goda: ocherki*

politicheskoy istorii [Ukraine and Crimea in 1918 – early 1919: essays on political history]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

35. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Prikazy Verkhovnogo glavnokomanduyushchego* [Orders of the Supreme Commander]. Fund 2003. List 1. File 1643.

36. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Prikazy Verkhovnogo glavnokomanduyushchego* [Orders of the Supreme Commander]. Fund 2003. List 1. File 1670.

37. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Prikazy po shtabu* [Headquarters orders]. Fund 2003. List 2. File 916.

38. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Materialy o sostoyanii zheleznykh dorog Galitsii* [Materials on the state of the railways of Galicia]. Fund 2004. List 1. File 24.

39. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Perepiska s upravleniyami zheleznykh dorog ob okhrane i vosstanovlenii zheleznykh dorog i postroyke novykh zheleznodorozhnykh liniy* [Correspondence with railway administrations on the protection and restoration of railways and the construction of new railway lines]. Fund 2004. List 1. File 58.

40. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Perepiska i raporty o neobkhodimosti rasshirennykh zheleznykh dorog fronta, o nedostatke zheleznodorozhnykh sluzhashchikh, o khode stroitel'stva novykh zheleznykh dorog i dr.* [Correspondence and reports on the need to expand the railways of the front, on the shortage of railway employees, on the progress of the construction of new railways and other documents]. Fund 2067. List 1. File 546.

41. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Doklad: Znachenie i sposoby razrusheniya zh.d. Galitsii* [Report: Significance and methods of destruction of railways Galicia]. Fund 2076. List 1. File 3657.

42. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Informatsionnye izveshcheniya ministru* [Information Notices to the Minister]. Fund 229. List 2. File 1615.

43. The Russian State Historical Archive (RGIA). *S perepiskoy po meropriyatiyam, vyzvannym voennymi obstoyatel'stvami* [Correspondence on events caused by military circumstances]. Fund 273. List 6. File 97.

44. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Vedomost' o polozhenii rabot po ispravleniyu razrushennykh vo vremya voennykh deystviy zheleznodorozhnykh mostov v Galitsii* [Statement on the status of work to correct destroyed during the operation of railway bridges in Galicia]. Fund 350. List 22. File 207.

45. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Zapiski o znachenii zh.dorog vo vremya voennykh deystviy, o sravnenii russkikh zh.d. s germanskimi, ob otdalennosti mest otpravleniya gruzov dlya fronta* [Notes on the importance of railways during hostilities, on comparing Russian railways with German ones, on the remoteness of places of departure of goods for the front]. Fund 1576. List 1. File 203.

46. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Soobrazheniya po povodu polozheniya ob upravlenii zanyatymi v protsesse voyny oblastyami Avstro-Vengrii* [Considerations regarding the regulation on the management of areas of Austria-Hungary occupied during the war]. Fund 1576. List 1. File 204.

47. Ronzhin, S.A. (2013) Zheleznye dorogi v voennoe vremya (po opytu minuvshey voyny) [Railways during the wartime (the experience of the last war)]. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 4(38). pp. 99–124. (In Russian).

48. Starostenkov, N.V. (2001) *Zheleznodorozhnye voyska Rossii* [Railway troops of Russia] Bokk 1. Moscow: Evroservis-SSV.

49. Senin, A.S. (2009) *Zheleznodorozhnyy transport Rossii v epokhu voyn i revolyutsiy (1914–1922 gg.)* [Railway transport of Russia in the era of wars and revolutions (1914–1922)]. Moscow: Transportnaya kniga.

50. Sulyak, S.G. (2016) The Future of Galicia in the Plans of the Russian People's Council. *Rusin*. 4(46). pp. 168–190. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/11

51. Sulyak, S.G. (2019). On the Carpathian Rus' Terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

52. Ushakov, K. (1928) *Podgotovka voennykh soobshcheniy Rossii k mirovoy voyne* [Preparation of Russian military communications for world war]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.

53. Khodyakov, M.V. & Chzhao, Ch. (2017). Chinese Labour Migration to Russia during the First World War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 7–30. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.101

54. Khutarev-Garnishevsky, V.V. (2012) Russian Gendarms on the Occupied Territories of Galicia and Bukovina during the First World War. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: Istoriya*. 2. pp. 47–58. (In Russian).

Богомазов Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Nikolay I. Bogomazov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: n.bogomazov@spbu.ru

УДК 94(4)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/7

СПРОБА СТВОРЕННЯ РУСИНСЬКОЇ АВТОНОМІЇ В УГОРЩИНІ У 1918–1919 рр.

І. Сакал
Закарпатський угорський інститут ім. Ференца Ракоці II
Україна, 90202, м. Берегове, пл. Кошута, 6
E-mail: szklmr@gmail.com

Авторське резюме

Восени 1918 р. завершилася Перша світова війна. Австро-Угорська імперія зазнала краху, в Угорщині відбулася «революція айстр», ерцгерцог Йосиф призначив графа Мігая Карої, голову Угорської національної ради, прем'єр-міністром. Уряд Угорської Народної Республіки під проводом М. Карої намагався реалізувати своє бачення долі північно-східних комітатів Угорщини. Відомому науковцю, експертові з питань національностей Оскару Ясі було доручено розробити правові документи про самовизначення нацменшин в Угорщині. 21 грудня 1918 р. було ухвалено Народний закон №X, яким передбачалося створення на заселених русинами територіях Мараморошського, Угочанського, Березького та Ужанського комітатів автономії під назвою Руська Країна. Спроба Угорської Народної Республіки створити на межі 1918–1919 рр. руську автономію є для істориків вже досить проясненою. Однак існують архівні документи, які проливають додаткове світло на відомі до цього часу події, дозволяючи повніше зрозуміти обставини створення Руської Країни, також те, наскільки реальними були шанси реалізації автономії. У статті зроблено спробу детальніше розкрити наміри угорського уряду стосовно русинів на межі 1918–1919 рр., унаочнити діяльність Міністерства Руської Країни та намісництва, а також конкретизувати суспільні обставини, що впливали на ці події. У ході дослідження автором вивчались у першу чергу малознані документи Мукачівського намісництва Руської Країни, Мукачівської греко-католицької єпархії та Народної ради рутенців Угорщини.

Ключові слова: Руська Країна, Підкарпатська Русь, Закарпаття, Угорщина, русини, русинська автономія.

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ РУСИНСКОЙ АВТОНОМИИ В ВЕНГРИИ В 1918–1919 гг.

И. Сакал

Закарпатский венгерский институт им. Ференца Ракоци II
Украина, 90202, г. Берегово, пл. Кошута, 6
E-mail: szklmr@gmail.com

Авторское резюме

Осенью 1918 г. закончилась Первая мировая война. Австро-Венгерская империя потерпела крах, в Венгрии состоялась «хризантемная революция», эрцгерцог Иосиф назначил графа Михая Каройи, председателя Венгерского национального совета, премьер-министром. Правительство Венгерской Народной Республики во главе с М. Каройи попытался реализовать свое видение судьбы северно-восточных комитатов Венгрии. Известному ученому, эксперту по вопросам национальностей Оскару Яси было поручено разработать правовые документы о самоопределении меньшинств в Венгрии. 21 декабря 1918 г. был принят Народный закон № X, которым предполагалось создание на заселенных русинами территориях комитатов Мараморош, Угоча, Берег и Унг автономии под названием Руська Краина. Попытка Венгерской Народной Республики создать в конце 1918 – начале 1919 г. русинскую автономию историкам известна. Однако существуют архивные документы, проливающие дополнительный свет на эти события. Они позволяют лучше понять обстоятельства создания Руськой Краины и то, насколько реальными были шансы реализации автономии. В статье предпринята попытка подробнее раскрыть планы венгерского правительства относительно русинов в 1918–1919 гг., рассмотреть деятельность Министерства Руськой Краины и Государственного наместничества, а также конкретизировать повлиявшие на те события политико-общественные обстоятельства. В ходе исследования автор изучил в первую очередь малоизвестные документы Мукачевского наместничества Руськой Краины, Мукачевской греко-католической епархии и Народного совета русинов Венгрии.

Ключевые слова: Руська Краина, Подкарпатская Русь, Закарпатье, Венгрия, русины, русинская автономия.

AN ATTEMPT TO CREATE A RUSIN AUTONOMY IN HUNGARY IN 1918–1919

I. Szakál
Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian College
6 Kossuth Square, Berehove, 90202, Ukraine
E-mail: szklmr@gmail.com

Abstract

The autumn of 1918 brought the end of WWI. ended. The Austro-Hungarian Empire collapsed, the Aster Revolution ran its course in Hungary, Archduke Joseph appointed Count Károlyi Mihály, head of the Hungarian National Council the Prime Minister. The government of the Hungarian People's Republic, led by M. Karoya, had its own ideas on the prospects of the north-eastern counties of Hungary. The Károlyi government entrusted Oszkár Jászi, a minister without portfolio, a well-known social scientist, an expert in ethnic issues to elaborate the Hungarian nationalities' autonomy. On December 21, 1918, the People's Law Nr. X was adopted. It provided for the creation of Ruszka Krajna autonomous region on the territory of Ung, Bereg, Ugocsa and Máramaros (Maramureș) counties inhabited by the Rusins. Historians are aware of the attempt of the Hungarian People's Republic to create Rusinian autonomy in the late 1918 and early 1919. However, there are archival documents that can help to supplement our previous knowledge of the issue, providing an insight into the circumstances of the creation of Ruszka Krajna and how real the chances of autonomy were. The article attempts to reveal the plans of the Hungarian government regarding the Rusins in 1918–1919, to derscribe the activities of the Ministry of Ruszka Krajna and the Governor's Office, and to specify the political and social circumstances that influenced these events. In the course of the research, the author first studied the little-known documents of of Ruszka Krajna in Munkács, the Greek Catholic Diocese of Munkács, and the Rusinian People's Council of Hungary.

Keywords: Ruszka Krajna, Subcarpathian Russia, Transcarpathia, Hungary, Rusins, Rusin Autonomy.

Розпад Австро-Угорської монархії восени 1918 р. став початком дуже багатого на події періоду. Саме в цей час керівництво новоствореної Угорської Народної Республіки спробувало створити руську автономію під назвою Руська Країна. У науковій літературі, присвяченій історії Закарпаття XX ст., ця спроба угорського уряду згадується

неодноразово. Однак праці угорською, українською, російською та англійською мовами присвячують питанню руської автономії мало уваги [3; 4; 9; 10; 20; 24; 41]. У них переважно констатується факт ухвалення окремого закону, який окремі науковці розглядають як важливий крок в історії угорської державності [23: 45–50; 24: 53–57; 41: 25–56]. Прикметно, що у більш відомих дослідженнях набагато більше уваги присвячено спрямованій знизу вгору організаційній роботі створених у середовищі руського населення народних рад, ніж спрямованим згори вниз спробам угорського уряду. У науковій літературі висловлюють думку, що метою дій уряду М. Карої було збереження руського населення під владою Угорщини, а є автори, які висловлюють сумніви у серйозності намірів угорської влади стосовно руської автономії [23: 45–50]. В угорських дослідженнях трапляється точка зору, що створення руської автономії стало єдиним успіхом національної політики Угорської Народної Республіки. У цій статті зроблено спробу залучити до дискурсу, що займається вивченням історії Руської Країни, такі архівні джерела, які, доповнивши попередні відомості, зможуть чіткіше і повніше змалювати, як на практиці функціонувала ця спроба угорського уряду на околицях зруйнованої Австро-Угорської монархії.

Наприкінці осені 1918 р. завершилася Перша світова війна. Внаслідок поразки у цій війні в Австро-Угорській монархії почалися процеси розпаду. 31 жовтня 1918 р. за згоди Карла IV ерцгерцог Йосиф призначив прем'єр-міністром графа Мігая Карої. Програма сформованого ним уряду фактично співпадала з декларацією Угорської національної ради, проголошеною 26 жовтня 1918 р. Відповідно метою нового уряду було створення такої незалежної Угорщини, де різні національності, маючи широкі права самоврядування, брали б участь у політиці як фактор державотворення [17: 115]. Підготовкою змін стосовно самовизначення національностей зайнявся міністр Оскар Ясі. Головною ціллю роботи очолюваного ним міністерства було стримати спрямовану проти Угорщини політику Антанти, схиливши на свій бік національні меншини та сусідні народи шляхом створення кантонів на зразок Швейцарії [20: 155–156]. Відомо, що восени 1918 р. міністр вбачав мінімальні можливості вирішити питання трансільванських румунів, словаків Північної Угорщини та русинів. Хоча Міністерство з національних питань підготувало аж три законопроекти про самовизначення русинів, німців та Словацької Країни, однак переговори з національностями на цей час О. Ясі розглядав більше як створення позитивного іміджу перед Антантою [5: 282]. У такому контексті договір з русинами здавався найочевиднішим. 1938 р. в листі до Імре Чейчі екс-міністр писав з цього приводу:

«Автономія Руської Країни мала для мене більше моральне і аж ніяк не практичне значення. Бачачи, що словаки і румуни вже були зв'язані зовнішніми договорами, я хотів укласти угоду принаймні з найслабшою стороною, щоб засвідчити серйозність і чесність намірів Народної Республіки стосовно національних автономій. Щоб, коли дійде до мирного договору, ми могли б показати Антанті, що серйозно ставимося до обіцянок і можемо вирішити проблему в межах старих кордонів. Звичайно я знав і те, що наше розчленування було вже вирішене» [2: 336; 6: 420–421].

З розпадом Австро-Угорської монархії в середовищі національних меншин посилилися відцентрові тенденції [7: 442], не стали винятком й русини, що становили більшість населення в північно-східних комітатах. Представники різних політичних напрямків із середовища русинів вважали, що настав відповідний час, аби заявити про приналежність руських територій. Перші руські народні ради виникли в Спиші та Старій Любовні, вони були прихильниками української державності, що народжувалася на схід від Карпат. Ради проукраїнської орієнтації сформувалися також у Ясінях, Сваляві та в Хусті [10: 179–182]. Єдина руська рада, що симпатизувала Чехословаччині, організувалася в Пряшеві – адміністративному центрі комітату Шарош. За ініціативи греко-католицького священника Антала Паппа в Ужгороді було створено Народну раду рутенців Угорщини, яка виступала за залишення у складі Угорщини [10: 179–182].

Було очевидно, що з руських рад, створених восени 1918 р., найшвидше уряд Карої зможе знайти спільну мову з Ужгородською радою. Після створення ради і налагодження контактів наприкінці листопада у Будапешті відбулася зустріч, на якій уряд та русинська делегація могли узгодити бачення подальших дій [9: 87–88]. Оскар Ясі прагнув якомога швидше завершити переговори з русинами, сигналізувавши цим Антанті, що угорський уряд має прийнятну для національних меншин концепцію автономії. Під час листопадових переговорів з Ужгородською радою уряд визнав право русинів на самовизначення і пообіцяв призначити на чолі Ужанського, Березького, Угочанського та Мараморошського комітатів жупанів русинського походження [11: 16–17]. Також уряд пообіцяв, що за рекомендацією руської ради в міністерство під керівництвом Ясі та у Міністерство у справах релігії й освіти будуть «призначені фахівці з відповідними повноваженнями» [16: 4]. З метою залагодження руського питання 1 грудня 1918 р. було створене урядовий комісаріат на чолі з працівником Міністерство внутрішніх справ русинського походження Орестом Сабовим, завданням якого було «підготовка практичного впровадження права угорсько-рутенського народу на самовизначен-

ня». Діяльність новоствореної інституції поширювалася на комітати Мараморош, Угоча, Берег, Земплен, Шарош та Абауй-Торна [3: 47–48]. Ідея створення такого міністерства була озвучена Ясі на засіданні Ради міністрів ще 19 листопада, ще тоді він запропонував на посаду очільника кандидатуру Сабова, на що погодилися й інші члени уряду. Також О. Ясі заявив, що секретарем міністерства він запросив відомого русинського вченого Гіядора Стрипського, який пізніше на бажання Ужгородської руської ради працював на посаді радника Міністерства у справах релігії та освіти [12: 10]. Призначення Ореста Сабова та Гіядора Стрипського також вказувало на те, що руську справу влада Угорщини хотіла якомога швидше успішно завершити. По-перше, Ужгородська рада вітала її залучення до урядової роботи, а по-друге, йшлося про двох таких осіб, які дуже добре розумілися на руському населенні з його своєрідними відносинами. Таким чином, угорський уряд намагався довести до кінця питання створення автономії через відомих на загальнодержавному рівні представників руської інтелігенції. Як Сабов, так і Стрипський були прихильниками залишення русинів у складі Угорщини. Відзначимо, що обоє досягли успішної кар'єри в угорському середовищі, тож можна припустити, що вони вірили: сформовані ще багато років тому погляди вдасться втілити на практиці під егідою нового уряду. Прикметно, що уряд не тільки взяв до уваги думку народної ради рутенців у кадрових питаннях, але й у грудні ухвалив рішення про заснування кафедри руської мови та літератури Будапештського наукового університету під керівництвом Шандора Бонкало [13: 3].

Переговори з русинами керівництво Народної Республіки не бажало базувати тільки на домовленостях з Ужгородською руською радою. Тому 10 грудня 1918 р. міністерством О. Ясі було організовано нараду, на якій головував греко-католицький священик Еумен Сабов. У руській делегації, яку до столиці доставив спеціальний потяг, були представлені усі руські політичні сили Північно-Східної Угорщини. На нараді яскраво проявилася різниця у політичних намірах. Відомі представники проукраїнської орієнтації адвокат Михайло Брашчайко та голова Ясінянської народної ради Степан Клочурак дуже скептично сприйняли угорську пропозицію, очевидною була їх відданість українській справі [9: 87]. Пізніше С. Клочурак навіть назвав будапештську зустріч абсолютно безрезультатною [41: 31]. Після зустрічі Рада міністрів 17 грудня доручила О. Ясі розробити та подати закон про самовизначення русинів [14: 18]. Проголосований 21 грудня 1918 р. закон набув чинності 25 грудня, коли був опублікований у Державному зводі законів [4: 33–34].

Народний закон № X складався з дванадцяти параграфів, ним пе-

редбачалося що «русинам (рутенцям), які живуть в Угорщині, належить повне право самоврядування в питаннях внутрішньої адміністрації, правосуддя, публічного шкільництва й навчання, народної культури, релігії та вживання мови як у сфері законодавчої, так і виконавчої влади» [4: 33]. У законі не конкретизувалися територіальні межі автономії, йшлося тільки про те, що його дія поширюється на Мараморошський, Угочанський, Березький та Ужанський комітати, а остаточні кордони до рішення Мирної конференції не визначаються. Закон містив норми про спільні з Народною Республікою справи та про подвійне управління автономією через Міністерство Руської Країни та Державне намісництво (адміністрацію) Руської Країни [4: 33].

Таким чином, практична реалізація закону була покладена на два органи виконавчої влади. Міністерство, очолюване Орестом Сабовим, розташовувалося в Будапешті у будівлі Міністерства юстиції. Заступником міністра Руської Країни у ранзі держсекретаря уряд призначив Тодора Гуті, а керівником адміністрації з центром у Мукачеві став рахівський адвокат Агоштон Штефан як губернатор. З архівних документів, які залишилися з періоду кількамісячного існування Руської Країни, бачимо, що міністерство намагалося насамперед з'ясувати з іншими міністерствами питання повноважень та знайти засоби для виконання прохань і питань, які надходили з Мукачева. Державне намісництво у свою чергу докладало зусиль для формування на місці автономного адміністративного управління та вирішення заплутаного клубка злободенних проблем, як потім з'ясується, з перемінним успіхом.

На процес практичної реалізації закону безсумнівно впливали настрої руського населення, що проживало у гірських регіонах. Про суспільні настрої, економічну і соціальну ситуацію можна отримати уявлення з протоколів, які фіксують приєднання руських поселень до Народної ради рутенців Угорщини. Протягом 1918–1919 рр. завдяки залученню греко-католицького духовенства значна частина руських поселень проголосила приєднання до Народної ради. У процесі приєднання велику роль відігравали місцеві духівники або дяки-вчителі. В аналізованих архівних матеріалах збереглося 23 протоколи, спільним для яких є фіксація приєднання представників населеного пункту до Ужгородської ради. Паралельно у них наводилися всі ті скарги, вирішення яких населення сподівалося знайти в нової влади. Можна припустити, що проголошення приєднання у багатьох випадках відбувалося під впливом місцевого духовенства. Це наглядно демонструють протоколи приєднання Кольчинської та Селештовської рад. У цих двох селах був той самий греко-католицький священик, а протоколи в обох випадках збігаються дослівно [36: 12–14, 17–20]. При

цьому не викликає сумнівів, що всі ті економічні та адміністративні проблеми, про які говорилося в протоколах, були реальними. Серед них згадувалися безземелля, обмеження права користування лісами, ставлення до селян та зловживання чиновників різного рівня. Крім цього, у багатьох протоколах відчуваються сильні антисемітські настрої. А на тих зборах, де не було представників греко-католицької церкви, висловлювалися і проти деяких церковних податків і зборів. Усі ці давні проблеми разом із поганою економічно-соціальною ситуацією стали плодючим ґрунтом для розвитку уже згадуваного нами «схизматицького» руху, що виник на початку століття [18: 34].

Про настрої верховинських сіл взимку 1918 р. багато цікавого дізнаємося зі звіту Калмана Сорводі. Цей журналіст і редактор разом з понад 10 своїми співробітниками за дорученням Гіадора Стрипського, співпрацюючи з Державним комітетом пропаганди Угоської Народної Республіки, об'їздив 69 населених пунктів Верховини, щоб пересвідчитися, які там панують настрої та намагатися схилити їх населення на бік Руської Країни. З детального звіту дізнаємося, що для протоколів про приєднання до Ужгородської ради було характерним включення різноманітних скарг. Населення гірських районів часто ставилося до угорських органів влади з недовірою, а через економічні негаразди та бідність були відкритими як до української, так і до румунської пропаганди. Перша, очевидно, переважала, і в багатьох населених пунктах, де проводилася проукраїнська агітація, ця ідея мала впливових прихильників [31: 17–25]. К. Сорводі, спостерігши посилення україноfільського руху в Хусті, відзначав: «За останні десятиліття – але особливо за час війни – вони зазнали від угорців стільки кричущої кривди, що покращення свого становища уявляють тільки у разі створення такої держави, де використання рідної мови, віросповідання, можливості культурної та економічної реалізації будуть необмеженими, де державна влада реально, а не у формі порожніх обіцянок, які ніколи не виконуються, захистить їх від брутальності чиновників, лісників, жандармів. Такою вони уявляють Україну» [31: 17–25]. Але при цьому він не вважав ситуацію повністю програшною: «Під час спілкування із незадоволеними у мене склалося стійке враження, що іредентизм не є стійким переконанням чи прагненням, а більше породжений гіркотою від минулих помилок, тому державні зміни змогли б швидко й рішуче обеззброїти ці настрої» [31: 17–25]. Калман Сорводі рекомендував якомога швидше замінити суддів, нотаріусів, священиків, лісників, щоб нові службовці змінили ті стереотипи та оцінки, які склалися у населення про угорську владу. Цим можна схилити населення, а в першу чергу – його

провідників, до думки про автономію Руської Країни і одночасно по можливості перехопити вітер з вітрил української, румунської та чеської пропаганди [31: 17–25].

Керівництво Угорської Народної Республіки намагалося зробити думку про руську автономію популярною серед громадян. Цим питанням у Комітеті пропаганди займався Гіадор Стрипський. У столиці організовували тематичні вечори, у гірських районах ходили агітатори, обіцяючи місцевому населенню краще життя. Відомий угорський прозаїк Дюла Круді навіть присвятив цій темі окрему книгу «Требміта. Дзеркальце Руської Країни» («Havasi kürt. Ruszka Krajna kistükre»). Доля книги добре відображає саму історію спроби створення автономії. Круді написав книгу взимку 1918 р., маючи на меті наблизити до угорських читачів «незнайомих знайомців»-русинів, що проживали у Північно-Східній Угорщині. Автор мав намір видати книгу в Ужгороді на початку 1919 р., однак на тоді це вже стало неможливим, оскільки чехословацькі військові загони в січні 1919 р. зайняли місто. Добре характеризує ситуацію в цій частині Угорщини протягом 1918–1919-х рр. те, що Круді писав свою книгу за часів активної розбудови Угорської Народної Республіки, а видана вона Руським народним комісаріатом за часів Угорської Радянської Республіки, коли території запланованої автономії вже були зайняті чужими військами.

Загалом спроба подати ідею автономії в яскравій обгортці була зовсім не зайвою. Серед угорського населення згаданих у законі чотирьох комітатів чимало хто виступав проти створення, як вони казали, «руської імперії» [1: 4]. Багатьом навіть уявити було важко, що русини, яких вважали «бідними меншими братами» [8: 7], отримають широкі політичні права.

Серед таких обставин очевидно, що організувати управління автономією було непростим завданням. Рахівський адвокат і редактор Агоштон Штефан, що був призначений керувати адміністрацією, з великою енергією взявся за організаційні завдання. Протягом січня–березня 1919 р. його діяльність зосереджувалася на трьох головних напрямках.

Перший – це налагодження контактів з територіальними адміністративними органами, а також розбудова адміністративного управління автономії. З першим, як свідчить січневе листування комісара, було менше проблем [28: 1–5], адже адміністративні органи різного рівня вітали створення Державного намісництва і запевняли Штефана у готовності співпрацювати. Натомість розбудова власної управлінської вертикалі зустрілося з серйозними труднощами. У цьому контексті одна з найбільших проблем була спричинена тим, що межі Руської Країни не були конкретизовані. На прохання

Ореста Сабова мукачівська адміністрація на середину січня підготувала проект про кордони автономної території. Основою згадуваної у проекті території, як зазначалося у пояснювальній записці, «реальні мовні межі, які не всюди співпадають зі статичними даними» [28: 1–5]. Можливі винятки були пояснені так: «Кілька угорських міст і сіл потрапляють до території Руської Країни тому, бо навколо них знаходяться руські поселення, там знаходяться установи та заклади комітатів, де русини складають більшість, а Мараморошський комітат не мав шляху до материнської держави. Натомість Ужгород є центром руських культурних закладів» [28: 1–5]. Це призвело до утворення в північно-східних комітатах своєрідного подвійного адміністративного управління. Адже з одного боку керувати бажало розташоване в Мукачеві намісництво на чолі з Агоштоном Штефаном, а з іншого – від управління не відмовлялися і чотири жупани, які очолювали комітати, а це часто призводило до дискусій стосовно сфер повноважень і відповідальності.

Державне намісництво не змогло організувати адміністративну роботу на цій території, адже на коли згадуваний проект був розроблений, сталося багато подій, які унеможливлювали розбудову управлінської вертикалі. З одного боку, серед русинів, які проживали в Угорському королівстві, на кінець Першої світової війни поширилася проукраїнська орієнтація. Цьому безперечно сприяв той факт, що на схід від Карпат, у Галичині та Наддніпрянщині, вибухнули національні державотворчі процеси. Зокрема, результатом співпраці з галицькими українськими політичними організаціями стало те, що 8 січня 1919 р. Гуцульська народна рада проголосила в Ясіня Гуцульську Народну Республіку. Проголошення супроводжувалося підтримуваним із Галичини збройним повстанням [39: 22]. Як і Народну раду, що складалася з 42 членів, так і недовговічну Народну Республіку очолював Степан Клочурак [40: 27]. Маючи досвід Першої світової війни, С. Клочурак доволі скептично ставився до планів угорського уряду вирішити питання руського самоврядування. У залі ясінянського кінотеатру новоорганізована рада оголосила 8 листопада 1918 р. перед скликаним з навколишніх сіл населенням приєднання до створеної України. У заяві саме угорська влада звинувачувалася у значних втратах під час війни, а на карб і минулого, і нинішнього угорського урядів ставилося позбавлення можливостей розвитку «русько-української» культури [38: 103–104]. Намір про приєднання був зачитаний на станіславському засіданні Національної ради Західноукраїнської Республіки делегацією, очолюваною С.Клочураком. Для практичної реалізації приєднання Гуцульська народна рада організувала на православне Різдво, 7–8 січня, повстання проти розквартированого в Ясіня угорського гар-

нізону [3: 49]. Після повстання була проголошена Гуцульська Народна Республіка, територія якої збройним шляхом була поширена на Рахівський район, однак подальше просування зупинила румунська армія [3: 53]. Північно-західні землі автономії внаслідок вторгнення 12 січня в Ужгород та його околиці взяли під контроль чехословацькі війська. Захоплення Ужгорода та Мараморош-Сігета мало негативні наслідки для інших територій Ужанського та Мараморошського комітатів, які залишилися під угорською владою. Як писав міністр Руської Країни у листі до міністра внутрішніх справ Вінце Надя, «органи місцевої адміністрації ледве можуть контактувати з комітатською владою, тому безперебійне державне управління перебуває в небезпеці» [34: 2]. Оскільки у названих комітатах адміністративні центри не потрапили під владу губернатора, він просив міністра внутрішніх справ надати тим територіям Ужанського та Мараморошського комітатів, що залишилися, права урядового комісаріату [34: 2].

Іншим важливим напрямком діяльності Державного намісництва було вирішення проблем із безнадійним постачанням Північно-Східної Угорщини. Губернатор за сприяння Ореста Сабова намагався забезпечити населення продуктами харчування, одягом, сільськогосподарськими засобами через надсилання з Будапешта залишків військової допомоги. Одночасно з цим очільник автономії ініціював якомога швидший початок земельної реформи, адміністративну підготовку реалізації якої розпочала Земельна інспекція № 16. Тут проявилися ті труднощі, які перешкоджали діяльності намісництва у цій сфері. У листі від 12 березня 1919 р. Штефан скаржився Оресту Сабову, що у ході реалізації земельної реформи в Березькому комітаті його роль була тільки пасивною, оскільки запуском акції керував березький жупан Міклош Кутклофолві, що діяв, за словами губернатора, за дорученням міністра земельних справ [32: 1–6]. Дискусії такого типу навколо повноважень траплялися і в інших випадках [29: 46]. Важливо відзначити, що забезпечення постачання, яке хоча б трохи покращило економічно-соціальне становище населення, Державне намісництво вважало одним із найзлободенніших політичних питань. А питання земельної реформи і дискусії навколо неї стосовно повноважень А. Штефан вважав з точки зору реалізації автономії ще суттєвішим. Про це він у березні 1919 р. писав так: «Належне і невідкладне вирішення цієї ситуації, на мою думку, важливе насамперед з точки зору інтересів руської автономії, а разом із цим – оскільки інтереси руського й угорського народів стосовно будь-якого вияву суспільного життя і найменше у реалізації цієї акції зовсім не суперечать одні одним – є необхідним і в інтересах державних. Вважаємо, що подальше відкладення визначення повноважень намісництва

Руської Країни для ефективнішого керування територіями, де проживають русини, завдасть значної шкоди суспільним інтересам» [32: 1–6]. Проблеми з харчами, утруднене управління призводило до дуже трагічних ситуацій. Намісництво неодноразово зверталося до Міністерства внутрішніх справ і Міністерства оборони з проханням надіслати військові сили для утихомирення настроїв у гірських районах. З багатьох поселень до комісара надходили повідомлення про насильні захоплення земель, а в Міжгір'ї та околицях великими проблемами стали постійні пограбування, розбійники на дорогах і вже ледве не буденна контрабанда збіжжя до Галичини [35: 1–33].

Третім напрямком діяльності намісництва було продовження пропаганди для впливу на настрої населення і спроби зупинити українську і румунську пропагандистську діяльність. Для проведення пропаганди Міністерство Руської Країни надало мукачівській адміністрації 200 000 корон. З цієї суми передбачалося фінансування роздачі листівок та агітаторів, які мали впливати на настрої населення. Орест Сабов таким чином сформулював свої пов'язані з цим завданням очікування: «Було б бажано, щоб пан губернатор на підпорядкованій йому території докладав зусиль для позитивного впливу на настрої населення стосовно наданої законом автономії. Для цієї цілі необхідно підбирати абсолютно надійних осіб, які шляхом безпосереднього контактування з населенням встановили б його бажання і полегшили роботу пана губернатора завдяки збору даних» [26: 6]. Особам, що були задіяні в пропагандистській роботі, необхідно було дізнаватися про скарги і образи, не давати безвідповідальних обіцянок. При цьому треба було звертати увагу людей, що «при об'єднанні зусиль на них чекають промисловий та економічний бум, що завдяки культурному розвитку на нас чекає щасливе майбутнє» [27: 5–6]. А у директиві для агітаторів йшлося: «А поки все це станеться, нашим гаслом хай стане порядок, дисципліна, єднання, і тоді не буде більше скарг між Карпатськими горами» [27: 5–6]. Описані вище труднощі в розбудові управлінської вертикалі та відомі нам проблеми в майбутньому дозволяють припустити, що пропагандистська робота не була цілком успішною. Це підтверджується й тим, що 21 січня 1919 р. в Хусті Всенародні збори закарпатських українців під головуванням Михайла Брашчайка ухвалили рішення про возз'єднання руського населення комітатів Мараморош, Угоча, Берег, Унг, Земплен, Шарош, Сепеш і Абауй-Торно з українцями Соборної України [21: 13–40]. За спогадами учасників та згідно з протоколами конгресу, у ньому взяли участь 420 делегатів зі 150 населених пунктів, які після виступу Михайла Брашчайка ухвалили рішення про возз'єднання Угорської Русі з Україною [22: 132]. Дата події була важливою й тому,

що наступного дня, 22 січня, у Києві був проголошений акт злуки Української Народної Республіки та Західноукраїнської Народної Республіки. У виданому Директорією УНР універсалі урочисто проголошувалося, що Угорська Русь, Галичина та Буковина як частини Західноукраїнської Республіки зливаються воєдино з «Наддніпрянською Великою Україною» [22: 134]. Однак декларування єднання не могло супроводжуватися створенням реальної територіальної єдності, оскільки Український національний рух ні на Наддніпрянщині, ні в Західній Україні не був здатний забезпечити тривалого контролю територій. На сході формування української влади унеможливив наступ більшовицьких військ та хаос громадянської війни, а на заході – захоплення територій польськими військами, не згадуючи вже про такі перешкоджаючі фактори, як відсутність в українського руху широкої суспільної підтримки та суперечності між його провідниками [25: 111–121]. Поширювати проукраїнські настрої намагалися активною пропагандистською діяльністю, а спроби перешкодити їй забрало значну енергію в Державного намісництва Руської Країни, що перебувало на стадії формування. Агоштон Штефан неодноразово звертався з проханням посилити прикордонні загони на межі з Галичиною, однак отримував від Міністерства внутрішніх справ негативну відповідь [35: 1–33]. Не полегшувало вирішення ситуації й те, що військові не завжди узгоджували свої дії з намісництвом. У зв'язку з цим комісар звертався до міністра оборони Вільмоша Бьома: «Прошу інструктувати усіх осіб, які направляються з будь-якою місією до Руської Країни, щоб вони перед початком своєї діяльності посвідчили себе у мене, тому що намісництво переповнене особами з військовими квитками, серед яких багато українських агітаторів» [30: 1–28]. З звітів та скарг, які надходили до Міністерства Руської Країни та намісництва у Мукачеві, бачимо, що дії проти української агітації в окремих випадках були насильницькими. Державний секретар Тодор Гуті інформував губернатора у лютому 1919 р.: «До мене прибула делегація з Хуста і його околиць і скаржилася на те, що прикордонники застосовували силу до руського населення, мотивуючи це тим, що вони носять жовто-блакитні стрічки і виявляють проукраїнські погляди» [30: 1–28]. Лист подібного змісту надіслав Агоштону Штефану і голова ужгородської ради Шімон Сабов: «З багатьох місць приходять повідомлення, що представники силових органів застосовують до русинів з українськими поглядами брутальні переслідування <…> вважаємо за необхідне вказати на небезпеку таких дій, які можуть завдати шкоди Вашій політиці інтеграції» [33: 14]. Ті, хто працював над розбудовою автономії, цілком правомірно побоювалися, що такі випадки шкідливо впливатимуть на справу Руської Країни, тому

в конкретних випадках, як у згадуваному хустському, намісництво вживало негайних заходів [30: 1–28].

Вище згадані факти засвідчують, що практичне створення автономії Руської Країни відбувалося за дуже складних обставин. Уже при прийнятті народного закону спостерігалася недовіра угорського населення Північно-Східної Угорщини до руської автономії. Налагодження адміністративної вертикалі ускладнювалося й захопленням, починаючи з січня 1919 р., територій чехословацькими й румунськими військовими загонами і напівголодним існуванням руського населення, а також потужною україно фільською агітацією, яка найвиразніше виявила себе в Ясіня та Хусті. Необхідно звернути увагу на те, що хоча найдіяльнішими прихильниками залишення руських територій у складі Угорщині восени 1918 р. були Мукачівська єпархія та Народна рада рутенців Угорщини, однак у документах намісництва, що збереглися, майже відсутні згадки про те того, щоб адміністрація Штефана пробувала налагодити співпрацю з Мукачівською греко-католицькою єпархією або Ужгородською руською радою. І хоча чимало греко-католицьких священиків зверталися листовно до губернатора, переважно у зв'язку з проблемами парафіян, однак доступні нам джерела не вказують на зв'язки між єпархією та Штефаном на жодному рівні. Тональність єдиного листування між Шімоном Сабовим та Агоштоном Штефаном вказує на прохолодні відносини між головою ради та губернатором [33: 9]. Звичайно, на діяльність греко-католицької єпархії і на діяльність Руської народної ради значно вплинуло те, що 12 січня 1919 р. Ужгород потрапив під контроль Чехословаччини. На засіданні Народної ради 15 січня 1919 р. Шімон Сабов повідомив про військову окупацію, у зв'язку з якою, як він висловився, потрібно «поводитися пасивно» [37: 1–5]. Разом із цим представники ради розпочали переговори з чехословацьким військовим керівництвом, одночасно почалося налагодження контактів з американськими русинами.

На межі 1918–1919 рр. становище гірських районів стало просто катастрофічним. Не було належного постачання продовольства, погіршився правопорядок. З січня 1919 р. на цих території діяли чехословацькі, румунські та українські загони. Суверенітет угорської держави, з точки зору забезпечення діяльності автономії, критично похитнувся. Можемо стверджувати, що співпраця між угорським урядом та автономією не завжди була гладкою. У ході вивчення джерел у автора склалося враження, ніби уряд відсторонився від керівних органів Руської Країни, принаймні не дуже ефективно допомагав їхній роботі і поводився у справі розбудови автономії пасивно. На урядових засіданнях у перші місяці 1919 р. питання, пов'язані з Руською Країною, майже не потрапляли до порядку денного. Пока-

зовою є ситуація на засіданні Ради міністрів 8 березня 1919 р., коли Орест Сабов звернувся до урядовців з тими самими питаннями, які порушував і у січні та лютому: «Для виконання закону про руську автономію вам необхідно якнайшвидше вжити відповідних заходів, зокрема невідкладно прийняти до реалізації визначення правових повноважень автономії і на основі цього у всіх тих питаннях, у яких автономія має право самостійного прийняття рішень, якнайскоріше надати їй відповідний мандат» [15: 7–8]. На цьому ж засіданні уряду – яке, до речі, було останнім за період існування Народної Республіки, де йшлося про Руську Країну – О. Сабов виразив своє невдоволення пропагандистською роботою, оскільки вважав, що наявних матеріальних засобів недостатньо для протистояння українській та чеській агітації. Також міністр знову звернувся до Ради міністрів з проханням «допомогти йому в якомога швидшій реалізації автономії, наданої законом, та надати для цього всю необхідну матеріальну та моральну підтримку» і відзначив, що, враховуючи прохання русинів, варто перенести міністерство до Мукачева [15: 7–8].

Однак цього не сталося, бо Сабов не погодився співпрацювати зі створеною 21 березня Радянською Республікою. При цьому справа Руської Країни ще залишалася на порядку денному. Був створений Руський народний комісаріат, повноваження якого поширили на всі комітати, де була значна кількість руського населення. Комісаром був призначений колишній губернатор Агоштон Штефан. Також були створені дві військові організації – Руська червона гвардія і Руська червона охорона, куди, щоб уникнути голоду, охоче зголошувалися чоловіки [4: 35–37]. Однак кардинальні проблеми, які по-справжньому перешкоджали функціонуванню автономії, залишилися невирішеними і за радянського уряду. Один із політиків Ужанської директорії так описував ситуацію, що склалася на Верховині у квітні 1919 р.: «Населення повністю відрізане від зовнішнього світу, немає ні пошти, ні телеграфу, ні телефону, ні засобів пересування і наслідком цього є те, що про події великого світу воно нічого не знає і навіть якщо щось і чуло, ці новини доходять у спотвореному і жахливому вигляді <…> Продуктів харчування також нема, народ голодує <…> не хоче збиратися на жодні зібрання і нікому не йме віри» [19: 116]. Просування чехословацьких і румунських військ обмежило радянський період в Руській Країні сорока днями та завершило спробу створення руської автономії.

Визначену в грудні 1918 р. демаркаційну лінію чехословацькі загони перейшли тільки 26 квітня, приєднавшись таким чином до нападу румунських військ проти Угорської Радянської Республіки, розпочатого на десять днів раніше. На Паризькій мирній конференції 11 липня

1919 р. остаточно узгодили державний кордон між Чехословаччиною та Угорщиною, які й було через два дні зафіксовано окремим протоколом [3: 54]. У серпні чехословацькі військові вийшли на лінію в Берегівському окрузі, яка пізніше стала чехословацько-угорським кордоном [3: 55]. Внаслідок цього Ужгородська руська рада, яка до того проголошувала вірність Угорщині, опинилася цілком у новій ситуації. Тому 8 травня 1919 р. створена переважно з членів Народної ради рутенців Угорщини, Пряшівської та Хустської рад Центральна руська народна рада під головуванням Августина Волошина проголосила добровільне приєднання до Чехословаччини. Першим під час засідання висловився Шімон Сабов, який, як свідчить протокол, чехословацьку орієнтацію описав так: «Це найкращий шлях до Божого рішення на наше питання» [18: 48].

З описаної нами вище спроби створення Руської Країни очевидно, що створення автономної території відбувалося за дуже складних обставин і процесів. У тому, що уряд Карої доволі швидко знайшов спільну мову із, як висловився О. Ясі, «найслабшою стороною», значну роль відіграла Мукачівська греко-католицька єпархія, а також створена за ініціативи єпископа Антонія Паппа Народна рада рутенців Угорщини. Уряду вдалося знайти і переконати тих представників русинів, які завдяки своїй політичній та науковій діяльності були відомі на загальнодержавному рівні і водночас являли авторитет для нечисленної руської інтелігенції. Однак імплементація народного закону № X зустрілася з численними перешкодами. Серед них насамперед варто назвати несприятливе економічно-соціальне становище гірських районів, до якого додалася недовіра місцевого населення до угорської влади внаслідок жорсткої національної політики, що проводилася у попередні десятиріччя, та її виявів на нижчих рівнях адміністративного управління. Частково цим пояснюється те, що гасла про від'єднання від Угорщини, знайшли так багато послідовників серед осіб, що користувалися більшим-меншим авторитетом і повагою серед руського населення. Ускладнювали становище й протиріччя та напружені стосунки між особами, на яких лягло завдання реалізації самоврядування, а в хаотичній ситуації, ймовірно, Будапешт по-справжньому не вірив в успіх створення автономії. Зрештою, наступ румунських та чехословацьких військ поклав край усім подальшим спробам. Руська інтелігенція з Північно-Східної Угорщини, що не мала одностайних поглядів, була поставлена перед фактом, тому, пристосовуючись до нових обставин у травні 1919 р. одностайно проголосити приєднання до Чехословаччини.

Зі сторічної перспективи видається, що закон про руську автономію відігравав суттєву роль у контексті зовнішньої політики На-

родної Республіки і мав переконати Антанту у серйозності намірів Угорщини стосовно нацменшин. На період намагань розбудувати самоврядування ситуація у Верховині стала ще більш злиденною. Пануюча у 1918–1919 рр. бідність не оминула й гірський край. Уряд Народної Республіки просто не здатний був забезпечити належне функціонування адміністративної вертикалі, не вдалося зберегти і державний суверенітет у північно-східних комітатах, як, зрештою, і на інших прикордонних територіях. За таких обставин створення автономії на практиці просто не мало реальних шансів.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Az északkeleti* magyarság veszedelme Ruszka-Krajna határai miatt // Budapesti Hírlap. 43. szám. 1919. 02.19.

2. *Fedinec C.* «…önbizalmat jelentene…»: Kárpátalja a revíziós időszak magyar politikai retorikájában. Kárpátalja a revíziós időszak magyar politikai retorikájában // Kárpáti Ukrajna. Vereckétől Husztig. Egy konflikturtörténet nemzeti olvasatai. Szerkesztette: Fedniec Csilla. Pozsony: Kalligram Kiadó, 2014. O. 335–352.

3. *Fedinec C.* A kárpátaljai magyarság történeti kronológiája 1918–1944. Dunaszerdahely, Szlovákia, Somorja, Szlovákia: Lilium Aurum, Fórum Kisebbségkutató Intézet, 2002. 533 o.

4. *Fedinec C.* Iratok a kárpátaljai magyarság történetéhez 1918–1944. Törvények, rendeletek, kisebbségi programok, nyilatkozatok. Dunaszerdahely, Szlovákia, Somorja, Szlovákia: Lilium Aurum, Fórum Kisebbségkutató Intézet, 2004. 663 o.

5. *Hatos P.* Az elátkozott köztársaság. Az 1918-as összeomlás és az őszirózsás forradalom története. Budapest: Jaffa Kiadó, 2018. 488 o.

6. *Jászi Oszkár* válogatott levelei. Összeállította: Litván György, Varga F. János. Budapest: Magvető, 1991. 625 o.

7. *Judson P.M.* The Habsburg Empire. A New History. Cambridge, Massachusets; London, England, 2016. 592 p.

8. *Krúdy G.* Havasi Kürt. Miskolc: Felsőmagyarországi Kiadó, 2001. 167 o.

9. *Magocsi Paul Robert*: The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus' 1848–1948. Cambridge; London, 1978. 576 p.

10. *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. 1st ed. Central European University Press, 2015. 564 p.

11. Magyar Nemzeti Levéltár (MNL OL). K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. 1918.11.18.

12. MNL OL. K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. 1918.11.19.

13. MNL OL. K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. 1918.12.06.

14. MNL OL. K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. 1918.12.17.

15. MNL OL. K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek. 1919.03.8.
16. Megegyezés a ruténekkel // Budapesti Hírlap. 273. szám. 1918. november 21.
17. *Romsics I*. Magyarország története a XX. században. Budapest: Osiris Kiadó, 2004. 668 o.
18. *Szakál I*. «Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei között». Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919). Beregszász; Ungvár, 2018. 248 o.
19. *Szakál I*. Jászi Oszkár és a ruszinok: a ruszin önrendelkezés esélyei 1918–1919-ben // «Ruszin voltam, vagyok, leszek…». Népismereti olvasókönyv. Szerk. Fedinec Csilla – Csernicskó István. Budapest, 2019. O. 92–116.
20. *Szarka L*. A Jászi Oszkár vezette nemzetiségi minisztérium rendezési tervei és működése 1918 végén // A Mura mente és a trianoni békeszerződés. Lendva, 2000. O. 154–163.
21. *Болдижар М.* Закарпаття між світовими війнами. Факти, події, люди, оцінки. Ужгород, 2011. 148 с.
22. *Вегеш М., Токар М.* Карпато-українське державотворення. До 70-річчя проголошення державної незалежності Карпатської України. Ужгород: Видавництво УжНУ «Говерла», 2009. 536 с.
23. *Віднянський С.* Проблема самовизначення і розв'язання питання про державну приналежність Закарпаття (1918–1919) // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ред.: Вегеш, Микола, Фединець, Чілла (et al.). Ужгород: Ліра, 2010. С. 45–50.
24. *Гранчак І., Ганчин В.:* Спроби уряду М. Каролі утримати Закарпаття в складі Угорщини. Закон про Руську Країну // Нариси історії Закарпаття. Т. II: 1918–1945 / Ред. Іван Гранчак. Ужгород: Закарпаття, 1995. С. 53–58.
25. *Грицак Я.* Нариси історії України: Формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ: Генеза, 2000. 249 с.
26. Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 1.
27. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 2.
28. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 4.
29. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 6.
30. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 9.
31. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 12.
32. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 17.
33. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 26.
34. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 44.
35. ДАЗО. Ф. 59. Оп. 1. Од. зб. 54.
36. ДАЗО. Ф. 1134. Оп. 1. Од. зб. 2.
37. ДАЗО. Ф. 1134. Оп. 1. Од. зб. 6.
38. *Клочурак С.* До волі (Спомини). Ню-Йорк: Карпатський союз Інк, 1978. 184 с.
39. *Королько А., Павлючок Я.* Гуцульська Республіка 1918–1919 рр. До питпння організації «Січневого зриву» і становлення Української влади на Закарпатській Гуцулщині // Вісник Прикарпатського університету. Історія. Івано-Франківськ, 2010. Вип. 17. С. 17–25.

40. *Петрецький В.* Історичні особливості становлення політичної еліти Закарпаття (перша чверть XX століття). Науково-дослідний інститут політичної регіоналістики. Державний вищий навчальний заклад «Ужгородський національний університет». Ужгород, 2014. 60 с.

41. *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье (1918–1945 гг.). М.: Европа, 2006. 557 с.

REFERENCES

1. *Budapesti Hírlap*. (1919) Az északkeleti magyarság veszedelme Ruszka-Krajna határai miatt. 19th February.

2. Fedinec, Cs. (2014) "…önbizalmat jelentene…": Kárpátalja a revíziós időszak magyar politikai retorikájában. Kárpátalja a revíziós időszak magyar politikai retorikájában ["…It Could Mean Self-confidence…" Transcarpathia in the Hungarian Political Rhetoric of the Revisionist Period]. In: Fedinec, Cs. (ed) *Kárpáti Ukrajna. Vereckétől Husztig. Egy konfliktustörténet nemzeti olvasatai* [Carpatho-Ukraine. From Verecke to Khust. The National Interpretation of the History of a Conflict]. Pozsony: Kalligram Kiadó. pp. 335–352.

3. Fedinec, Cs. (2002) *A kárpátaljai magyarság történeti kronológiája 1918-1944* [The Historical Chronology of Transcarpathian Hungarians 1918–1944]. Dunaszerdahely, Szlovákia, Somorja, Szlovákia: Lilium Aurum, Fórum Kisebbségkutató Intézet.

4. Fedinec, Cs. (2004) *Iratok a kárpátaljai magyarság történetéhez 1918–1944. Törvények, rendeletek, kisebbségi programok, nyilatkozatok* [Documents on the History of the Transcarpathian Hungarians. 1918 – 1944. Laws, Decrees, Minority Programs, Statements]. Dunaszerdahely, Szlovákia, Somorja, Szlovákia: Lilium Aurum, Fórum Kisebbségkutató Intézet.

5. Hatos, P. (2018) *Az elátkozott köztársaság. Az 1918-as összeomlás és az őszirózsás forradalom története* [The Cursed Republic. The History of the Collapse in 1918 and the Aster Revolution]. Budapest: Jaffa Kiadó.

6. Litván, Gy. & Varga, F.J. (eds) (1991) *Jászi Oszkár válogatott levelei* [Selected Letters from Oszkár Jászi]. Budapest: Magvető.

7. Judson, P.M. (2016) *The Habsburg Empire. A New History.* Cambridge, Massachusets, London, England.

8. Krúdy, Gy. (2001) *Havasi Kürt* [Trembita]. Miskolc: Felsőmagyarországi Kiadó.

9. Magocsi, P.R. (1978) *The Shaping of a National Identity Subcarpathian Rus' 1848–1948.* Cambridge, London.

10. Magocsi, P. R. (2015) *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Central European University Press.

11. Hungarian National Archives (MNL OL) K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek [Protocols of the Cabinet of Ministers]. 18th November 1918.

12. Hungarian National Archives (MNL OL) K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek [Protocols of the Cabinet of Ministers]. 19th November 1918.

13. Hungarian National Archives (MNL OL) K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek [Protocols of the Cabinet of Ministers]. 6th December 1918.

14. Hungarian National Archives (MNL OL) K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek [Protocols of the Cabinet of Ministers]. 17th December 1918.

15. Hungarian National Archives (MNL OL) K27. Minisztertanácsi jegyzőkönyvek [Protocols of the Cabinet of Ministers]. 8th March 1918.

16. *Budapesti Hírlap* (1918) Megegyezés a ruténekkel [Agreement with the Ruthenians] 21st November.

17. Romsics, I. (2004) *Magyarország története a XX. században* [The History of Hungary in the 20th Century]. Budapest: Osiris Kiadó..

18. Szakál, I. (2018) *"Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei között". Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919)* [Order, Discipline, Unity, and there will be No Complaints Anymore Between the Carpathian hills – Documents on the History of Ruska Kraina (1918–1919)]. Beregszász–Ungvár: [s.n.].

19. Szakál, I. (2019) Jászi Oszkár és a ruszinok: a ruszin önrendelkezés esélyei 1918–1919-ben [Oszkár Jászi and the Rusins: the Chances of the Rusin Self-governance in 1918–1919]. In: Fedinec, Cs. & Csernicskó, I. (eds) *"Ruszin voltam, vagyok, leszek..."* ["I was a Rusin, I am, I will be..."]. Budapest: Gondolat Kiadó. pp. 92–116.

20. Szarka, L. (2000) A Jászi Oszkár vezette nemzetiségi minisztérium rendezési tervei és működése 1918 végén [The Plans and the Function of the Ministry of Nationalities lead by Oszkár Jászi at the end of 1918]. In: Göncz, L. (ed.) *A Mura mente és a trianoni békeszerződés* [The Mura Region and the Trianon Peace Treaty]. Lendva: Lendvai Füzetek. pp. 155–156.

21. Boldizhar, M. (2011) *Zakarpattya mizh svitovimi viynami. Fakti, podiï, lyudi, otsinki* [Transcarpathia between the World Wars. Facts, Events, People, Evaluation]. Uzhhorod: [s.n.].

22. Vehesh, M. & Tokar, M. (2009) *Karpato-ukraïns'ke derzhavotvorennya. Do 70-richchya progoloshennya derzhavnoï nezalezhnosti Karpats'koï Ukraïni* [Carpatho-Ukranian State Formation. For the 70th Anniversary of the Proclamation of the Independence of Carpatho-Ukraine]. Uzhhorod: Goverla.

23. Vidnyanskiy, S. (2010) Problema samoviznachennya i rozv'yazannya pitannya pro derzhavnu prinalezhnist' Zakarpattya (1918–1919) [The problem of self-identification and the question of the state affiliation of Transcarpathia (1918–1919)]. In: Vehesh, M. & Fedinec, Cs. (eds) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia between 1919–2009: History, Politics, Culture]. Uzhgorod: Lira. pp. 45–50.

24. Granchak, I. & Ganchin, V. (1995) Sprobi uryadu M. Karoli utrimati Zakarpattya v skladi Ugorshchini. Zakon pro Rus'ku Kraïnu [The attempt of M. Károlyi to preserve Transcarpathia in Hungary. The Law on Ruszka Krajna]. In: Granchak, I. et al. *Narisi istoriï Zakarpattya* [Sketches of the History of Transcarpathia]. Vol. 2. Uzhhorod: Zakarpattya. pp. 53–58.

25. Gritsak, Y. (2000) *Narisi istoriï Ukraïni: Formuvannya modernoï ukraïns'koï natsiï XIX-XX st.* [Essays on the History of Ukraine: The Formation of the Modern Ukrainian Nation in the 19th–20th century]. Kyiv: Geneza.

26. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 1.

27. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 2.

28. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 4.
29. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 6.
30. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 9.
31. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 12.
32. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 17.
33. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 26.
34. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 44.
35. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 59. List 1. File 54.
36. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 1134. List 1. File 2.
37. The State Archive of Trasncarpathian Oblast (DAZO). Fund 1134. List 1. File 6.
38. Klochurak, S. (1978) *Do voli (Spomini)* [Strive for Freedom. (Memories)]. New York: Karpats'kij Sojuz Ink.
39. Korolko, A. & Pavlyuchok, Ya. (2010) Gutsul's'ka Respublika 1918–1919 rr. Do pitpnnya organizatsiï "Sichnevogo zrivu" i stanovlennya Ukraïns'koï vladi na Zakarpats'kiy Gutsulshchini [Hutsul Republic 1918 – 1919. To the Question of the Organization of the "January Uprising" and the Establishment of the Ukrainian Rule on the Transcarpathian Hutsul Land]. *Visnik Prikarpats'kogo universitetu. Istoriya*. 17. pp. 17–25.
40. Petretskiy, V. (2014) *Istorichni osoblivosti stanovlennya politichnoï eliti Zakarpattya (persha chvert' XX stolittya)* [The Historical Peculiarities of the Political Elite of Transcarpathia (The first quarter of the 20th cebtury]. Uzhhorod: Uzhhorod National University.
41. Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e (1918–1945 gg.)* [Civilization or Barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

Сакал Имре – доктор философии, преподаватель кафедры истории и общественных дисциплин Закарпатского венгерского института им. Ференца Ракоци II (Украина).

Сакал Імре – доктор філософії, викладач кафедри історії та суспільних дисциплін Закарпатського угорського інституту ім. Ференца Ракоці II (Україна).

Imre Szakál – Ferenc Rákóczi II Transcarpathian Hungarian College (Ukraine).

E-mail: szklmr@gmail.com

УДК 94 (437)(328)“1918/1939”
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/8

УКРАИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАКИИ В РУСИНСКОМ ВОПРОСЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «АМЕРИКАНСКИЙ РУССКИЙ ВЕСТНИК»

К.В. Шевченко

Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске

Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Авторское резюме

В статье содержится анализ публикаций одного из ведущих карпаторусских периодических изданий Северной Америки – газеты «Американский русский вестник», посвященных зарождению и развитию украинского движения, а также различным аспектам политики межвоенной Чехословакии в русинском вопросе. «Американский русский вестник», являвшийся в межвоенный период официальным органом греко-католических русских братств в Северной Америке и издававшийся в г. Хоумстед (штат Пенсильвания), в своих материалах уделял самое пристальное внимание как генезису и развитию украинского движения, так и политике Чехословакии в отношении русинов Восточной Словакии и Подкарпатской Руси. Газета весьма критически оценивала украинское движение в Карпатском регионе, подчеркивая его изначально искусственный характер, антиславянскую и антирусскую направленность, а также полную подчиненность геополитическим интересам Германии и Австро-Венгрии во время Первой мировой войны. В межвоенный период карпаторусские издания США, включая газету «Американский русский вестник», резко критиковали правительство Чехословакии за всемерную поддержку украинского движения в Подкарпатской Руси, отмечая его опасность для существования Чехословакии. Предметом жесткой критики была языковая, образовательная и культурная политика чехословацких властей в русинском вопросе, состоявшая в поддержке деятельности украинских

эмигрантов в Подкарпатской Руси и способствовавшая политике «мягкой украинизации» карпатских русинов в Чехословакии. Помимо этого, «Американский русский вестник» выступал с критикой чехословацких властей за нежелание предоставлять обещанную Подкарпатской Руси автономию, что было закреплено как в международных договорах, так и в Конституции самой Чехословакии.

Ключевые слова: карпатские русины, карпаторусская пресса, «Американский русский вестник», Северная Америка, Украина, Чехословакия, украинское движение, национальная идентичность.

UKRAINIAN MOVEMENT AND CZECHOSLOVAK POLICY IN THE RUSIN QUESTION DURING THE INTERWAR PERIOD AS REFLECTED BY *AMERIKANSKY RUSSKY VIESTNIK*

K. V. Shevchenko

Branch of Russian State Social University in Minsk

21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Abstract

The article analyzes the publications of a leading Rusin periodical in North America, *Amerikansky russky viestnik*, which during the interwar period was the official bulletin of the Greek Catholic Union of Rusin Brotherhoods based in Homestead, Pennsylvania. In its numerous publications, *Amerikansky russky viestnik* paid great attention to the genesis and further development of the Ukrainian movement and to different aspects of Czechoslovak policy towards Rusin population in Subcarpathian Rus and Eastern Slovakia. In particular, *Amerikansky russky viestnik* voiced criticism about different aspects of the Ukrainian movement emphasizing its totally artificial character, anti-Slavic and anti-Russian orientation as well as its total dependence on German and Austrian politics during the First World War. As *Amerikansky russky viestnik* pointed out, the Ukrainian movement played a role of a mere tool of the German anti-Slavic policy in Central Europe. As far as the Rusin politics of interwar Czechoslovakia is concerned, *Amerikansky russky viestnik* and other Rusin periodicals in the USA criticized the Czechoslovak authorities for their wide-scale and generous support of the Ukrainian

movement in the Carpathian region pointing out that such attitude might endanger the stability of Czechoslovak state in future. Apart from that, *Amerikansky russky viestnik* was extremely critical of the language, educational, and cultural policy of Czechoslovak government, which supported the policy of the "soft ukrainization" of the indigenous Rusin population in the south of the Carpathian region. The American newspaper voiced concerns about the absence of the true autonomy of Subcarpathian Rus within Czechoslovakia, which violated international treaties and Czechoslovak Constitution.

Keywords: Carpathian Rusins, Rusin press, Amerikansky russky viestnik, North America, Ukraine, Czechoslovakia, Ukrainian movement, national identity.

В ходе массовой эмиграции русинов Галиции, Угорской Руси и Буковины, входивших в состав Австро-Венгрии, в Северную Америку в конце XIX – начале XX в., что было вызвано в основном социально-экономическими причинами, в США и Канаде постепенно сформировалась многочисленная и влиятельная карпаторусская диаспора. Ее представители создали целый ряд влиятельных общественных и культурных организаций, просветительских обществ, а также печатных изданий. К числу наиболее известных карпаторусских организаций в США в начале XX в. относились «Русская народная организация в Америке», «Американско-русская народная обрана», «Американский русский сокол», «Соединение греко-католических русских братств», «Русское православное общество взаимопомощи», «Русско-галицкий клуб», «Товарищество русских галичан» и др. К самым популярным печатным изданиям карпаторусской диаспоры в США относились газеты «Новая Русь», «Правда», «Свет», «Народная обрана» и «Американский русский вестник».

Значительная часть интеллигенции осевших в Америке угорских и галицких русинов в то время разделяла взгляд о существовании триединого русского народа от Карпат до Камчатки в составе великороссов, малороссов и белорусов, трактуя русинов Галиции и Угорской Руси как органичную составную часть русского народа. Созданные карпаторусской диаспорой в Америке печатные издания ярко отразили особенности традиционной доукраинской карпаторусской идентичности, которая длительное время противостояла украинскому движению, распространявшемуся среди карпатских русинов и насаждавшему взгляд на них как на часть отдельного украинского народа.

Одним из главных и наиболее влиятельных печатных органов карпаторусской диаспоры в США длительное время была газета «Американский русский вестник» (1892–1952 гг.), издававшаяся как на кириллице, так и на латинице с использованием чешских и словацких диакритических знаков в г. Хоумстед (штат Пенсильвания,

северо-восток США). Длительное время эта газета являлась официальным органом влиятельных греко-католических русских братств в Северной Америке [21: 4]. В период своего расцвета (1920-е гг.) «Американский русский вестник» выходил три раза в неделю общим тиражом около 40 тыс. экземпляров [21: 4], будучи одной из самых популярных и востребованных газет среди американских русинов. В ходе Первой мировой войны и особенно после ее окончания «Американский русский вестник» и целый ряд других карпаторусских изданий США уделяли большое внимание как положению карпатских русинов в Европе и Америке, так и постепенно развивавшемуся в их среде украинскому движению.

Критическое отношение к украинской идеологии демонстрировала издававшаяся в Хоумстеде газета «Народна обрана», рассчитанная преимущественно на читателей-русинов из среды эмигрантов из Угорской Руси. В статье, опубликованной в июле 1917 г. и посвященной истории Угорской Руси, газета опровергала мнение тех историков, которые относили угорских русинов к украинцам, утверждая, что именно угрорусская ветвь восточного славянства является первоосновой «единого русского дерева». В том же номере содержался призыв к России – державе «наших братьев по крови» – освободить Угорскую Русь [2: 1]. В статье «Россия и славянство», опубликованной в «Народной обране» 7 августа 1917 г., говорилось о необходимости присоединить к России «вотчины святого Владимира, Русь Червонную и Карпатскую». По словам газеты, это присоединение диктуется

как этическими целями, так и целями самообороны, поскольку «в Галиции был создан главный операционный базис против России… Там свили себе гнездо польские "ягеллоновцы", мечтающие о воскрешении с немецкой помощью исторической Речи Посполитой… Там дало буйные всходы семя "мазепинства", созданное для расчленения единого русского народа» [3: 1]. Газета заключала, что для угрорусского народа опасность представляют не только «агенты венгерского правительства», но и украинцы, которых она прямо и эмоционально именовала «ренегатами русскости» [3: 1]. Отвечая на вопрос о том, «что отделяет нас от Украины», вынесенный в заглавие очередной статьи, «Народна обрана» утверждала, что это как историческое прошлое, так и характер текущей украинской политики, которая противоречит не только угрорусскому народному убеждению, но и общеславянским стремлениям [4: 2].

Крайне критические материалы об украинском движении регулярно появлялись и на страницах одного из наиболее популярных карпаторусских периодических изданий США – газеты «Американский русский вестник», которая уделяла большое внимание положению в Угорской Руси, вошедшей в 1919 г. в состав Чехословакии под названием «Подкарпатская Русь». Так, 4 сентября 1919 г. «Американский русский вестник» полностью перепечатал статью известного карпаторусского общественного и политического деятеля А. Бескида «Карпатская Русь и Украина», которая ранее вышла в карпаторусской газете «Русское слово». Редакция газеты солидаризировалась с мнением А. Бескида, негативно относившегося к «навязыванию украинского наречия» местным русинам со стороны чехословацкой администрации, и с его призывом «не дать навязать себе в школе и администрации искусственный украинский жаргон» [9: 2]. В дальнейшем тон «Американского русского вестника» по отношению к украинскому движению становился все более жестким.

Вхождение земель исторической Угорской Руси в состав новорожденного чехословацкого государства было первоначально весьма положительно воспринято «Американским русским вестником». Однако передача западной части этнически русинских земель в состав Словакии и затягивание чешской администрацией предоставления обещанной автономии Подкарпатской Руси очень быстро вызвали критику со стороны карпаторусской общественности в Америке.

Предметом резкой критики «Американского русского вестника» сразу стала культурно-национальная политика Чехословакии в Подкарпатской Руси, направленная на поддержку украинофилов в сфере образования и культуры. Такая политика противоречила весьма популярному среди местной русинской интеллигенции культурному

наследию ведущих карпаторусских будителей XIX в. – А. Духновича, А. Добрянского, Ю. Ставровского-Попрадова и др., ориентированному на русскую культуру и русский литературный язык.

С самого начала подготовленные украинофилами учебные пособия для местных школ, призванные культивировать украинскую идентичность у русинского населения и поддержанные чехословацкой администрацией, вызывали категорическую неприязнь у местных учителей и населения, настроенных в большинстве русофильски. Так, 14 февраля 1922 г. в Мукачево состоялся съезд учителей Подкарпатской Руси, на котором была образована комиссия для пересмотра использовавшихся в школах учебников. Однако школьный отдел чешской администрации Подкарпатской Руси проигнорировал решения съезда и рекомендации комиссии, критиковавшей использование украинофильских учебников. В данном споре редакция «Американского русского вестника» (далее «Вестник») солидаризировалась с мнением русофильски настроенных учителей Подкарпатской Руси. «Украинского языка и грамматики у нас никто не знал. Их завели до нас Пешек и Панькевич», – констатировал он в марте 1922 г., критикуя образовательную политику чехословацких властей [1: 2]. По словам «Вестника», для угорских русинов понятие «Украина» является «совершенно чуждым» [1: 2].

Личность Й. Пешека, главы школьного отдела при губернаторе Подкарпатской Руси, вызывала постоянную солидарную критику на страницах местных карпаторусских изданий. Основной причиной недовольства была всемерная поддержка Пешеком украинцев из Галиции, которые активно и небезуспешно украинизировали карпаторусское население в сфере образования и культуры. Наиболее знаковой в этом отношении была личность филолога из Галиции И. Панькевича, который получил от чешской администрации картбланш на написание школьных учебных пособий, вводившихся в школы Подкарпатской Руси в 1920-е гг. вопреки постоянным протестам местных учителей. При этом, как обоснованно заметил чешский историк Д. Свобода, сходясь во мнении с П.Р. Магочием, «если в первом издании 1922 г. "Грамматика" Панькевича являлась смесью украинского языка и русинских диалектов, причем автор тщательно избегал здесь слов "украинец" и "украинский", то его "Грамматика" 1936 г. являлась уже учебником литературного украинского языка» [22: 547]. Тем не менее многочисленные протесты и обращения карпаторусских активистов против действий школьного отдела и его главы Пешека, покровительствовавшего украинизации местного населения, не имели никаких последствий, поскольку последний «был лично знаком с президентом Масариком и для него закон не был писан» [6: 205].

Судя по всему, ставка официальной Праги на представителей украинского движения была окончательно сделана еще осенью 1919 г., когда ряд высокопоставленных чешских чиновников, посетивших Подкарпатскую Русь, в силу различных политических соображений и личных симпатий прямо высказались в пользу украинского, или «местного», направления, резко критикуя представителей традиционного карпаторусского движения в регионе. Так, посетивший Подкарпатскую Русь в начале ноября 1919 г. секретарь Министерства почт и телеграфа ЧСР доктор О. Ружичка в своем докладе руководству прямо высказывался против «великорусского направления», упрекая его представителей в «склонности к провенгерской деятельности» и в «недостатке любви и лояльности к Чехословацкой Республике» [7]. Ружичка рекомендовал делать ставку на представителей «местного направления» в лице Волошина и Жатковича как наиболее соответствующих интересам Праги в регионе [7].

Еще более негативным было отношение к русскому направлению в Подкарпатье со стороны активиста влиятельной Социал-демократической партии Чехословакии инженера Я. Нечаса, некоторое время работавшего сотрудником аппарата первого губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича в 1920–1921 гг. В своем пространном донесении в канцелярию президента 20 ноября 1919 г. Нечас обвинял карпаторусских политиков русской ориентации в том, что их политическая программа является «реакционной, шовинистической и нетерпимой к другим», и призывал официальную Прагу полностью поддержать «местное направление, которое соответствует мышлению и настроениям интеллигенции» [8]. Кроме того, он настоятельно рекомендовал официальной Праге проводить политику «благожелательного нейтралитета» в отношении украинцев, «предоставив карпатским русинам возможность естественного развития» и воздержавшись от введения в Подкарпатской Руси русского языка в школы и в административные органы» [8].

Примечательно, что после своего возвращения в Прагу в 1921 г. Нечас стал высокопоставленным сотрудником канцелярии президента, курируя там вопросы Подкарпатской Руси и имея возможность оказывать колоссальное влияние на политику Праги в Подкарпатье. Неудивительно поэтому, что рекомендованная им политика «благожелательного нейтралитета по отношению к украинцам» и предоставления местным русинам «возможности естественного развития» на практике быстро превратились в системную политику «мягкой украинизации» местного населения, против которой представители карпаторусской интеллигенции протестовали в течение всего межвоенного периода, что ярко отразилось на страницах карпаторусской прессы.

Со второй половины 1920-х гг. в сфере образования в Подкарпатской Руси стали проступать все более заметные чехизаторские тенденции, которые выражались в резком росте числа чешских школ в крае, несмотря на то что чехи составляли здесь незначительную часть населения. Последовательная и явная чехизация Подкарпатья в области просвещения вызывала более ожесточенную критику русинской прессы всех идеологических оттенков как в Чехословакии, так и в Северной Америке. В июле 1930 г. «Американский русский вестник», касаясь этой болезненной для русинов темы, отмечал, что «чехословацкое правительство на Подкарпатской Руси за 10 лет для русинов поставило не больше 10 народных школ; наоборот, открыло и построило для детей чешских чиновников, жандармов, служащих и жидов около 200 чешских школ. Эти чешские школы все державные, которые содержатся за счет государственного бюджета» [10: 2].

В целом «Американский русский вестник» весьма критически и негативно оценивал деятельность чешской администрации в Подкарпатской Руси как в сфере образования и культуры, так и в социально-экономической области. Особенно осуждала газета кадровую политику чешской администрации, обвиняя ее в последовательной дискриминации местных русинов и в протежировании украинских эмигрантов из Галиции, которые имели приоритет перед представителями коренного русинского населения при назначении на различные должности в сфере культуры и образования. «В Подкарпатской Руси везде господствуют иностранцы, которые пануют над русским населением… Чешские офицеры и украинские авантюристы-легионеры заправляют во всех учреждениях, не имея никакой квалификации. Наша же интеллигенция, наши ученые русские сыны не имеют возможности заработать на кусок хлеба», – эмоционально писал в феврале 1927 г. «Американский русский вестник» в статье с красноречивым названием «Как плачет Подкарпатская Русь?» [11: 1]. Подобная критика в значительной степени была обоснованной, поскольку к 1930 г., «составляя не более 6 % от общего населения Подкарпатской Руси, чехи занимали 65 % всех административных должностей в крае и контролировали около 25 % местного торгового оборота» [22: 554].

Русинская пресса в Северной Америке регулярно публиковала острые критические материалы о положении русинов в Чехословакии, перепечатывая на своих страницах весьма эмоциональные письма русинов из Восточной Словакии и Подкарпатья. «Дорогие братья и сестры! Вы присоединили нас к Чехословакии, думая, что сделаете из нас свободный народ. Но наоборот, сейчас наш народ как на Подкарпатской, так и на Пряшевской Руси является народом подъяремным, – говорилось в анонимном «Письме из Пряшевской

Руси», опубликованном в «Американском русском вестнике» 14 марта 1929 г. – Вы в далекой Америке не знаете вкус нашего горького рабства… Чехословакия принесла нам не свободу, но рабство. На русскую школу не получили мы ни цента, а президент Масарик дал на еврейскую гимназию в Мукачево 600 000 чешских крон…» [12: 1].

Симптоматично, что общественно-политическая активность русинских деятелей в США и все более критические материалы в отношении Чехословакии, регулярно появлявшиеся на страницах североамериканской русинской прессы, вызывали растущую обеспокоенность и нервозность в Праге, которая была озабочена сохранением своего демократического имиджа на Западе. Для противодействия критике в свой адрес чехословацкие власти нередко прибегали к мерам, которые явно противоречили репутации Чехословакии как свободной и демократической страны. Так, весной 1935 г. чехословацкий МИД методом прямых административных запретов воспрепятствовал доставке «Американского русского вестника» читателям в Чехословакии. Реагируя на данную акцию, в открытом письме главе чехословацкого МИДа 9 мая 1935 г. редакция газеты с сожалением писала: «Чехословацкая почта получила распоряжение от правительства Чехословацкой Республики, по которому наши газеты по неизвестной нам причине запрещены в Чехословакии. Такое распоряжение оправдывает тех, кто утверждает, что в Чехословакии нет свободы слова и печати. Такое распоряжение есть и знак неблагодарности со стороны чехословацкого правительства, ибо эти газеты имеют заслуги в создании Чехословацкой Республики. Эти газеты должны иметь право выразить мнение американского карпаторусского народа… хотя бы это мнение было не по вкусу правительственным кругам…» [13: 1].

Непосредственно касаясь политики чехословацких властей в русинском вопросе, редакция «Вестника» выражала сожаление в связи с тем, что «мы не всегда можем славить политику Чехословакии… Жизненные интересы подкарпаторусского народа требуют от нас, чтобы мы выразили свое негодование, когда мы видим, что правительственные круги Чехословацкой Республики не соблюдают условия мирного договора, в котором предусмотрена полная автономия для всех русских к югу от Карпат. До переворота "Вестник" часто выступал против мадьярского правительства, но вопреки этому никогда мадьярское правительство не запрещало простую доставку нашей газеты на территорию тогдашнего мадьярского государства…» [13: 1]. Таким образом, редакция газеты открыто указала чехословацким властям на то, что по степени толерантности

они уступают даже правительству Венгрии времен до начала Первой мировой войны.

В связи с радикализацией определенной части украинского движения и все более явной связью лидеров украинских национальных радикалов с нацистской Германией в середине 1930-х гг. в политике Праги в русинском вопросе наметились определенные изменения тактического характера, которые в большей степени учитывали пожелания русофильской интеллигенции Подкарпатской Руси. Примечательным в этом отношении было поведение Высшего административного суда Чехословакии. 26 июня 1935 г. он принял решение № 5.136/33 о том, что, в соответствии с законом, языком местного славянского населения Подкарпатской Руси является язык русинский, русский (малорусский), а национальность этого населения определяется как русская (малорусская). Суд также постановил, что любое другое обозначение, например украинский язык, является в соответствии с законодательством недопустимым. Решение Высшего административного суда, являясь ситуативным и «беспрецедентным в истории Первой Чехословацкой Республики» [22: 555], вынужденно делало некоторый шаг навстречу карпаторусской интеллигенции Подкарпатской Руси, выступавшей с позиции общерусского единства.

Вместе с тем подобный вердикт означал вмешательство Высшего административного суда в сферу компетенции будущего парламента Подкарпатской Руси, которому, в соответствии с законодательством, отводилось право принятия окончательного решения вопроса о языке и национальности местного населения. Карпаторусская общественность Чехословакии и США, не ожидавшая подобного развития событий, осторожно приветствовала решение Высшего административного суда. Комментируя данное решение, «Американский русский вестник» назвал его «сенсационным», отметив его «чрезвычайное значение» и констатировав, что именно оно «показывает властям путь решения языкового вопроса» [14: 1].

Ожесточенное мировоззренческое противоборство сторонников русской и украинской национальной ориентации, характерное для межвоенной Чехословакии, затронуло и многочисленную карпаторусскую диаспору в Северной Америке. При этом «Американский русский вестник» традиционно являлся активным и убежденным противником идеологов украинского движения и украинской пропаганды. «Здешние украинские газеты тенденциозно называют нас прикарпатскими украинцами, а нашу родную землю – "Прикарпатской Украиной". Мы очень хорошо знаем те не столь давние времена, когда все нынешние украинцы назывались галицийскими руснаками и понятия не имели о том, что значит

слово украинец, – с явной иронией писала газета в феврале 1930 г. – Мы знаем, что украинизм есть творение немецкой политики, которая не хотела, чтобы подкарпатский и галицийский русский народ объединился и добился свободной национальной жизни. Немецкая политика и гроши сотворили в Галиции украинизм на стыд и поругание русского народа. Усилия лукавых украинцев затянуть наш карпаторусский народ в украинское болото были напрасны…» [12: 2].

Касаясь собственной позиции в полемике русофилов и украинофилов, «Американский русский вестник» подчеркивал, что «газета наша как орган нашей русской организации всегда будет на страже и… энергично выступит против тех, кто… против воли народа нашего переменить бы хотел наше честное русское имя. Мы русский народ… наш язык русский, наша культура, наш дух, наши традиции суть русские. Есть среди нашего народа в старом краю несколько украинских авантюристов… Волошин, Бращайко и их компания могут быть уверены, что рак украинизма никогда не расширится на теле русского народа. …Мы русские люди, и сие наше имя никогда не изменим на украинцев» [15: 2]. По словам издания, «постыдная и антирусская» деятельность украинцев «убедила нас в том, что украинизм не имеет никаких корней среди нашего народа» [15: 2]. Впрочем, редакция газеты несколько недооценивала успехи украинского движения в Подкарпатской Руси, где ему, в отличие от русинских областей Восточной Словакии, в силу самых разных причин удалось пустить корни среди местного населения в течение межвоенного периода.

Колоссальное внимание на страницах «Американского русского вестника» традиционно уделялось языковому вопросу и месту русского литературного языка в культурной жизни карпатских русинов; при этом русский литературный язык в соответствии со взглядами карпаторусских будителей XIX в. трактовался как общий язык и продукт совместных культурных усилий всех восточнославянских народов, а украинскому литературному языку, по сути, отказывалось в праве на самостоятельное существование. Апеллируя к примеру наиболее развитых народов Западной Европы, «Вестник» отмечал, что «местные различия в языке имеются во всех странах, но французы, немцы, англичане изучают в школах только один литературный язык. …От Карпат до Камчатки имеется бесчисленное множество местных говоров, но, однако, русский язык остается единым. Его высшей формой является литературный язык, созданный гениальными усилиями Ломоносова, Державина, Пушкина, Гоголя… Только этот язык называем мы русским языком. Местные наречия не имеют ни богатства, ни силы, ни величия литературного

языка. Существуют наречия ярославское, смоленское, белорусское, малорусское, галицкое, карпаторусское и очень много других. Но это только малые ручьи и речки, из которых образовался наш великий язык…» [16: 2].

Острый внутриполитический кризис в Чехословакии в 1938 г., вызванный национальным движением судетских немцев и вмешательством нацистской Германии, широко и подробно освещался на страницах «Американского русского вестника». Его редакция обращала пристальное внимание на то, что накануне Мюнхенского сговора отношение официальной Праги и чешского общества к вопросу подкарпаторусской автономии, к русофилам Подкарпатской Руси, а также к русским в целом резко изменилось в лучшую сторону. В день начала работы международной конференции в Мюнхене 29 сентября 1938 г. «Американский русский вестник» с удовлетворением констатировал, что «никогда еще в Чехословакии так хорошо не относились к русским, как теперь. Все русское там пользуется необыкновенными симпатиями. В представлении рядового чеха каждый русский – их союзник. Затруднения, переживаемые Чехословакией, отразились на положении русского населения в Подкарпатской Руси…. Раньше местные власти способствовали украинизации населения, теперь украинофилы лишены всякой поддержки, и движение их сходит на нет…» [17: 1].

Предоставление автономии Подкарпатской Руси и кратковременная деятельность в ней русофильского правительства А. Бродия были позитивно восприняты «Американским русским вестником». Однако смещение и арест Бродия чехословацкими властями и приход к власти лидера украинского движения в регионе А. Волошина, поддерживавшегося Германией, последовавшая за этим насильственная украинизация Подкарпатья и последующая трансформация Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину вызвали крайне негативную реакцию «Вестника». Политика Волошина в целом и его ориентация на Берлин вызывали категорическое неприятие русинской общественности в Северной Америке. «Украинизация Подкарпатской Руси, произведенная под давлением Германии, не встречает сочувствия в населении Подкарпатья. Оно искони тяготеет к России… Карпаторосы вовсе не почитают себя украинцами», – писал 24 ноября 1938 г. «Американский русский вестник» [18: 1].

В июне 1939 г., уже после окончательной оккупации Подкарпатья Венгрией, газета опубликовала любопытное свидетельство о положении в Подкарпатской Руси при режиме Волошина побывавшего там в то время английского журналиста Регинальда Гю, который отмечал атмосферу всеобщего страха и подозрительности в столице края Ху-

сте. «Хуста я не узнаю. Он перенаселен, улицы полны, но молчаливы. Русские при встрече молча снимают шляпы и на вопросы отвечают шепотом, оглядываясь… Улицы полны украинскими провокаторами. Они подслушивают и доносят… Во главе всех гимназий ныне украинцы и в значительной части из Галиции. Местные украинцы считаются недостаточно радикальными, – писал о ситуации в Подкарпатье при режиме Волошина английский журналист. – Первым актом правительства Волошина и Ревая было негласное учреждение концентрационных лагерей. Они населены русскими людьми всех рангов и классов» [19: 3]. Тревожная ситуация в Подкарпатской Руси, травля, дискриминация и систематические преследования сторонников русской ориентации со стороны украинских националистов привлекли внимание Всеамериканского русинского конгресса, состоявшегося в феврале 1939 г. в Нью-Йорке. Его участники единодушно осудили террор против русинских крестьян и интеллигенции в Подкарпатской Руси.

Стремительное фиаско только что провозглашенного государства «Карпатская Украина» во главе с Волошиным, которое было молниеносно оккупировано хортистской Венгрией, и полная ликвидация Чехословакии 15 марта 1939 г. нацистской Германией не вызвали какого-либо сочувствия русинской общественности Северной Америки, которая усматривала причины произошедшей трагедии в изъянах национальной политики самой Праги. «Падение Чехословакии вызвали сами чехи, когда корыстно управляли народами, входящими в состав республики. Согнали на Подкарпатскую Русь со всего мира украинскую сволочь, чтобы те вызвали языковой спор… Чехов покарал не Гитлер, а Божье провидение…», – так жестко и без какого-либо сочувствия к поверженной нацистами Чехословакии резюмировал «Американский русский вестник» 16 марта 1939 г., комментируя известия об окончательной оккупации чешских земель фашистской Германией и провозглашении протектората Богемия и Моравия в составе нацистского рейха [20: 2].

Впрочем, тесные контакты с украинским движением в межвоенный период официальная Прага поддерживала не только в культурно-образовательной сфере, но и по более деликатной линии спецслужб. По свидетельству хорошо информированного высокопоставленного советского разведчика П. Судоплатова, «…в Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей. У президента Бенеша были с Коновальцем отношения еще со времен Первой мировой войны. Однако когда ОУН вышла из-под контроля властей и осуществила убийство Перацкого, эти отношения ухудшились» [5: 27]. Отмечая политическую разнородность сил, сотрудничавших с украинскими националистами, Судоплатов констатировал, что поддержку украин-

скому националистическому движению «оказывали Гитлер в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Дольфус» [5: 157]. Более того, он даже утверждал, что убивший министра внутренних дел Польши Перацкого в 1934 г. боевик ОУН Мацейко «бежал через Карпаты в Чехословакию», поскольку его подружка, «украинская террористка Чемеринская организовала его побег в Чехословакию, использовав свои связи в чешской полиции» [5: 27].

При всем скептическом отношении к мемуарам Судоплатова как к историческому источнику его свидетельства заслуживают внимания с учетом общего контекста чехословацкой политики в украинском вопросе в межвоенный период. Так, «уже в конце 1918 г. правительство Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) имело в Праге свое неофициальное представительство во главе с профессором С. Смаль-Стоцким и позже К. Левицким, первым главой правительства ЗУНР… Примечательным является и тот факт, что в войсках ЗУНР с согласия чехословацкого правительства и к неудовольствию польских властей служил ряд чехословацких офицеров… Понимание со стороны Масарика и его тесные связи с рядом ведущих украинских политиков сделали возможной работу дипломатической миссии Украинской Народной Республики в Праге…» [22: 540]. Более того, «в годы польско-украинской войны, когда чешско-украинские отношения достигли своего пика, украинская сторона с тактическими целями весной 1920 г. предложила даже смелый план федеративного объединения Восточной Галиции с Чехословакией… Межвоенная Чехословакия, – отмечает чешский историк Д. Свобода, – стала главным европейским центром украинских беженцев. Здесь возникли десятки украинских образовательных и просветительских центров, обществ и издательств под самыми разными политическими флагами» [22: 543]. При этом многолетняя щедрая материальная поддержка украинских культурно-просветительских организаций со стороны официальной Праги часто использовалась украинскими активистами в собственных политических целях. Так, в отчете полицейского управления в Ужгороде за 1937 г. с тревогой указывалось, что главная украинская культурно-просветительская организация в регионе – «Просвита» – потратила миллионную правительственную субсидию «исключительно на политические цели» [22: 556]. Руководство ужгородской полиции было вынуждено констатировать в своем отчете за 1937 г., что «украинцы создают видимость лояльности к чехословацкому государству» [22: 556].

Подобная политика со стороны Чехословакии оказалась в итоге провальной, поскольку усилившееся украинское движение сыграло существенную роль в расшатывании и дестабилизации положения

в ЧСР, выступив в роли одного из инструментов политики Гитлера в Карпатском регионе. Именно об этой опасности задолго до трагедии 1939 г. предупреждала карпаторусская пресса как в Чехословакии, так и в США, включая ведущее карпаторусское издание Северной Америки – газету «Американский русский вестник».

Таким образом, публикации одного из ведущих печатных органов карпаторусской диаспоры США являются ценным и пока не в полной мере востребованным историческим источником по истории карпатских русинов в начале XX в. и в межвоенный период. Материалы, публиковавшиеся на страницах газеты, содержат ряд важных, зачастую уникальных сведений об отношении карпаторусской общественности США к зарождению и развитию украинского движения в Карпатском регионе, к вопросам политической и государственно-правовой организации карпатских русинов после Первой мировой войны, а также к самым разным аспектам положения карпатских русинов в составе межвоенной Чехословакии.

При этом главным содержательным вектором публикаций газеты «Американский русский вестник» было постепенное нарастание критики в отношении русинской политики Праги. Чехословацкие власти вызывали негативное отношение со стороны русинской общественности США как из-за нарушения своего обязательства о предоставлении широкой автономии Подкарпатской Руси, так и по причине проукраинской направленности своей образовательной и культурной политики в Карпатском регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американский русский вестник. Гомстед, ПА. 1922. № 14. С. 2.
2. Народна Обрана. Homestead, PA. 1917. № 2. С. 1.
3. Народна Обрана. Homestead, PA. 1917. № 5. С. 1.
4. Народна Обрана. Homestead, PA. 1917. № 8. С. 2.
5. *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1999. 287 с.
6. *Суляк С.Г.* «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» как важный источник по истории Подкарпатской Руси межвоенного периода // Русин. 2019. № 57. С 195–229. DOI: 10.17223/18572685/57/12
7. Archiv Kanceláře prezidenta republiky (далее AKPR). Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Karton 1. Ministerstvo pošt a telegrafů – úprava poměrů v Rusínsku.
8. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Karton 1. Zpráva ing. J. Nečase o poměrech na Podkarpatské Rusi.
9. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1919. № 34. S. 2.

10. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1930. № 31. S. 2.
11. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1927. № 9. S. 1
12. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1930. № 9. S. 1–2.
13. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1935. № 19. S. 1.
14. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1935. № 32. S. 1.
15. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1929. № 34. S. 2.
16. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1934. № 4. S. 2.
17. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1938. № 39. S. 1.
18. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1938. № 47. S. 1–2.
19. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1939. № 23. S. 3.
20. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1939. № 11. S. 2.
21. *Magocsi P.R.* Amerikansky Russky Viestnik // Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition / Ed. by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop. Toronto: University of Toronto Press, 2005. P. 4.
22. *Svoboda D.* Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // Slovanský přehled. Review for Central, Eastern and Southeastern European History. 2008. № 4. S. 539–558.

REFERENCES

1. *Amerikanskiy russkiy viestnik*. (1922). 14. p. 2
2. *Narodna Obrana*. (1917a). 2. p.1.
3. *Narodna Obrana*. (1917b). 5. p. 1.
4. *Narodna Obrana*. (1917c) 8. p. 2.
5. Sudoplatov, P.A. (1999). *Spetsoperatsii. Lubyanka i Kreml' 1930–1950 gody* [Special Operations. Lubyanka and the Kremlin]. Moscow: Olma-Press.
6. Sulyak, S.G. (2019) Journal "Free Word: Carpatho-Russian Monthly" as an Important Source on the History of Subcarpathian Rus in the Inter-War Period. *Rusin*. 57. pp. 195–229 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/12
7. Archiv Kanceláře prezidenta republiky (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. File 1. Ministerstvo pošt a telegrafů – úprava poměrů v Rusínsku.
8. Archiv Kanceláře prezidenta republiky (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. File 1. Zpráva ing. J. Nečase o poměrech na Podkarpatské Rusi.
9. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1919) 34. p. 2.
10. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1930a) 31. p. 2.
11. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1927) 9. p. 1
12. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1930b) 9. p. 1–2.
13. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1935a) 19. p. 1.
14. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1935b) 32. p. 1.
15. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1929) 34. p. 2.
16. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1934) 4. p. 2.
17. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1938a) 39. p. 1.
18. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1938b) 47. pp. 1–2.

19. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1939a) 23. p. 3.
20. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1939b) 11. p. 2.
21. Magocsi, P.R. (2005) Amerikansky Russky Viestnik. In: Magocsi, P.R. & Pop. I. (eds) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto: University of Toronto Press. p. 4.
22. Svoboda, D. (2008) Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice [Ukrainian Question in Czech interwar political thought and politics]. *Slovanský přehled. Review for Central, Eastern and Southeastern European History*. 4. pp. 539–558.

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в Минске (Беларусь).
Kirill V. Shevchenko – Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).
E-mail: shevchenkok@hotmail.com

УДК 94(473)"1918-1938"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/9

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ РУСИНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ (1918–1938 гг.)

Т.В. Пиковская

Винницкий национальный аграрный университет
Украина, 21000, г. Винница, ул. Солнечная, 3
E-mail: tetiana.pikovska@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена национальному вопросу в программах русинских политических партий в период пребывания Закарпатья в составе Первой Чехословацкой Республики (1918–1938 гг.). Исследованы программы русинских политических партий. Установлено, что основным требованием большинства из них было предоставление автономии Подкарпатской Руси. Отказ чехословацкой власти исполнить это требование привел к обострению политической ситуации в крае. Двумя наиболее мощными идеологическими направлениями были украинофильство и русофильство. Полиэтничность населения Закарпатья способствовала развитию партий других национальных меньшинств – венгерской, польской, цыганской, еврейской. Также в Подкарпатской Руси были достаточно популярны общегосударственные партии – Коммунистическая и Чехословацкая социал-демократическая. Они – одни из немногих в межвоенной Чехословакии – были построены не на национальной, а на идеологической основе. Максимальное количество политформирований в период пребывания Закарпатья в составе Чехословакии – 30. Большинство из них возникли после 1918 г., в то время как процесс создания подавляющего большинства чешских и словацких партий происходил во второй половине XIX – начале XX в., т. е. это были новые политические партии, пребывавшие на начальном этапе развития и не имевшие четкой организационной структуры.

Ключевые слова: Чехословакия, Подкарпатская Русь, русины, политические партии, национальные меньшинства, политические программы.

NATIONAL ISSUE IN THE PROGRAMS OF RUSIN POLITICAL PARTIES IN THE FIRST CZECHOSLOVAK REPUBLIC (1918–1938)

T.V. Pikovska
Vinnytsia National Agrarian University
3 Sonyachna Street, Vinnytsia, 21000, Ukraine
E-mail: tetiana.pikovska@gmail.com

Abstract

The article focuses on the national issue in the programs of Rusin political parties during the Transcarpathian stay in the First Czechoslovak Republic (1918–1938). The author claims that the main requirement of most of political parties was the autonomy of Subcarpathian Rus. The refusal of the Czechoslovak authorities to comply with this demand led to an aggravation of the political situation in the region. The two most powerful ideological trends were Ukrainophilism and Russophilia. The multiethnicity of the Transcarpathian population contributed to the development of parties of other national minorities – Hungarian, Polish, Roma, and Jewish. The statewide parties were also popular in the region – the Communist and Czechoslovak Social Democratic. These two parties were among those few in the interwar Czechoslovakia that were built on the ideological rather than national basis. The highest number of parties during the period when Transcarpathia was part of Czechoslovakia was 30. Most of them emerged after 1918, while the process of formation of the overwhelming majority of Czech and Slovak parties took place in the second half of the 19th – early 20th centuries. Thus, these were new political parties at the initial stage of their development and without a clear organizational structure.

Keywords: Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, Rusins, political parties, national minorities, political programs.

10 сентября 1919 г., согласно Сен-Жерменскому договору, Закарпатье вошло в состав Чехословакии под названием «Подкарпатская Русь». Стоит отметить, что русины в составе Чехословакии оказались разделены административными границами. Пряшевская Русь, на территории которой проживало 250 тыс. русинов, стала частью Словакии [19: 25]. Политическая система Первой Чехословацкой Республики (ЧСР) способствовала привлечению к политической жизни широких

слоев населения и, соответственно, появлению большого количества партий. Значительное влияние на характер политических формирований Подкарпатской Руси имело социально-экономическое положение края. На момент вхождения в состав ЧСР Закарпатье было отсталым аграрным краем с незначительным количеством интеллигенции. Состав населения, как национальный, так и религиозный, был чрезвычайно многообразен. Соответственно, идеологические концепции политических партий тоже были весьма разнообразными. Часть из них была принесены с Запада при посредничестве эмиграции. Это способствовало созданию большого количества политических организаций.

Целью настоящей статьи является базирующийся на принципах системности, научности, историзма анализ политических программ партий Подкарпатской Руси в контексте решения национального вопроса.

Источниковой базой для исследования указанной в статье проблематики стали фонды, хранящиеся в Государственном архиве Закарпатской области (ГАЗО). В частности, это фонды политических партий [8; 11; 12], а также личный фонд адвокатов Бращайко [9] и фонд «Гражданское управление Подкарпатской Руси» [10]. Кроме того, были исследованы публикации в периодических партийных изданиях [13] и опубликованные программы отдельных партий [14].

На современном этапе проведено большое количество научных исследований, посвященных межвоенной Чехословакии, в т. ч. истории Закарпатья в ее составе. Наиболее подробно эту проблему исследовали украинские, российские, чешские, словацкие историки. Стоит отметить работы таких авторов, как И. Поп, М. Вегеш, М. Барновский, М. Немцова, С. Суляк, П.Р. Магочий, М. Болдижар [1–3; 6; 7; 16; 18; 19]. Особенно стоит выделить работу М.Ю. Токаря [20], в которой автор исследует все основные политические течения на Подкарпатской Руси. Вместе с тем отметим недостаточный уровень исследования самих программ политических партий, а также влияния многонациональности на развитие Закарпатья.

В 1922 г. в крае насчитывалось 18 политических партий, через два года их количество достигло 30 [17: 127]. Часть этих партий были временными политическими образованиями. Они или быстро прекратили свое существование, или слились с более влиятельными партиями. Последних в Закарпатье насчитывалось около 13 [1: 83].

Политические организации на Закарпатье имели целый ряд отличий по сравнению с партиями других регионов республики. Первой особенностью партий края было то, что почти все они возникли после 1918 г., в то время как процесс создания подавляющего большинства

чешских и словацких партий происходил во второй половине XIX – начале XX в. Т. е. это были новые политические партии, пребывавшие на начальном этапе развития и не имевшие четкой организационной структуры.

Второй характерной чертой политической жизни Закарпатья было наличие чрезвычайно большого количества различных политических направлений и идеологий. Причина их появления состояла, в первую очередь, в чрезвычайной этнической и религиозной пестроте населения. Согласно переписи населения 1930 г., из общего количества населения Подкарпатской Руси (709 129 тыс. чел.) принадлежность к украинской, российской и русинской национальности определили 446 916 (63 %) граждан. Венгров в крае насчитывалось 109 472 (15,4 %), евреев – 91 255 (12,8 %), чехов и словаков – 33 961 (4,8 %), немцев – 13 246 (1,9 %), румын – 12 691 (1,8 %). Религиозный состав населения также отличался неоднородностью: 359 167 (50 %) грекокатоликов, 112 034 (15 %) православных, 102 542 (14,1 %) евреев, 69 260 (9,4 %) римо-католиков [2: 958]. Безусловно, национальный и религиозный факторы играли значительную роль в политической жизни других регионов страны, однако в Закарпатье их действие усиливалось проживанием большого количества представителей различных национальностей на небольшой территории [1: 86].

Среди русинского населения, которое составляло 63 % населения Подкарпатской Руси, не было единства в вопросе национальной принадлежности. В русинской среде существовало три культурно-национальных направления: русское, русинское и украинское. Принадлежность к одному из этих направлений была определяющим фактором идеологической ориентации политических партий Подкарпатской Руси. Такое многообразие не способствовало единству внутри русинского политического лагеря. По этому поводу П. Кокайсл отмечал: «Депутаты, представлявшие население Подкарпатской Руси, не могли договориться даже о едином способе использования языка: в зависимости от принадлежности к той или иной политической партии они предпочитали русский, украинский или язык, основанный на местных диалектах (язычие)» [15: 240].

Процесс образования партий происходил двумя путями: распространением деятельности общегосударственных политических формирований в крае и возникновением региональных партий на основе национального, религиозного, классового и других принципов. Общей чертой всех местных партий стало наличие в их политических программах требований о предоставлении автономии Подкарпатской Руси, урегулировании вопроса границы края со Словакией, созыве местного сейма. Поскольку две трети населения Закарпатья состав-

ляли крестьяне, подавляющее большинство партий имело характер крестьянских [2: 957].

Одной из таких являлась Карпаторусская трудовая партия (КТП), которая была основана 12 июля 1920 г. под руководством А. Гагатки, И. Цуркановича и Ю. Гаджеги [10]. Политическая программа, принятая в день создания партии, указывала на ее явное русофильское направление. Она состояла из трех разделов. В первом разделе, который назывался «Политическая программа», партия требовала предоставления автономии Подкарпатской Руси, открытия сейма, введения русского языка как государственного, установления границ между Подкарпатской Русью и Словакией по этническому признаку. Для других народностей, проживавших на территории Подкарпатской Руси, она требовала соблюдения прав на свободное культурно-национальное развитие. Из содержания программы понятно, что жителей Подкарпатской Руси идеологи партии считали частью «великорусского народа». Подтверждением этого являются неоднократные политические заявления лидеров КТП, в которых они высказывались за включение Закарпатья в состав России, имея в виду Россию дооктябрьской эпохи [15: 3].

Карпаторусская трудовая партия требовала срочного предоставления автономии и протестовала против экономической политики правительства. Будучи лояльной к чехословацкой власти, она выступала за территориальную целостность государства.

Заметное положение в крае занимала организация проукраинского направления – Русская хлеборобская (земледельческая) партия (РХ (З) П) [11]. Идея ее создания возникла в среде украинских политических сил, объединенных вокруг общества «Просвіта». Непосредственными инициаторами ее создания стали А. Волошин, М. Бращайко, Ю. Бращайко, А. Штефан. Председателем партии был избран А. Товт [2: 960].

Официально партия была основана 15 июля 1920 г. В тот же день была принята ее программа. Она состояла из семи основных разделов. В первом разделе, который назывался «В государственно-правовых делах», партия требовала «объединить всех русинов от Попрада до Тисы», «предоставить широкую автономию Подкарпатской Руси» и «обеспечить мирное сосуществование национальных меньшинств в Подкарпатской Руси» [9]. Ее позиция по национальному вопросу также была высказана в третьей главе «В делах просвещения». В нем РХ(З)П требовала внедрить законодательным путем в школах и государственных учреждениях местный русинский язык [9]. Остальные разделы программы были посвящены социально-экономическим и религиозным вопросам.

Национальный вопрос в программе был представлен достаточно умеренно, лидеры партии не выдвигали никаких радикальных требований, ограничиваясь просьбой предоставить Подкарпатской Руси обещанную автономию. Следует отметить, что в течение всего периода своей деятельности партия в целом поддерживала политику чехословацкой власти.

Влиятельной политической организацией в крае был Подкарпатский земледельческий союз (ПЗС), основанный 10 июня 1920 г. В. Рижаком. На учредительном съезде партии была принята политическая программа, автором которой был Й. Каминский [18: 306]. Национальный вопрос рассматривался во втором разделе программы, который носил название «Политические требования». Там говорилось: «Требуем установления границ от Попрада до Белой Тисы для объединения всех русинов республики и немедленного утверждения автономии со своим русским языком» [10]. Кроме того, партия требовала «полного обеспечения прав национальных меньшинств, предоставленного мирными договорами» [10].

Партия активно критиковала централизованную политику пражских властей. Именно по ее инициативе 22 марта 1922 г. было опубликовано совместное заявление двенадцати политических партий Подкарпатской Руси о несогласии с политикой властей в крае. Отмечалось, что власть предпринимает шаги для улучшения положения Подкарпатской Руси в экономической, социальной и культурной сферах. Однако это не способствует решению политического кризиса в крае, суть которого заключается в ее недостаточном представительстве как в исполнительной, так и законодательной власти. В заявлении высказывались требования предоставления автономии, созыва местного сейма, а также решения вопроса об установления границ между Подкарпатской Русью и Словакией. Это заявление было подписано представителями не только русинских партий, но и венгерских и еврейских политформирований, действовавших в крае, а также двух общегосударственных партий – Коммунистической и филиала Аграрной партии Подкарпатской Руси. К сожалению, такое широкое объединение всех политических сил края было недолгим. Фактически оно ограничилось общим подписанием этого заявления.

Поскольку власть не осуществила никаких активных действий по внедрению автономии, четыре русинские оппозиционные партии – ПЗС, КТП, РХ(С)П и Земледельческая автономная партия (ЗАП) – решили начать организационную работу по осуществлению партийного объединения [20: 86]. Созданная в начале 1922 г. объединенная политическая партия получила название Русинская земледельческая

автономная партия (РЗАП). В феврале 1923 г. она в своем меморандуме к власти выдвинула требования, при условии выполнения которых она согласна отойти от оппозиционной политики и сотрудничать с руководством страны. Это были уже традиционные требования проведения выборов в сейм Подкарпатской Руси, внедрения обещанной автономии, установления границ со Словакией. Позже они были дополнены требованиями внедрения местного языка в школах, помощи культурно-просветительскому обществу «Просвіта» [1: 87].

Заявление РЗАП поддержала Республиканская земледельческая партия (РЗП), которая была филиалом Чехословацкой республиканской партии (ЧРП). Это было обусловлено тем, что премьер-министр А. Швегла, возглавлявший последнюю, видел в РЗАП основу для возможного сотрудничества в крае. РЗП выразила свое согласие сотрудничать во «всех культурных, экономических и политических вопросах» с РЗАП [4: 45].

22 июня 1922 г. на съезде в Мукачево РЗП объединилась с РЗАП, образовав новую политическую организацию под названием Карпаторусская земледельческая республиканская партия (КЗРП). На ее съезде 19 августа 1923 г. лидер словацких аграриев М. Годжа в своем выступлении призвал КЗРП влиться в ряды чехословацких аграриев и поддержать политику властей. Именно это предложение о вступлении в ЧРП, а также вопросы, связанные с назначением губернатора Подкарпатской Руси, вызвали раскол внутри партии. В конце 1923 г. из состава объединения вышли ПЗС и ЗАП. Таким образом, потерпели неудачу попытка создания большой объединенной русинской партии, а также возможность правящей ЧРП получить политическое преимущество в крае путем привлечения этой партии в свой состав [4: 45].

ПЗС и ЗАП 10 января 1924 г. образовали новую организацию, названную Автономный земледельческий союз (АЗС) [18: 74]. Партию возглавил И. Куртяк, замененный через несколько лет А. Бродием.

26 января 1924 г. в Хусте состоялся конгресс, на котором была утверждена программа партии, состоявшая из трех разделов. Национальный вопрос освещался в третьем разделе программы «Политические требования». Основные его положения сводились к таким требованиям, как скорейший созыв сейма и проведение выборов в парламент, предоставление широких полномочий губернатору края, свобода мысли и собраний, обеспечение прав национальных меньшинств, гарантированных мирным договором, и пропаганда мирного сосуществования народов, проживающих в Подкарпатской Руси. Программа также содержала пункт о несогласии с централизованной политикой власти и создании из Карпатской Руси единой административно-территориальной единицы [8].

Стоит отметить, что партия тайно сотрудничала с венгерскими политическими силами и регулярно имела финансовую поддержку Будапешта. И. Куртяк, получивший депутатский мандат, активно призывал к внедрению автономии Подкарпатской Руси не только на общегосударственном, но и на международном уровне. Он был автором нескольких меморандумов, представленных в Лигу Наций, где требовал содействия международного сообщества в решении вопроса автономии Подкарпатской Руси. В 1929 г. АЗС вместе с КТП и Русской национально-автономной партией (РНАП) образовала Русский национальный блок. По результатам выборов 1929 г. Русский национальный блок получил 18,2 % голосов и оказался в числе сильнейших закарпатских партий [4: 51]. Однако сразу же после выборов из-за внутренних противоречий объединение распалось.

Идеологические противоречия между партиями, а также политические амбиции их лидеров были настолько большими, что делали невозможным их объединение и сотрудничество между ними. Особенно значимые различия существовали между партиями проукраинской и пророссийской ориентации. Наиболее острыми вопросами для них были проблемы языковой и национальной принадлежности местного населения. На развитие взаимоотношений между партиями влияли политические события в соседних государствах, а также деятельность русской и украинской эмиграции в Чехословакии.

Не только русинские партии были разделены на украинофильские и русофильские, но и общегосударственные политформирования выражали свои симпатии тому или иному направлению. Партии проукраинского направления поддерживали ЧСДРП и ЧНП. Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) в Подкарпатской Руси сначала склонялась к пророссийской ориентации [4: 51].

Стоит отметить, что коммунисты неизменно пользовались большой популярностью среди населения Подкарпатской Руси, о чем свидетельствуют результаты выборов. Вот причины, которые способствовали популяризации коммунистических идей среди населения: низкий уровень политической культуры жителей края, демократичность и многопартийность государственной системы, актуальность социальных требований во вновь возрожденном обществе [3: 85].

В середине 1920-х гг. взгляды коммунистов на национальный вопрос в Подкарпатской Руси изменились. В 1924 г. состоялся V конгресс Коминтерна, который поставил перед компартиями задачу большевизации. Его резолюция по национальному вопросу содержала и раздел об украинском вопросе в Польше, Румынии и Чехословакии [20: 192].

Под влиянием принятой резолюции 6 сентября 1925 г. в Мукачево состоялась VI краевая конференция КПЧ. На ней особое внимание ак-

центировалось на культурно-национальном аспекте, подчеркивалось этническое единство украинского народа. В течение следующих двух лет вопрос национальной принадлежности русинов к украинскому народу, их языковая и культурная общность стали приоритетными в деятельности крайкома КПЧ: «Мы – часть украинского народа, говорим на том же языке, что весь сорокамиллионный украинский народ». Таким образом, коммунисты в Подкарпатской Руси пополнили ряды проукраинских политических сил. Однако, как отметил М. Барновский, в отличие от всех других украинофилов, коммунисты были украинофилами советскими [1: 88]. Они безапелляционно заявили, что окончательно решить национальный вопрос сможет «только советский общественный строй» [20: 194].

Партии пророссийского направления поддерживали чехословацкие национальные социалисты и часть аграриев.

Властные круги ЧСР сначала поддерживали украинский политический лагерь, с недоверием относясь к партиям пророссийского направления. Наиболее негативно воспринимались венгерские политические партии. По мнению пражской власти, политические формирования этого направления были сторонниками венгерского ирредентизма.

В конце 1920-х гг. в Подкарпатской Руси значительно усилилось влияние проукраинских политических партий. Это было обусловлено ростом национального самосознания местного населения в условиях демократического государства, деятельности украинской эмиграции как за границей, так и в ЧСР, переходом на проукраинские позиции КПЧ.

Именно в тот период отношение чехословацкой власти к украинскому движению в Подкарпатской Руси меняется. Прежде всего это было обусловлено образованием Организации украинских националистов (ОУН) в 1929 г. Созданные ОУН филиалы в других государствах значительно усилили активность украинской эмиграции. Беспокойство руководства ЧСР вызвала деятельность получившего широкую известность в крае крайкома КПЧ, который был в постоянном противостоянии с властью, занимая при этом проукраинскую позицию. Эти факторы способствовали охлаждению отношений между пражской властью и проукраинскими партиями [1: 88].

Следует отметить, что опасения властей Чехословацкой Республики по поводу возможного ирредентизма проукраинских партий в крае в общем были беспочвенны. По этому поводу П.Р. Магочий отмечал: «Все же было бы неверно характеризовать украинское движение в Подкарпатской Руси как ирредентистское и враждебное государственному единству. За исключением нескольких иммигрантских групп

и легкомысленных заявлений нескольких лидеров, большинство украинофилов (впрочем, даже коммунисты) были за дальнейшее существование Чехословакии. Если русофильские автономисты искали расположения в Варшаве и Будапеште, украинофилы в основном занимались независимостью и автономией, но в пределах Чехословацкой Республики» [16: 141].

Постепенно, с обострением конфликтов между партиями проукраинского и пророссийского направления, власти начали рассматривать возможность найти опору в крае в политическом русинизме. В отличие от других направлений, русинское движение не имело ни четко определенной национальной идеологии, ни собственной политической партии. Главным требованием сторонников этого направления было внедрение в крае местного русинского языка. Опорой его было крестьянство, которое составляло подавляющее большинство населения. Кроме того, его поддерживала значительная часть грекокатолического духовенства [1: 88].

С началом 1930-х гг. политическая ситуация в крае постепенно обострилась. Одной из главных причин этого обострения стало отсутствие обещанной автономии Подкарпатской Руси. Промедление в предоставлении автономии пражская власть объясняла неготовностью русинов к самоуправлению как в экономическом, так и в политическом контексте. Это усиливало радикализацию политического движения в Закарпатье.

В середине 1930-х гг. появилась новая партия, которая начала активно претендовать на лидерство среди русофильских движений, – Русская национально-автономная партия (РНАП), основанная 3 марта 1935 г. в Хусте. Лидером организации был избран С. Фенцик [7: 84]. Ее программа была принята 31 марта 1935 г. Первый и третий разделы содержали позицию РНАП по национальному вопросу.

В первом разделе «Политико-правовая часть» партия требовала предоставления широкой автономии Подкарпатской Руси и установления границ со Словакией. В нем содержалось видение идеологами формирования будущего автономного устройства края. В частности, партия требовала всю власть в крае передать губернатору, провести местные выборы в сойм Подкарпатской Руси и назначить на должности чиновников местных жителей.

Языковой вопрос должен был быть решен путем расширения использования русского языка во всех сферах общественной жизни. В частности, провозглашалась необходимость ведения делопроизводства в органах государственной власти, судах, школах и воинских частях Подкарпатской Руси на русском языке, а также издание на нем законов для края.

В третьем разделе под названием «Национально-культурная часть» партия требовала расширения культурных прав населения края, открытия театров, библиотек, собственного Подкарпатского университета и радиостанции. Также раздел содержал острый протест против чехизации и денационализации и призывал местное население «укрепиться в национализме». При этом провозглашалось доброжелательное отношение к другим национальностям [20: 135].

В целом позиция РНАП по национальному вопросу существенно не отличалась от взглядов других русофильских политических партий. Единственным отличием было более резкое, радикально-националистическое выражение своих взглядов. Стоит отметить, что в значительной степени такая позиция партии объяснялась мощной финансовой поддержкой со стороны венгерских и польских партий, стремившихся использовать РНАП для усиления политической нестабильности в крае.

В проукраинском политическом лагере в середине 30-х гг. тоже появилась новая партия, претендовавшая на роль лидера. Это была Украинская крестьянская партия (УКП), созданная по инициативе известной активистки Пряшевщины И. Невицкой 7 апреля 1935 г. в Ужгороде [2: 962].

На учредительном собрании было объявлено, что главной причиной создания партии было отсутствие единой национальной украинской организации, которая бы объединила все формирования украинофильского направления. Именно такое объединение партия провозгласила целью своей деятельности. Несмотря на смелость заявлений, она так и не сумела выработать целостную программу. Свои политические цели партия описывала в нескольких программных положениях, которые выходили в еженедельнике «Народная сила». Решение национального вопроса организация считала возможным путем предоставления «правдивой, полной автономии и выборов в сейм, чтобы народ мог избирать своих представителей» [20: 211].

Кроме того, УКП требовала, «чтобы все должности заняли на Подкарпатье правдивые представители, то есть сыновья украинского народа». При этом чиновники других национальностей, которые работали в местных органах власти, должны были сдать экзамен по украинскому языку [20: 212].

Эти программные положения существенно не отличались от заявлений других проукраинских партий края. Следует отметить, что главные задачи организации менялись в соответствии с изменениями политической ситуации в крае, что не способствовало усилению ее популярности.

Объединительная роль, которую пыталась взять на себя УКП, подверглась критике как среди населения края, так и среди проукраинских политических организаций. Прежде всего критиковались программные положения партии, в которых отсутствовала ее позиция по нескольким важным вопросам общественно-политической жизни. В частности, это касалось проблем крестьянства, которое составляло основу населения края [20: 139].

В середине 30-х гг. изменения произошли и в политической программе одной из самых популярных партий в Подкарпатской Руси – КПЧ. В то время перед коммунистами появились важные вопросы того времени – поиск союзников и целесообразность требования автономии края.

Одним из важных факторов, повлиявших на дальнейшие действия КПЧ в Закарпатье, стала перспектива фашизации Европы. Выдвигая общепринятый тезис об угрозе фашизма и объединения совместных усилий для борьбы с ним, члены крайкома КПЧ прежде всего надеялись возглавить это движение и под его демократическими лозунгами продолжить выполнение своих программных положений и реализацию долгосрочных целей. Такая политика стала следствием VII конгресса Коминтерна (в 1935 г.), в резолюции которого прямо отмечалось, что союз политических сил возможен в том случае, если он будет использован для эффективной реализации социалистического переворота [17: 248].

В то же время коммунисты изменили традиционное для всех автономных партий программное положение, касавшееся автономии края. В предвыборной кампании 1935 г. они заявляли, что «лозунг автономии есть только орудие для обмана трудящихся, на отрыв их от революционной борьбы за хлеб, работу и свободу» [17: 251]. Подобные лозунги можно рассматривать как предвыборный прием, попытку отмежеваться от остальных автономных партий в условиях мобилизации провенгерских автономно-политических сил. В дальнейшем коммунисты в вопросах автономии требовали от правительства выполнения взятых на себя обязательств.

Хотя коммунисты и находились в оппозиции к чехословацкой власти, они выступали за незыблемость границ и демократического устройства государства. Об этом заявил на встрече с премьером М. Годжи лидер закарпатских коммунистов А. Борканюк [5: 121].

В вопросе единения всех проукраинских политических сил края коммунисты занимали конкретную и неизменную позицию. На образование блока или союза с проукраинскими силами они идти не собирались, поскольку считали их буржуазно-помещичьими и клерикальными партиями [7: 208].

Обострение политической ситуации в Закарпатье заставило пражскую власть обратить внимание на проблему автономии Подкарпатской Руси. В ноябре 1935 г. конституционный комитет парламента выступил с инициативой начала переговоров, но премьер М. Годжа после переговоров с представителями политических партий Словакии и Подкарпатской Руси, увидев несовместимость их позиций по границе, отложил переговоры на целый год [17: 263].

Однако это промедление не устраивало партии Подкарпатской Руси. В августе 1936 г. пророссийские и проукраинские политические партии смогли достичь договоренности. С целью создания совместного проекта автономии Подкарпатской Руси они восстановили сотрудничество на базе Центральной русской народной рады (ЦРНР). Созданный ЦРНР проект был представлен 28 ноября 1936 г. [18: 396].

Главным принципом проекта автономии были провозглашены единство и неделимость территории ЧСР. В целом проект базировался на Сен-Жерменском договоре. Первым шагом к установлению автономии должен был стать созыв сейма Подкарпатской Руси. Согласно проекту, сейм имел право осуществлять власть во всех сферах общественно-политической и экономической жизни края. При этом он не имел права выводить Подкарпатскую Русь из состава ЧСР [4: 45].

Важным вопросом, по мнению авторов проекта, было установление границ автономии. Решение вопроса о границах с Румынией, Польшей и Венгрией в целом было понятно: «Границы Подкарпатской Руси с Польшей, Румынией и Венгрией тождественны границам Чехословакии». Значительно сложнее был вопрос о границе со Словакией. Ее с 1919 г. определяла демаркационная линия, не имевшая определенного официального характера, а потому вопрос оставался открытым. В проекте об автономии вопрос о границе быть решен следующим образом: «Определить западную границу автономии должен совместный комитет Национального собрания ЧСР и сейма Подкарпатской Руси не позднее, чем через год после первого заседания сейма». При определении линии границы ЦРНР предлагала принять во внимание «факты исторические, этнографические и статистические» [4: 45].

Проект автономии стал основой для переговоров ЦРНР с М. Годжей, которые начались 10 декабря 1936 г. Ведущую роль на переговорах со стороны закарпатских политических партий играли А. Волошин и Ю. Ревай. Они выразили свое несогласие с тем, что в Подкарпатской Руси подавляющее большинство административных должностей занимают чехи, а губернатор лишь символически представляет край, не имея при этом реальных полномочий.

Кроме того, А. Волошин требовал присоединения к Подкарпатской Руси части восточнославянских территорий от Попрада до Ужа. По-

следнее требование вызвало резкое несогласие премьер-министра, потому переговоры оказались неуспешными, проект ЦРНР, как и предыдущие проекты автономии Подкарпатской Руси, был отброшен властью [4: 47].

Переговоры по вопросу автономии Подкарпатской Руси были восстановлены в феврале 1937 г. Однако проект ЦРНР на них уже не обсуждался. В результате переговоров был издан т. н. «временный закон № 172», вступивший в силу в октябре 1937 г. Он определялся правительством как «первый этап установления автономии». Однако собственно автономия в нем предоставлена опять не была. Частично были увеличены полномочия губернатора. Он получил право назначать некоторых чиновников, иметь голос в делах конфессий и языков, возглавил земское правительство. Но вместо выборного сейма был создан совет из 24 членов, назначаемый губернатором [3: 26].

После Мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 г. Национальное собрание Чехословакии под давлением Германии приняло закон «Об автономии Словакии и Подкарпатской Руси». Премьер-министром автономии был назначен А. Волошин [19: 25]. 28 октября 1938 г. чехословацкое правительство приняло декрет о прекращении деятельности всех действовавших в Подкарпатской Руси политических партий [20: 315].

15 марта 1939 г. была провозглашена независимость «Карпатской Украины». В тот же день Венгрия предъявила ультиматум о передаче власти венгерским военным органам. 16 марта А. Волошин с ближайшими сподвижниками эмигрировал в Германию. К 18 марта венгерские власти полностью установили контроль над всей территорией края. Была создана т. н. Карпатская территория, делившаяся на три административные единицы. Государственными языками были объявлены венгерский и «угрорусский» (русинский). Венгерские власти поощряли политику ускоренного формирования «угрорусинского народа» [19: 25].

Таким образом, русинский национальный вопрос в ЧСР был представлен в программах многочисленных политических партий, действовавших в Подкарпатской Руси. Двумя наиболее мощными идеологическими направлениями были украинофильство и русофильство. Кроме того, среди местного населения большой популярностью пользовались партии других национальностей, что объясняется пестрой этнической картой края. Ведущую роль в политической жизни края играла проблема автономии Подкарпатской Руси. Нерешенность этого вопроса привела к обострению политической ситуации в крае и радикализации политических программ отдельных политформирований. Стоит отметить, что положение русинов, проживавших в

Подкарпатской Руси, было несколько лучше, чем русинов, живших в Восточной Словакии. Последние были лишены возможности требовать автономии, имели ограниченные возможности получать образование на русинском языке и реализовывать право на культурную самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Barnovský M.* Niekoľko poznámok k stranícko-politickej štruktúre Podkarpatskej Rusi // Česko-slovenská historická ročenka. 1997. № 1. S. 83–93.

2. *Němcová M.* Strany rusínské menšiny. Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004. 1. Díl: 1861–1938 / J. Upraveno Malíř, P. Marek a kol. Brno, 2005. S. 957–965.

3. *Pop I.* Malé dejiny Rusínov. Bratislava, 2008. 141 s.

4. *Švorc P.* Začlenenie Podkarpatskej Rusi do ČSR (1918–1938) // Česko-slovenská historická ročenka. 1997. № 7. S. 39–60 (59).

5. *Rupnik J.* Dějiny komunistické strany Československa. Praha, 2002. 285 s.

6. *Болдижар М., Болдижар С.* Державність на Закарпатті: Події, факти, оцінки. Ужгород, 2006. 380 с.

7. *Вегеш М., Фединець Ч.* Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура / Відп. за вип. М. Токар. Ужгород, 2010. 720 с.

8. Государственный архив Закарпатской области (далее ГАЗО). Ф. 1585. Оп. 1. Д. 32. Окружной секретариат Чехословацкой социально-демократической рабочей партии, г. Мукачево.

9. ГАЗО. Ф. 1056. Оп. 1. Д. 9. Личный фонд адвокатов Бращайко.

10. ГАЗО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 323. Гражданское управление Подкарпатской Руси.

11. ГАЗО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Христианско-народная партия. г. Ужгород.

12. ГАЗО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Краевой секретариат партии «Автономно-земледельческий союз», г. Ужгород.

13. Законопроект об автономии Подкарпатской Руси перед парламентом // Русский вестник. 5 февраля 1931. С. 1–2.

14. Карпаторусская трудовая партия. Ея ціль, программа и организация. Пряшев, 1920. 22 с.

15. *Кокайсл П.* Оценка положения карпатских русинов на основе дискуссий депутатов парламента Чехословацкой Республики в период 1918–1938 гг. // Русин. 2019. № 57. С. 230–250. DOI: 10.17223/18572685/57/13

16. *Магочій П.Р.* Формування національної свідомості: Підкарпатська Русь (1918–1948). Ужгород, 1994. 296 с.

17. Нариси історії Закарпаття. Т. II (1918–1945) / Відп. ред. І. Гранчак. Ужгород, 1995. 663 с.

18. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. 431 с.

19. *Суляк С.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.

20. *Токар М.Ю.* Політичні партії Закарпаття в умовах багатопартійності (1919–1939). Ужгород, 2006. 380 с.

REFERENCES

1. Barnovský, M. (1997) Niekoľko poznámok k stranícko-politickej štruktúre Podkarpatskej Rusi [Some remarks on the party-political structure of Subcarpathian Russia]. *Česko-slovenská historická ročenka.* 1. pp. 83–93.

2. Němcová, M. (2005) (2005) Strany rusínské menšiny. In: Malíř, J. & Marek, P. (eds) *Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004* [Political parties. Development of political parties and movements in the Czech lands and Czechoslovakia in 1861–2004]. Brno: Nakladatelství Doplněk. pp. 957–965.

3. Pop, I. (2008) *Malé dejiny Rusínov* [Little History of Rusins]. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska.

4. Švorc, P. (1997) Začlenenie Podkarpatskej Rusi do ČSR (1918–1938) [Incorporation of Subcarpathian Russia into Czechoslovakia]. *Česko-slovenská historická ročenka.* 7. pp. 39–60.

5. Rupnik, J. (2002) *Dějiny komunistické strany Československa* [History of the Communist Party of Czechoslovakia]. Prague: Academia.

6. Boldizhar, M. & Boldizhar, S. (2006) *Derzhavnist' na Zakarpatti: Podii, fakti, otsinki.* Uzhhorod: [s.n.].

7. Vegesh, M. & Fedinets, Ch. (2010) *Zakarpattya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia 1919–2009: history, politics, culture]. Uzhhorod: Lira.

8. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). *Okruzhnoy sekretariat Chekhoslovatskoy sotsial'no-demokraticheskoy rabochey partii, g. Mukachevo* [Regional Secretariat of the Czechoslovak Social Democratic Labor Party, Mukachevo]. Fund 1585. List 1. File 32.

9. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 1056. List 1. File 9. Braschaiko's personal fund of lawyers.

10. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 63. List 1. File 323. The Civil administration of Subcarpathian Rus.

11. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 63. List 1. File 323. Christian People's Party. Uzhhorod.

12. The State Archives of the Transcarpathian Region (GAZO). Fund 48. List 1. File 2. Regional secretariat of the party "Autonomous Agricultural Union". Uzhgorod.

13. Anon. (1931) Zakonoproyekt ob avtonomii Podkarpatskoy Rusi pered parlamentom [Bill on the autonomy of Subcarpathian Russia before the parliament]. *Russkiy vestnik.* 5th February. pp. 1–2.

14. Anon. (1920) *Karpatorusskaya trudovaya partiya. Eya tsil', programma i organizatsiya* [Carpatho-Russian Labor Party. Its purpose, program and organization]. Prešov: [s.n.].

15. Kokaisl, P. (2019) Assessment of the Situation of Carpathian Rusins Based

on the Discussions of the Czechoslovak Republican Parliament Deputies in 1918–1938. *Rusin*. 57. pp. 230–250 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/13

16. Magocsi, P.R. (1994) *Formuvannya natsional'noï svidomosti: Pidkarpats'ka Rus'(1918–1948)* [Formation of national consciousness: Subcarpathian Rus (1918–1948)]. Uzhhorod: [s.n.].

17. Granchak, I. (ed.) (1995*) Narisi istoriï Zakarpattya* [Essays on the History of Transcarpathia]. Vol. 2. Uzhhorod: Zakarpattya.

18. Pop, I. (2001). *Entsiklopediya Podkarpats'koy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhgorod: V. Padiak.

19. Sulyak, S (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: lessons of tragic history]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 7–34.

20. Tokar, M.Yu. (2006) *Politichni partiï Zakarpattya v umovakh bagatopartiynosti (1919–1939)* [Political parties of Transcarpathia in the conditions of multiparty system (1919–1939)]. Uzhhorod: Uzhhorod National University.

Пиковская Татьяна Валентиновна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры права Винницкого национального аграрного университета (Украина).

Tetiana V. Pikovska – Vinnytsia National Agrarian University (Ukraine).

E-mail: tetiana.pikovska@gmail.com

УДК 39 (477.87)(437.6) (438)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/10

СТАНОВИЩЕ РУСИНСЬКОЇ МЕНШИНИ В ДРУГІЙ РЕЧІ ПОСПОЛИТІЙ ЗА МАТЕРІАЛАМИ ГАЗЕТИ «НАШ ЛЕМКО»

В.В. Тельвак[1], В.М. Наконечний[2]

[1] Дрогобицький державний педагогічний університет ім. І. Франка
Україна, 82100, м. Дрогобич, вул. І. Франка, 24
E-mail: telvak1 yahoo.com

[2] Київський національний університет культури і мистецтв
Україна, 01601, м. Київ, вул. Є. Коновальця, 36
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторське резюме

В статті досліджено становище русинів у Другій Речі Посполитій за матеріалами газети «Наш лемко». З'ясовано редакційну політику часопису, його рубрикацію, склад авторського колективу. Досліджено найбільш складні проблеми культурно-громадського плану, котрі поставали перед лемками протягом міжвоєнного двадцятиліття. Серед них особливо обговорюваними були питання опору полонізаторській державній політиці: захисту культурних інституцій, розбудови україномовного шкільництва, збереження церковно-релігійної самобутності. З'ясовано, що «Наш лемко» не уникав також обговорення складних проблем, корені яких знаходилися в самому русинському середовищі. Вивчено широкий спектр економічних та господарських труднощів, що їх долали русини. Серед найбільш дошкульних були варварська експлуатація державою природних ресурсів, малоземелля, зменшення попиту на лемківські сільськогосподарські товари та ін. Це мало наслідком масову еміграцію русинів. Доведено, що газета не лише діагностувала згадані труднощі, але й намагалася надати консультативну допомогу в їх вирішенні, ініціювала опанування лемками новими видами господарської діяльності. Підсумовано, що газета стала визначним явищем русинської періодики, котре в складних умовах міжвоєнного часу зуміло об'єднати лемків ідеями збереження власної культурної ідентичності та плекання загальнонаціональної єдності.

Ключові слова: русини, Друга Річ Посполита, «Наш лемко», культурно-громадське життя, економічно-господарські проблеми.

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНСКОГО МЕНЬШИНСТВА ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «НАШ ЛЕМКО»

В.В. Тельвак[1], В.М. Наконечный[2]

[1] Дрогобычский государственный педагогический университет им. И. Франко
Украина, 82100, г. Дрогобыч, ул. И. Франко, 24
E-mail: telvak1@yahoo.com

[2] Киевский национальный университет культуры и искусств
Украина, 01601, г. Киев, ул. Е. Коновальца, 36
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторское резюме

Исследовано положение русинов во Второй Речи Посполитой по материалам газеты «Наш лемко». Выяснена редакционная политика газеты, ее рубрики, состав авторского коллектива. Исследованы наиболее сложные проблемы культурно-общественного плана, которые возникали перед лемками в межвоенное двадцатилетие. Среди них особенно обсуждаемыми были вопросы сопротивления полонизаторской государственной политике: защита культурных институций, развитие украиноязычных школ, сохранение церковно-религиозной самобытности. Выяснено, что «Наш лемко» не избегал также обсуждения сложных проблем, корни которых находились в самой русинской среде. Изучен широкий спектр экономических и хозяйственных проблем, которые преодолевали русины. Среди наиболее чувствительных были варварская эксплуатация государством природных ресурсов, малоземелье, уменьшение спроса на производимые лемками сельскохозяйственные товары и др. Это вызвало массовую эмиграцию русинов. Доказано, что газета не только констатировала упомянутые трудности, но и пыталась оказать консультативную помощь в их решении, инициировала освоение лемками новых видов хозяйственной деятельности. Подытожено, что газета стала выдающимся явлением русинской периодики: в сложных условиях межвоенного времени она сумела объединить лемков идеями сохранения собственной культурной идентичности и воспитания общенационального единства.

Ключевые слова: русины, Вторая Речь Посполитая, «Наш лемко», культурно-общественная жизнь, экономическо-хозяйственные проблемы.

THE RUSIN MINORITY IN THE SECOND POLISH REPUBLIC ACCORDING TO *NASH LEMKO* NEWSPAPER

V.V. Telvak[1], V.M. Nakonechnyj[2]

[1] Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University
24 I. Franko Street, Drohobych, 82100, Ukraine
E-mail: telvak1@yahoo.com

[2] Kyiv National University of Culture and Arts,
36 E. Konovalets Street, Kyiv, 01601, Ukraine
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Abstract

The article examines the state of the Rusin community in the Second Polish Republic according to *Nash Lemko* newspaper materials. The authors specify the editorial policy of the newspaper, its rubrics and the authors' board, focus on the cultural and social agenda faced by the Lemkos during the interwar period, including the resistance to polonisation: protection of cultural institutions, development of Ukrainian-language schooling, preservation of church and religious identity. The analysis has shown that *Nash Lemko* did not avoid discussing complex problems related to the Rusins. Thus, the Rusins faced a wide range of economic and household challenges, among which were the barbaric exploitation of natural resources by the state, the lack of land, the reduced demand for Lemko agricultural products, etc. followed by the mass emigration. The authors have proved that the newspaper not only diagnosed the abovementioned difficulties, but also tried to provide advisory assistance in their solution and urged the Lemkos to master new types of economic activity. It has been concluded that the newspaper was a prominent phenomenon of Rusin periodicals. Despite the difficult interwar times, it succeeded in uniting the Lemkos behind the idea of preserving their own cultural identity and fostering national unity.

Keywords: Rusins, Second Polish Republic, Nash Lemko, cultural and public life, economic problems.

Вступ

Національна політика урядів Другої Речі Посполитої протягом останніх тридцяти років користується незмінною увагою серед українських і польських дослідників. Цій проблемі присвячені числен-

ні праці – дисертації, монографії та статті. Натомість деякі аспекти цього явища й до сьогодні перебувають на маргінесі дослідницьких зацікавлень, з огляду, насамперед, на обмеженість джерельної бази. Завданням даної статті є привернути увагу до становища в міжвоєнній Польщі русинів-лемків – найбільш західної етнографічної групи українців. Як відомо, тогочасна польська влада не вважала їх за етнічних українців, а тому ставилася до їхнього національного вибору особливо безцеремонно. Ці проблеми знайшли доволі докладне відображення на сторінках самої лемківської періодики.

Одним із найавторитетніших русинських видань досліджуваної доби була газета «Наш лемко». Підтвердженням цьому є декілька досліджень, присвячених часопису [16], його довголітньому редактору Ю. Тарновичу [32], як також і дві видані у наш час антології найпопулярніших дописів [7; 12]. Натомість наразі не зауважена унікальність «Нашого лемка» як джерела реконструкції особливостей становища русинів у Другій Речі Посполитій. Актуальність названій проблемі додає той факт, що в Науковій бібліотеці ім. М. Драгоманова Львівського національного університету ім. І. Франка відклався комплект «Нашого лемка» з цензурного комітету. Завдяки йому ми отримали можливість переглянути всі заплановані до друку матеріали, а не лише ті, котрі залишилися після прискіпливого цензурного втручання. У статті використано такі методику та підходи, як систематичний, порівняльний і критичний аналіз джерельної бази, представленої великими текстовими масивами. Здійснити коректну інтерпретацію різножанрової газетної інформації уможливило застосування методики контент-аналізу.

Редакційна політика «Нашого лемка»

Поява «Нашого лемка» була зумовлена черговим поворотом в національній політиці Другої Речі Посполитої в середині 1930-х рр., коли відносна лібералізація змінилася жорстким полонізаторським курсом. Стосовно українців – найбільшої національної меншини – це проявлялося у нав'язуванні традиційного етноніму *русини* замість модерного *українці*, як також і топоніму *Східна Малопольща*, котрим намагалися витіснити з ужитку узвичаєну назву Галичина. Ще більш ґвалтовним було ставлення до лемків, котрі, з огляду на розпорошеність гірськими теренами та тривалого проживання серед іноетнічних груп, у своїй масі ще не мали виразної національної самосвідомості. Польська адміністрація краю за будь-яку ціну намагалася підважити український вибір лемків, нав'язуючи їм пропольську чи москвофільську орієнтації. З цією метою видавалися часописи, шкільні

підручники, проводилася агітація, здійснювався різноплановий адміністративний тиск – від завуальованих заохочень до відвертих репресій. Власне, щоби запобігти цілковитому розчиненню русинів у «польському морі», проукраїнськи налаштовані лемківські діячі й вирішили видавати газету «Наш лемко».

Ідея нового часопису належала українському видавцеві Івану Тиктору, котрий був його незмінним відповідальним редактором. Перші числа газети вийшли за редакцією знаного русинського інтелектуала Петра Смереканича. Втім, свій розквіт часопис отримав з приходом до керма редакції видатного лемківського громадського активіста Юліана Тарновича. Саме І. Тиктор, за спогадами Ю. Тарновича, переконав його очолити редакцію нової газети. Лемківському діячеві заімпонувало те, що український видавець «першим відважився серед важких обставин, серед наскрізь ворожого польського поліційного режиму – видавати перший в історії Лемківщини український національний часопис "Наш лемко", а згодом допомагати редакторові того часопису Юліянові Бескидові [один із псевдонімів Ю. Тарновича] видавати Бібліотеку Лемківщини» [31: 51]. На переконання Ю. Тарновича, «збудженій зі сну Лемківщині бракувало здорового національного корму. Тим кормом стався для народу Лемківщини часопис "Наш лемко"» [31: 51].

«Наш лемко» виходив у Львові протягом майже шести років – з 1 січня 1934 по 1 вересня 1939 р. Видання було двотижневиком, протягом згаданого часу світ побачило 137 номерів загальною кількістю 1446 сторінок. Вартість газети була порівняно невисокою: річна передплата становила 3 злотих, на пів року – 1,8 злотих, за квартал – 1 злотий; закордонним передплатникам газета коштувала 1 американський долар за річну передплату. Одне число у роздріб коштувало лише 15 грошей. Про розуміння видавцями «Нашого лемка» суспільної значущості видання говорить і той факт, що на відміну від більшості тогочасної періодики, вартість часопису була сталою попри помітну інфляцію в польській державі. Це дозволило розширити коло читачів газети і постійно збільшувати її обсяг – від в 196 с. у 1934 р. до 300 с. у 1937 та 1938 рр.

Перше число «Нашого лемка» було присвячене поясненню читачеві громадської місії нового русинського часопису. Насамперед, видавці звернули увагу на потребу плекання в лемківському середовищі як розуміння власної культурної самобутності, так і соборницького почуття єдності з рештою українців світу. Цьому мала сприяти, насамперед, мовна політика редакції. Торкаючись цього делікатного питання, видавці наголошували: «<…> Будемо в тій газеті писати письменницькою мовою і нашим лемківським говором. Письменницькою мовою тому,

щоби дати читачам взірець поправної мови, такої, якою говорять коло Києва, якою писали наші поети, як Тарас Шевченко, Іван Франко і нині пишуть всі письменники, та яку ми всі повинні знати. Читаючи статті написані письменницькою мовою, лемки пізнають і пересвідчаться, що лемківський говір є і духом і складнею (порядком і укладом слів) рідною дитиною загальної нашої рідної письменницької мови, а не якоїсь іншої, чужої. А не-лемки (бо і такі будуть читати нашу газету) пізнають один зі старих і рідних наших говорів, яким є лемківський говір» [25: 2].

Серед інших проблем, до котрих обіцяли постійно звертатися видавці «Нашого лемка», домінували численні виклики щоденного життя. Своєрідно вибудовуючи їхню ієрархію, редакція газети автентичним лемківським діалектом повідомляла: «"Наш лемко" буде приносити найважнійши відомости зо світа и про життя і розквіт цілого нашого народу, а зокрема, про нас, лемків. Буде показувати нашим людям, што гнески без науки і школи тяжко дати сой го світу раду, і што ми для свого и нашого дітий добра, повинни тіж гуртуватися в наших читальнях и кооперативах. "Наш лемко" буде давати господарски поради, як поліпшити нашу газдівку в горах, штоби легше нам було жити. Ретельним передплатникам буде давати задармо ветеринарни, правничи и лікарськи поради, як наприклад: як вилічити груду коньови, як вистаратися о спадок по родині в Гамериці, або што робити, аби в грудях не пекло і инши. Буде друкувати цікави оповіданя з лемківського життя, описи красних лемківських звичаїв, новинки, пригоди і жарти. Буде писати про життя лемківської еміграції в Гамериці и інших краях. Буде радити, як визискати богацтва, што сут на нашій земли. Буде тіж друкувати дописи з лемківських сіл, але лем таки, што г них ся никого поневинні не чернит и таки, штоби другим була з них наука. "Наш лемко" для точних передплатників тіжик придумат дуже цикавих і пожиточних несподіванок» [24: 2].

Для обговорення згаданих проблем редактори обрали форму діалогічного спілкування зі своїм читачем за посередництвом газети. Воно відбувалося в кількох рубриках «Нашого лемка» («Новинки», «З наших міст і сіл», «Нові книжки», «Події з історії України», «Мандруймо по рідній землі» та ін.), котрі видозмінювалися відповідно до побажань самих читачів, що активно листувалися з редакцією. Про інтенсивність цього епістолярного діалогу свідчать колонки «Листування» та «Трибуна наших читачів». Протягом короткого часу усталилася архітектоніка газети, в якій були відображені її завдання – оперативно висвітлювати актуальні події державного, загальноукраїнського та суто лемківського рівня; інформувати про визначні феномени духовної та матеріальної культури русинів; допомагати

їм порадами у численних справах щоденного життя тощо. Окремо слід сказати про ілюстративне оформлення газети, котре забезпечував знаний графік Едвард Козак. Завдяки його художньому таланту замкнені у своєму сільському мікрокосмосі читачі відкривали для себе розмаїття лемківського світу – величну природу, самобутню матеріальну культуру, образи подвижників русинського руху. Серед інших активних дописувачів «Нашого лемка» слід згадати знаних русинських публіцистів Г. Гануляка, І. Филипчака, Г. Марусина, Т. Перейми, І. Лукавиченка, М. Мартинюка, С. Вархоляка, Р. Антоновича, А. Аверченка, О. Костаревича, М. Проця, М. Ревака та геніального русина-митця Никофора Дровняка.

Проблеми культурно-громадського життя

Найбільше уваги редакція «Нашого лемка» відводила питанню збереження етнічної самобутності русинів та утвердженню їхньої пов'язаності зі світом культурного та політичного українства. Відзначимо, що тут найактивнішим дописувачем був сам головний редактор Ю. Тарнович, котрий зазвичай підписував власні публіцистичні тексти материним прізвищем Бескид. Про актуальність піднятих газетою громадських проблем промовисто свідчать всіяні білими плямами її шпальта – польська цензура жорстко реагувала на опір лемків державній національній політиці. Опрацювання комплекту часопису за весь час його видання дозволяє зробити висновки, що саме дописи на культурно-громадську тематику, зосереджені в рубриках «Події з історії України» і «Трибуна наших читачів», зазнавали найбільш прискіпливого цензурування.

Особливо багато автори «Нашого лемка» писали про масові факти переслідування представниками польської адміністрації проукраїнськи налаштованих русинів. Прикметно, що маркером українськості останніх в очах польських чиновників різних рівнів була саме передплата русинами «Нашого лемка», незважаючи на те, що газета видавалася вповні легально, потрапляючи до свого читача лише після докладного цензурування. Згадаємо, що вже перше число «Нашого лемка» зазнало повної конфіскації і читач отримав уже другий варіант газети, котрий пройшов цензуру. Змальовуючи боротьбу польських чиновників з улюбленим виданням, один із дописувачів відзначав: «Від часу, як я запре нумерував [передплатив] "Нашого лемка", посипалися на мене кара за карою. Поліція спеціально опікується мною. <...> Всіх тих, що почувають себе українцями, поліція переслідує, а староство казало мені, абим не бавився в політику, бо у нас читати газету "Наш лемко" то велика політика» [5: 3].

Намагаючись подолати потяг русинів до українства, представники польської адміністрації всіляко сприяли поширенню москвофільської пропаганди на лемківських теренах. Так, переслідуючи читачів «Нашого лемка», водночас толерувалося поширення москвофільської газети «Лемко». Інший приклад – поборюючи поширення на Лемківщині українських культурно-просвітніх інституцій (насамперед, «Просвіти»), державні чиновники всіляко сприяли розгортанню діяльності москвофільських установ, у першу чергу, Товариства імені Михайла Качковського. Дописувачі лемківського часопису зі значним неспокоєм віднотовували певну успішність такої політики та емоційно змальовували національну нерозбірливість деяких своїх земляків. В одному із цензурованих дописів свідок тих подій зазначав: «Лемки, хто продає свою народність, віру свою, це або зрадник Юда, або безумна риба, що йде на панській гачок. Схаменіться, пізнавайте, хто вам брат, а хто враг. Не ласіться на чужі охлапи, на що навіть порядна собака не піде. Гуртуйтесь до братів своїх рідних. Не треба вам чужих богів. Гляньте на інші народи, усі гуртуються, усі обєднані в собі, а ви?» [26: 8].

Поширюючи національній оптимізм у русинському середовищі, редакція «Нашого лемка» доволі багато уваги приділяла демонстрації громадянської стійкості українців-горян. Наводилися численні дописи з провінції, в яких лемки ділилися власним успішним досвідом протистояння чиновницькому зазіханню на їхній національний вибір. У цих дописах, котрі мали на меті мобілізацію проукраїнських настроїв серед русинів, червоною ниткою проходила ідея солідарного опору владному свавіллю. Звертаючись до національно свідомої частини русинської громади, редакція газети наголошувала: «Одначе українці на Лемківщині не падуть духом, а працюють дальше над собою, бо вірять незломно в кращі дні – честь їм за це!» [9: 6].

Поряд із громадським сектором польська влада вдалася до денаціоналізації русинського шкільництва, слушно вважаючи таку тактику найбільш дієвою на перспективу. Полонізація початкової школи не принесла успіху, адже польська держава принаймні позірно намагалася виконувати взяті на себе міжнародні зобов'язання з дотримання прав меншин, а самі лемки неохоче віддавали дітей на науку чужою їм мовою. Тож вкотре на противагу українським впливам польською адміністрацією було обрано насадження москвофільства. Так, українські підручники шкільна адміністрація директивно замінювала букварями авторства Мефодія Трохановського. Симптоматично, що ця навчальна книга, написана москвофільським варіантом русинської говірки («лемківською бесідою»), була видана масовим накладом за державні кошти. Поборюючи таку «юдину роботу криницьких бож-

ків», «Наш лемко» вказував на небезпеку заміни в початковій школі української літературної мови москвофільським говором. Редакція переконувала своїх читачів: «Днесь знає кожний лемко, що його говіркою може послуговуватися біля своєї хати, одначе в школі мусить панувати спільна українська літературна мова. <…> [Лемки] домагаються в школі української літературної мови – такої, якою навчають у всіх українських школах, бо вони діти одної Матері! Це не є обяв одиниць, це воля всіх лемків» [14: 3].

Іншою спробою наступу на народну русинську школу з боку польської адміністрації стала ініціатива переформатування навчального плану шляхом різкого скорочення годин вивчення греко-католицького катехізису. Усвідомлюючи важливість релігійного виховання в традиційному суспільстві, чиновники від освіти мали на меті підважити переважаючі впливи греко-католицької церкви на русинську громаду та по можливості поширювати католицизм і православ'я [30: 3].

Зрештою, подекуди польська шкільна адміністрація вдавалася й до прямих порушень прав русинів на рідномовне навчання, без жодних пояснень замінюючи українських педагогів на польських. Останні, вповні очікувано, навчали дітей своєю мовою, на що й був розрахунок полонізаторів [3: 8]. У підсумку учні масово відмовлялися відвідувати школу, адже здебільшого не розуміли свого вчителя. Така антипедагогічна практика освітянської влади стала сюжетом багатьох дописів «Нашого лемка», де прямо наголошувалося, що «поляк-учитель нічим не відріжняється від поляка-поліціянта» [8: 4].

Одним із наслідків змальованої вище освітянської політики польської держави був чи не найбільший серед усіх етнічних груп Центрально-Східної Європи рівень анальфабетизму [4: 2]. Поборюючи це небезпечне для майбутнього русинів явище, редакція «Нашого лемка» започаткувала акцію творення в кожному русинському селі бібліотек [1: 2–3]. «Наш лемко» переконував свого читача: «Хто пізнає раз один вартість доброї книжки, буде ціле своє життя її вірним другом, не відречеться такого великого приятеля ні в смутку, ні в радости. Тому кожний повинен читати нашу українську книжку. В найдальші закутини нашого рідного краю піде вона сіяти здорове зерно любови до всего, що наше рідне, дороге» [29: 2]. Для боротьби з неписемністю в «Нашому лемку» була започаткована рубрика «Освітньо-виховна сторінка».

Наступною постійною темою «Нашого лемка» була церковна політика польських урядів. Як і у попередніх випадках, вона також була спрямована на ослаблення проукраїнських симпатій у русинському середовищі. Прихильність лемків до греко-католицької церкви небезпідставно вважалася за одну з ключових передумов їхньої стійкості

перед ґвалтовною деукраїнізацією. Подібно до вчителів, свідомих свого громадського служіння душпастирів надсилали на далекі гірські парафії, де було нечисленне русинське населення чи в села, в котрих домінували польські впливи. Натомість їх заміняли на більш зговірливих священників-москвофілів, котрі погоджувалися поширювати пропагандистські тези, що русини є начебто «поляками-уніатами», а саму паству примусово переводили на православ'я [22: 2]. В цих умовах автори «Нашого лемка» постійно експонували релігійну самобутність русинів, їхній духовний зв'язок з києво-руською церковною традицією: «Як бачимо, Лемківщина все мала живі зв'язки тільки із сходом. Твердження, що всі лемківські церкви побудували польські панове-шляхта, також неправдиві. В церковних хроніках виразно записано, що лемки самі собі спільно церкви будували, а деякі церкви будували лемки-солтиси» [13: 4].

Ще однією поважною проблемою, джерело якої знаходилося вже в самому русинському середовищі, була правдива епідемія шкідливих звичок. Серед них найбільш загрозливою для існування лемківської громади був алкоголізм як один із наслідків фрустрації невтілених життєвих планів. Відзначимо, що редактори «Нашого лемка» мали значний організаційний досвід у цьому напрямку, адже дід Ю. Тарновича Юліан Бескид був знаним діячем протиалкогольного руху. Дописувачі газети таврували пиятику як найбільшу соціальну загрозу, що руйнує родину – осердя лемківського світу [6: 3]. З огляду на це, на шпальтах «Нашого лемка» постійно були присутні дописи активних діячів протиалкогольного товариства «Відродження». Зі сторінок русинської газети вони переконували свого читача: «Хто свідомий великого завдання українського народу на Лемківщині, цей стане негайно до боротьби з видимими і темними духами шпіритайчаної [спиртової] неволі лемківського села! Окаянних немає між нами!» [28: 5].

Економічні та господарські труднощі

Не менш складними були й обставини господарського життя русинів у Другій Речі Посполитій. І в цьому випадку нова влада розглядала своїх громадян здебільшого як засіб до вирішення хронічних економічних проблем. Йдеться, насамперед, про визискуючий спосіб експлуатації природних скарбів Лемківщини та практичне ігнорування важливості відновлюючих проектів. Найбільш промовисто це позначалося у варварській вирубці столітніх лісів, що призводило до примусової зміни традиційних способів господарювання і, як наслідок, фінансового зубожіння.

Іншою кривдою для русинів було їх планомірне витіснення з теренів, привабливих для інвесторів з огляду на лікувальні можливості мінеральних джерел. Польська влада за безцінь примушувала лемків продавати свої землі, облаштовуючи там бальнеологічні курорти для заможних людей. Натомість русини були змушені переселятися в гірські місцевості зі значно складнішими умовами господарювання. Ця лемківська трагедія знайшла цікавий опис в одному із цензурованих дописів: «Галицьким Сибіром Тебе звали, Рідна Лемківщино. <…> Водами цілющих жерел Твоїх лікуються чужі, Твої власні діти вмирають в нужді, Зникають ліси з Твоїх чудових верхів, будуються мости із них на битих шляхах далеких, а для Тебе дорогами остають все далі потоки і дебри» [10: 3].

Економічні негаразди на батьківських теренах, як і самоусунення влади від будь-якої допомоги, стимулювали в русинському середовищі потужні емігрантські настрої. Більше того, держава через розгалужену мережу ліцензованих нею агентів всіляко заохочувала найбільш активних лемків до виїзду в країни Західної Європи та за океан, тим самим спрощуючи собі завдання з полонізації решти населення. Ця проблема в другій половині 1930-х рр. набула масштабів справжнього народного лиха, адже практично спустошеними виявлялися численні лемківські села, котрі невдовзі заселяли польські колонізатори, руйнуючи русинський культурний ландшафт. З огляду на це, зі сторінок «Нашого лемка» було кинуто гасло «Не покидайте рідних сіл» [20: 7; 27: 2]. Застерігаючи свого читача від поквапливої втечі з батьківщини, один із дописувачів з іронією відзначав: «Ми, лемки, як ті вічні скитальці жиди. Щоби лише десь якийсь шахрай агент збирав підписи на якусь еміграцію, ми вже готові» [18: 4].

Ще більш емоційно дописувачі «Нашого лемка» застерігали свого читача від виїзду до радянської держави. До цього намовляли численні агітатори зі сходу, не шкодуючи яскравих барв у змалюванні принад «більшовицького раю». Знаючи реалії сталінської «демократії», редакція не шкодувала газетних площ для інформування своїх читачів про дійсне життя за збручанським кордоном [19: 1]. «Масова еміграція лемків до большевицької Росії дуже пошкодила би нашій Лемківщині. Виїхали би з нашої землі переважно найрухливіші, найвідважніші та здібні й розумні хлопці та дівчата. Населення Лемківщини дуже прорідилося би, а тим часом ми дуже ослабилися б», – емоційно застерігав «Наш лемко» [23: 3].

Обговоренню шляхів вирішення конкретних господарських проблем, котрі домінували в житті пересічного русина, була присвячена найбільша в «Нашому лемкові» рубрика «Господарська сторінка». Її обсяг нерідко сягав двох газетних шпальт. Рубрика містила найріз-

номанітніші корисні господарські поради, а її зміст своїми запитами формували фактично самі читачі. Найбільш активним автором згаданої рубрики був знаний русинський діяч Володимир Кліш. Особливої популярності набув цикл його статей «Творім сильні основи». Тематичним супутником «Господарської сторінки» була колонка «Наші реферати».

Причиною більшості негараздів русинів була втрата економічної доцільності традиційного способу господарювання в нових умовах модерної доби. Товари, котрі віками виробляли лемки, втратили в очах масового покупця привабливість, що спричинило значне падіння цін. Дописувач «Нашого лемка» нарікав: «<…> Нещастьом для нас єст тот, што наше газдівске барс [дуже] потуняло. Давніше паця продав за 600 зол., а тепер жеби взяв 100 зол. Фабричне стоїт [коштує] г мірі, а наше 6 до 10 разів туньше. Так само з дирвами [дровами], худобов и кинми. Вшистко барс тунє, а ту податки і асекурація, як за добрих часів» [11: 3]. До цих клопотів додавалося постійне виснаження ґрунтів і пасовищ, як також поступова руйнація шляхів комунікації.

Наслідком такої некорисної економічної кон'юнктури стало масове фізичне виснаження русинів, котре супроводжувалося численними супутніми хворобами. Щойно згаданий дописувач змальовував таку безрадісну картину: «Презто ціле своє житя постиме тай постиме. Їме лем пісну бандурку з кропом, або з капустом. Рідко коли з квасним молоком. Самизме худи, вибіджени, не маме великой охото до житя. <…> Діти наши боси, обдерти, сині и бліди. Тіжик од маленькости кормите їх лем піснов бандурков» [11: 3].

Русинська газета всіляко намагалася допомогти своєму читачеві адаптуватися до економічних викликів часу. Редакція заспокоювала свого читача: «"Наш лемко" тото вшистко розуміє і знає. Будеся старав тому зараджувати добрим словом и щирим порадом» [11: 3]. І дійсно, як бачимо з численних дописів «Господарської сторінки», газета чимало присвячувала уваги як шляхам інтенсифікації традиційних способів господарювання, так і підштовхувала свого читача до опанування новими видами діяльності. Стосовно перших редакція русинського часопису поширювала інформацію про нові практики молочарства. Йшлося про механізацію процесу (насамперед, застосування центрифуг) та засівання лемківських теренів збагаченими видами трав. Заохочуючи земляків до ініціативності, «Наш лемко» наголошував: «Браття лемки! Берімся до молочарства! Проганяймо з рідної Лемківщини скруту, біду і нужду. Скажім собі: "Мусимо довести до господарського відродження Лемківщину і доконаймо цего"» [21: 5].

Серед нових господарських практик особливо багато уваги «Наш лемко» приділяв всебічному опису техніки та практики бджільництва, котре ідеально пасувало природним умовам Лемківщини. Редакція видала в «Бібліотеці Лемківщини» українські посібники з техніки бджільництва, котрі поширювала через мережу сільських осередків «Просвіт». Часопис звертав увагу свого читача: «О пчільництві будеме <…> часто писати, бо то барс важна справа. В горах може ся нам добрі оплатити. Пчільництво може нас гарді двигнути з кризи» [2: 5].

Іншим рентабельним видом господарства «Наш лемко» вважав садівництво, радячи горянам закладати на присадибних ділянках овочеві (насамперед, яблуневі та сливові) сади. І в цьому випадку газета стала мудрим порадником своєму читачеві, надаючи зі шпальт різнопланову консультативну допомогу. Редакція газети переконувала: «Кожний селянин повинен собі це вважати за свою господарську повинність заложити собі свій власний сад, та провадити пасіку, щоби тим способом створити собі потужну підпору для розвитку свойого господарства» [17: 2–3].

Та найбільш оптимальний вихід із хронічної фінансової скрути для свого читача «Наш лемко» вбачав у поширенні русинськими теренами кооперативного руху. Редакція газети на багатьох прикладах переконувала, що ХХ ст. належить організованим підприємцям, котрі можуть солідарно формувати економічну політику та протистояти нечесній конкуренції. Популяризуючи ідею творення селянами кооперативів, дописувачі газети демонстрували їхні переваги на прикладі життя українців східної частини галицького краю. Для успішності запровадження кооперативів, твердили автори часопису, лемкам слід відкинути притаманні їм громадський атомізм та апатію. «Треба би великої свідомості, єдності, дисципліни і згоди, – йдеться у редакційному дописі. – Доки до такої досконалости не дійдемо, доти будемо бідувати. Тепер зима, час довгих вечорів, варто би застановитися над тою справою. Навіть можна би скликати Загальні Збори кооперативи або громаду і нарадитися над тим. Радимо також у тій справі питатися ревізорів наших кооператив <…>. Редакція "Нашого лемка" вважає ту справу важною і їй залежить на тім, щоби бодай трохи якимсь способом поправити життя наших бідних, забутих всіми селян у горах <…>» [15: 1–2].

Висновки

У підсумку відзначимо, що в своїй роботі редакція «Нашого лемка» послідовно реалізувала обране гасло «Для Лемківщини з Лемківщиною». З огляду на це, в очах дослідників газета постає правдивою ен-

циклопедією русинського світу. В цій енциклопедії з фактографічною чіткістю та всебічною стереоскопічністю було занотовано численні проблеми життя лемків у міжвоєнній Польщі. Більшість із них, як засвідчило проведене дослідження, були викликані репресивною політикою урядів Другої Речі Посполитої стосовно національних меншин. Разом із тим, «Наш лемко» не уникав також обговорення складних проблем, корені яких сягали самого русинського середовища. Налагоджений відвертий діалог зі своїм читачем сприяв вихованню почуття громадянської відповідальності у середовищі українських горян, спряв їх єднанню довкола вищих цінностей. Це мало вагоме значення напередодні такого важкого випробування, яким виявилася Друга світова війна.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Березівський К.* Чому кожна наша хата має бути читальнею? // Наш лемко. 1938. Ч. 3. С. 2–3.
2. Бермеся до пасічництва // Наш лемко. 1934. № 2. С. 5.
3. Біда з лемками… // Наш лемко. 1936. Ч. 14. С. 8.
4. Виповіджмо війну темноті і баламуті! // Наш лемко. 1934. Ч. 13. С. 2.
5. Гарні слова і наша дійсність // Наш лемко. 1934. Ч. 18. С. 3.
6. Геть отрую з наших хат // Наш лемко. 1935. Ч. 5. С. 3.
7. Двотижневик «Наш лемко» 1934–1939 років. Вибрана публіцистика. Зібрали і до друку підготували Олександр Маслей, Володимир Пилипович. Gorlice: Zjednoczenie Łemków, 2004. 325 с.
8. Дитина, як і життя, не дасть себе ошукати // Наш лемко. 1935. Ч. 24. С. 4.
9. Замикають читальні // Наш лемко. 1935. Ч. 7. С. 6.
10. *Костаревич О.* ***** // Наш лемко. 1934. Ч. 1. С. 3.
11. Лемківська біда, або о тім што нас гризе // Наш лемко. 1934. № 1. С. 3.
12. Лемківщино рідна, заколишу в красі твоїй / За ред. В. Денисюка, О. Кровицької. Львів, 2002. 90 с.
13. *Лемко.* В обороні історичної правди // Наш лемко. 1934. Ч. 7. С. 4.
14. «Ми не хочемо букварів» // Наш лемко. 1934. Ч. 20. С. 3.
15. Найвищий час про це подумати // Наш лемко. 1934. № 4. С. 1–2.
16. *Наконечний В.* Часопис «Наш лемко» – феномен русинської періодики міжвоєнного часу // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2017. Вип. 29. С. 520–528.
17. Напрямні української Лемківщини // Наш лемко. 1937. № 3. С. 2–3.
18. Не емігруйте до Славонії! // Наш лемко. 1934. Ч. 17. С. 4.
19. Не кидайте рідної землі // Наш лемко. 1934. Ч. 6. С. 1.
20. Не покидайте рідних сіл // Наш лемко. 1938. Ч. 6. С. 7.
21. Не ридаймо, а добуваймо. Берімся до молочарства! // Наш лемко. 1934. № 14. С. 5.

22. Нищення Українців на Лемківщині не устає! // Наш лемко. 1936. Ч. 24. С. 2.
23. Ой, не буде так добре, Ваню Гуняка! // Наш лемко. 1934. Ч. 17. С. 3.
24. Про што буде писати «Наш лемко» // Наш лемко. 1934. № 1. С. 2.
25. До наших читачів // Наш лемко. 1934. № 1. С. 2.
26. Село Ропиця руська, пов. Горлиці // Наш лемко. 1934. Ч. 8. С. 8.
27. *Тарнович Ю.* Перелетні птиці. Під розвагу сезоновим робітникам // Наш лемко. 1939. Ч. 15. С. 2.
28. У дзвін на тривогу! // Наш лемко. 1935. Ч. 10. С. 5.
29. Чому треба читати книжку? // Наш лемко. 1934. Ч. 3. С. 2.
30. Що далі буде? // Наш лемко. 1934. Ч. 21. С. 3.
31. *Юліян Бескид*. На згарищах Закерзоння. Торонто, 1954. 128 с.
32. *Nakonechnyi V.* Yuliian Tarnovych as a researcher of Polish-Ukrainian relationships // Проблеми гуманітарних наук: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія «Історія». Вип. 1/43. С. 213–228. DOI: 10.24919/2312-2595.1/43.184280

REFERENCES

1. Berezivsky, K. (1938) Chomu kozhna nasha khata mae buti chital'neyu? [Why every home should be a reading hall?]. *Nash lemko*. 3. pp. 2–3.
2. Anon. (1934a) Bermesya do pasichnitstva [Let's go to beekeeping]. *Nash lemko*. 2. p. 5.
3. Anon. (1936a) Bida z lemkami…[Trouble with Lemkos…]. *Nash lemko*. 14. p. 8.
4. Anon. (1934b) Vipovidzhmo viynu temnoti i balamuti! [Let's declare war on darkness and turmoil!]. *Nash lemko*. 13. p. 2.
5. Anon. (1934c) Garni slova i nasha diysnist' [Good words and our reality]. *Nash lemko*. 18. pp. 3.
6. Anon. (1935a) Get' otruyu z nashikh khat [Get rid of poison from our houses]. *Nash lemko*. 5. p. 3.
7. Masley, O. & Pilipovich, V. (2004) *Dvotizhnevik "Nash lemko" 1934–1939 rokiv. Vibrana publitsistika* [Bi-weekly "Nash Lemko" 1934–1939. Selected journalism]. Gorlice: Zjednoczenie Łemków.
8. Anon. (1935b) Ditina, yak i zhittya, ne dast' sebe oshukati [A child, like life, will not be deceived]. *Nash lemko*. 24. p. 4.
9. Anon. (1935c) Zamikayut' chital'ni [Reading rooms close]. *Nash lemko*. 7. p. 6.
10. Kostarevich, O. (1934) *****. *Nash lemko*. 1. p. 3.
11. Anon. (1934d) Lemkivs'ka bida, abo o tim shto nas grize [Lemko's trouble, or about what bites us]. *Nash lemko*. 1. p. 3.
12. Denisyuk, V. & Krovitska, O. (2002) *Lemkivshchino ridna, zakolishu v krasi tvoïy* [My native Lemko land, I will sway in your beauty]. Lviv: [s.n.].
13. Anon. (1934e) Lemko. V oboroni istorichnoï pravdi [In defense of historical truth]. *Nash lemko*. 7. p. 4.

14. Anon. (1934f) Mi ne khochemo bukvariv [We do not want primers]. *Nash lemko*. 20. p. 3.

15. Anon. (1934g) Nayvishchiy chas pro tse podumati [The highest time to think about it]. *Nash lemko*. 4. p. 1–2.

16. Nakonechnyj, V. (2017) Chasopis "Nash lemko" – fenomen rusins'koï periodiki mizhvoennogo chasu ["Nash Lemko" – a phenomenon of Rusinian mperiodicals of the interwar period]. *Ukraïna: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist' – Ukraine: Cultural Heritage, National Identity, Statehood*. 29. pp. 520–528.

17. Anon. (1937) Napryamni ukraïns'koï Lemkivshchini [Guides of the Ukrainian Lemkivshchyna]. *Nash lemko*. 3. p. 2–3.

18. Anon. (1934h) Ne emigruyte do Slavoniï! [Do not emigrate to Slavonia!]. *Nash lemko*. 17. p. 4.

19. Anon. (1934i) Ne kidayte ridnoï zemli [Do not leave your homeland]. *Nash lemko*. 6. p. 1.

20. Anon. (1938) Ne pokidayte ridnikh sil [Do not leave your native villages]. *Nash lemko*. 6. p. 7.

21. Anon. (1934j) Ne ridaymo, a dobuvaymo. Berimsya do molocharstva! [Let us not weep, but let us win. Let's start dairy farming!]. *Nash lemko*. 14. p. 5.

22. Anon. (1936b) Nishchennya Ukraïntsiv na Lemkivshchini ne ustae! [The destruction of Ukrainians in the Lemko region does not stop!]. *Nash lemko*. 24. p. 2.

23. Anon. (1934k) Oy, ne bude tak dobre, Vanyu Gunyaka! [Oh, it won't be that well, Vanya Gunyaka!]. *Nash lemko*. 17. p. 3.

24. Anon. (1934l) Pro shto bude pisati "Nash lemko" [What "Nash Lemko" is going to write about]. *Nash lemko*. 1. p. 2.

25. Anon. (1934m) Do nashikh chitachiv [To our readers]. *Nash lemko*. 1. p. 2.

26. Anon. (1934n) Selo Ropitsya rus'ka, pov. Gorlitsi [Village Ropytsia, powiat Golytsia]. *Nash lemko*. 8. p. 8.

27. Tarnovich, Yu. (1939) Pereletni ptitsi. Pid rozvagu sezonovim robitnikam [Migrant birds. For season workers' entertainment]. *Nash lemko*. 15. p. 2.

28. Anon. (1935d) U dzvin na trivogu! [The alarm bell!]. *Nash lemko*. 10. p. 5.

29. Anon. (1934o) Chomu treba chitati knizhku? [Why we need to read books?]. *Nash lemko*. 3. p. 2.

30. Anon. (1934p) Shcho dali bude? [What is next?]. *Nash lemko*. 21. p. 3.

31. Beskid, Yu. (1954) *Na zgarishchakh Zakerzonnya* [In the fires of Transcarpathia]. Toronto: [s.n.].

32. Nakonechnyj, V. (2019) Yuliian Tarnovych as a researcher of Polish-Ukrainian relationships. *Problemi gumanitarnikh nauk: zbirnik naukovikh prats' Drogobits'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Ivana Franka. Seriya "Istoriya" – Problems of Humanities. History*. 1/43. pp. 213–228. DOI: 10.24919/2312-2595.1/43.184280

Тельвак Виталий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Дрогобычского государственного педагогического университета им. И. Франко (Украина).

Тельвак Віталій Васильович – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії Дрогобицького державного педагогічного університету ім. І. Франка (Україна).

Vitalii V. Telvak – Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: telvak1@yahoo.com

Наконечный Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Киевского национального университета культуры и искусств (Украина).

Наконечний Володимир Михайлович – кандидат історичних наук, доцент кафедри міжнародних відносин Київського національного університету культури і мистецтв (Україна).

Volodymyr V. Nakonechnyj – Kyiv National University of Culture and Arts (Ukraine).

E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

УДК 94 (437) (328)"1939/1944"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/11

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНОФИЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В ПРОТЕКТОРАТЕ БОГЕМИИ И МОРАВИИ

О.Г. Казак

Минский городской педагогический колледж
Беларусь, 220114, г. Минск, ул. Макаёнка, 29
E-mail: olegkazak90@tut.by

Авторское резюме

В статье рассматриваются основные направления деятельности украинофилов из Подкарпатской Руси, которые после неудачной попытки провозглашения независимого украинского государства и оккупации региона венгерскими войсками (март 1939 г.) оказались на территории протектората Богемии и Моравии. Основу источниковой базы работы составили документы архива Канцелярии президента республики (прежде всего, письма и меморандумы бывших членов автономного кабинета А. Волошина президенту протектората Э. Гахе с просьбами о финансовой поддержке), Венгерского национального архива (отчет полицейского капитаната Ужгорода Восьмому отделу Министерства внутренних дел Венгрии о переписке А. Волошина с украинофильскими деятелями в Подкарпатской Руси). На основании анализа различных источников делается вывод о том, что большинство инициатив украинофильских эмигрантов (создание развитой сети проукраинских эмигрантских организаций в протекторате Богемии и Моравии, попытки добиться от властей протектората финансовой помощи для бывших чиновников периода Карпатской Украины, вмешательство в общественную жизнь оккупированной Венгрией Подкарпатской Руси, налаживание контактов с официальным Берлином) не имели успеха. Власти протектората не без основания подозревали украинофильских эмигрантов в антигосударственных (с точки зрения чехов) настроениях, элита нацистской Германии не рассматривала А. Волошина и его сторонников в качестве равноправных стратегических партнеров. Попытки проживавших в протекторате украинофилов создать сеть своих симпатизантов в Подкарпатской Руси были пресечены венгерской полицией.

Ключевые слова: русины, украинофилы, эмиграция, протекторат Богемии и Моравии, Подкарпатская Русь, национально-культурная жизнь.

ACTIVITIES OF UKRAINOPHILE EMIGRANTS FROM SUBCARPATHIAN RUS IN THE PROTECTORATE OF BOHEMIA AND MORAVIA

O.G. Kazak
Minsk City Pedagogical College
29 Makajonka Street, Minsk, 220114, Belarus
E-mail: olegkazak90@tut.by

Abstract

The article discusses the main activities of Ukrainophiles from Subcarpathian Rus, which after an unsuccessful attempt to proclaim an independent Ukrainian state and occupation of the region by Hungarian troops (March 1939) ended up in the Protectorate of Bohemia and Moravia. The author draws on the documents of the Archive of the President's Office (letters and memoranda of former members of A. Voloshin's autonomous cabinet to the Protectorate President E. Hacha with requests for financial support), the Hungarian National Archives (report of the police department of Uzhhorod to the Eighth Department Hungarian Ministry of Internal Affairs about the correspondence of A. Voloshin with Ukrainophile figures in Subcarpathian Rus). Having analysed various sources, the author concludes about the failure of the most initiatives of Ukrainian emigrants (creation of a developed network of pro-Ukrainian emigrant organizations in the Protectorate of Bohemia and Moravia, attempts to obtain financial support from the Protectorate authorities for former officials of the Carpathian Ukraine, interference in public life in Subcarpathian Rus occupied by Hungary, contacts with official Berlin). The authorities of the Protectorate of Bohemia and Moravia rightly suspected Ukrainophile emigrants of anti-state positions (from the point of view of the Czechs); the elite of Nazi Germany did not consider A. Voloshin and his supporters as equal strategic partners. The attempts of Ukrainophiles living in the Protectorate to create a network of their sympathizers in Subcarpathian Rus were suppressed by the Hungarian police.

Keywords: Rusins, Ukrainophiles, emigration, Protectorate of Bohemia and Moravia, Subcarpathian Rus, national and cultural life.

Период существования Карпатской Украины (октябрь 1938 – март 1939 г.) – непростой и противоречивый этап украинской истории. Функционирование автономного проукраинского правительства Подкарпатской Руси (Карпатской Украины) под руководством А. Волошина подробно исследовано в историографии (в первую очередь, украинской). В то же время деятельность Волошина и его приближенных после оккупации Подкарпатской Руси Венгрией не изучена на должном уровне, что значительно усложняет понимание природы украинского национального движения в Карпатском регионе.

Вплоть до середины XX в. украинская модель идентичности восточнославянского населения Подкарпатской Руси, несмотря на значительное распространение, не являлась единственной и безальтернативной. Значительное число жителей края считало свой народ – русинов – частью общерусского культурного и цивилизационного единства. Термины «украинофилы» и «русофилы» в отношении общественных деятелей Подкарпатской Руси означают лиц, которые отождествляли себя и свой народ с украинцами или русскими соответственно. Употребление данных терминов подчеркивает незавершенность процесса формирования национального самосознания в регионе, что выразилось в отсутствии единого автоэтнонима у автохтонного населения. Данная терминология (в т. ч. это касается исследуемого исторического периода) используется в работах таких авторитетных русинистов, как П.Р. Магочий, К.В. Шевченко, М.Ю. Дронов, И.И. Поп.

Цель статьи – определение основных векторов деятельности украинофильских эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии. Достижение данной цели предполагает решение ряда задач:

– выявить причины неудач большинства инициатив украинофилов по институциализации своего движения в протекторате и финансовому обеспечению бывших чиновников Карпатской Украины;

– проанализировать политические проекты переустройства Европы, предложенные А. Волошиным и его окружением;

– охарактеризовать контакты Волошина со своими единомышленниками в оккупированной Венгрией Подкарпатской Руси.

Выбор темы статьи обусловлен отсутствием в исследованиях комплексного анализа важных для понимания деятельности украинофильских эмигрантов в протекторате Богемии и Моравии документов из архивных фондов Чехии и Венгрии. Теоретическая значимость статьи заключается в выявлении основных характеристик деятельности А. Волошина и его сподвижников в 1939–1945 гг., что содействует формированию более точного понимания места украинской

эмиграции в международных событиях периода Второй мировой войны. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для дальнейших научных разработок истории Украины, проблем международных отношений в Центральной Европе.

Основу источниковой базы составили документы архива Канцелярии президента республики (Чехия) и Венгерского национального архива. Кроме того, в статье использованы выдержки из мемуаров свидетелей событий (А. Штефана, В. Бирчака) и политического завещания А. Волошина. В статье применены следующие методы: историко-генетический (рассматриваются различные периоды функционирования проукраинских институтов и активности отдельных деятелей), историко-системный (инициативы украинофилов в протекторате анализируются в более широком контексте международной политики и национально-культурной обстановки в Центральной Европе), метод контент-анализа (определены основные смысловые конструкции в документах украинофильских эмигрантов, затем проведена интерпретация результатов).

Проблематике деятельности украинофильских эмигрантов в протекторате Богемии и Моравии посвящен ряд работ (преимущественно украинских историков). В монографиях Н. Вегеша, В. Туряницы, С. Федаки содержится информация о пражском периоде жизни и деятельности А. Волошина, исследование Н. Мушинки посвящено личности С. Клочурака. О политических проектах геополитического переустройства Европы, выработанных А. Волошиным и его соратниками, идет речь в монографиях и статьях Р. Официнского, М. Мандрик, П.Р. Магочия. Важные сведения об институциях эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате содержатся в диссертационной работе чешского историка Д. Губены. В статье использована информация о событиях в Подкарпатской Руси осенью 1938 – весной 1939 г., содержащаяся в работах украинских историков Н. Вегеша и С. Виднянского, российских авторов А.И. Пушкаша и К.В. Шевченко, польских исследователей М. Ярнецкого и П. Колаковского.

Одновременно с поддержкой части радикального украинского движения в Подкарпатской Руси, представители которого рассчитывали на помощь Гитлера в деле построения независимого государства, руководство Германии вело активные переговоры с дипломатами Венгрии относительно будущего края. 16 января 1939 г. на встрече министра иностранных дел Венгрии И. Чаки с А. Гитлером фактически было озвучено принципиальное признание Германией интересов Венгрии в регионе [7: 150–154]. Попытка А. Волошина воспользоваться окончательным крахом чехословацкой государственности и

объявить независимость Карпатской Украины под протекторатом Германии не имела шансов на успех. С согласия последней венгерские войска заняли территорию Подкарпатской Руси в течение нескольких дней (15–18 марта 1939 г.).

С установлением венгерского господства в Подкарпатской Руси официальным идеологическим курсом в регионе становится «угрорусинизм». В рамках данной концепции утверждалось, что местные русины являются отдельным славянским народом, которому одинаково чужды прорусские и проукраинские настроения. Постулировался тезис об исторической верности русинов идеям венгерской государственности. Как провозглашалось в официальном дискурсе, лишь в рамках Венгрии русины могли достичь культурного и экономического процветания. Любая попытка использования факта национально-культурной самобытности русинского населения в политических целях объявлялась вредной и опасной. Таким образом, «угрорусинизм» представлял собой попытку изолировать местное население от участия в широких русском и украинском национальных проектах [9: 4]. В этих условиях представителям радикального украинофильского направления становилось очевидным, что их нахождение на территории Подкарпатской Руси небезопасно.

Лидер украинофильского лагеря Подкарпатской Руси А. Волошин после событий марта 1939 г. переехал в Румынию, затем в Югославию. 22 марта он посетил венгерского посланника в Белграде Д. Бакач-Бешшеньеи. Бывший президент Карпатской Украины просил помочь вернуться на родину примерно 200 беженцам и дать амнистию бывшим членам «Карпатской Сечи», благодаря чему ситуация в регионе, на его взгляд, должна была стабилизироваться. Также Волошин сообщил, что поскольку Карпатская Украина в ее границах не могла существовать как независимое государство, то еще осенью он пришел к решению, что присоединит ее к Венгрии. Через несколько дней, находясь в Загребе, бывший премьер-министр автономного правительства в переговорах с представителями местной политической элиты (в частности с В. Мачеком) уже говорил о другом: о трагедии Карпатской Украины, вероломном захвате этого государства Венгрией [14: 293–295].

Фигура А. Волошина, окруженная ореолом мученика в изгнании, вызывала беспокойство у венгерских властей, т. к. могла быть использована в пропагандистских целях представителями украинофильского лагеря. Этот факт подчеркивал консул Польши в Ужгороде Й. Штеньовский. В своем донесении посланнику в Будапеште от 12 мая 1939 г. он отмечал, что было бы разумно объявить амнистию А. Волошину и поселить его в одном из монастырей в Подкарпатской

Руси [14: 309]. Первое время Волошин оставался в Берлине, где с энтузиазмом отмечал возможность ведения украинской пропаганды и выражал свою готовность к участию в акциях саботажа в Польше. Однако вскоре политик был заподозрен в попытках налаживания контактов с окружением Э. Бенеша. В итоге практически весь период войны А. Волошин находился в Праге. От властей протектората Богемии и Моравии он получил 4 тыс. корон для работы в Украинском свободном университете [23: 177]. Волошин занимал должность заместителя декана философского факультета, как лектор читал следующие курсы: «Теория обучения», «Педагогическая телеология», «Отрывки из педагогической литературы», «Новая эра украинского просвещения», «Методология морального воспитания» [2: 369]. 14 октября 1941 г. комиссия профессоров факультета права и общественных наук единогласно присудила ему степень доктора права. В 1945 г. он непродолжительное время являлся ректором университета [16: 147]. Параллельно бывший лидер Карпатской Украины занимался литературной деятельностью, опубликовав или подготовив к печати ряд художественных и научных работ [2: 369]. А. Волошин оказывал содействие деятельности украинских образовательных институций. Не без его протекции продолжила свое функционирование Модржанская украинская гимназия, при которой было организовано общежитие для учащихся из Подкарпатской Руси (около 90 чел.) и других украинских регионов (около 120 чел.) [17: 131]. А. Волошин часто бывал в населенных пунктах, в которых проживали украинские дети. Так, в 1940 г. он посетил интернат для детей эмигрантов в Мозтанах [3: 26].

Протекторат Богемии и Моравии (прежде всего, его столица Прага) стал одним из центров концентрации активистов украинофильского движения из Подкарпатской Руси. Эвакуация из оккупированного венграми региона осуществлялась в крайне непростых условиях. Об этом свидетельствуют воспоминания известного ученого и общественного деятеля проукраинских взглядов В. Бирчака, опубликованные в Праге в 1940 г. В частности, Бирчак отмечал, что многие лица, эвакуация которых согласовывалась с представителями венгерских военных властей, в последний момент были арестованы. Сам автор мемуаров на непродолжительное время также подвергся аресту за свои проукраинские симпатии [1: 87–88].

Уже весной 1939 г. возникает ряд организаций, основная деятельность которых заключалась в попытках добиться от властей протектората трудоустройства бывших чиновников Карпатской Украины, выплаты им пособий и денежной помощи. Усилиями В. Шандора (в 1938–1939 гг. – представитель автономного правительства Под-

карпатской Руси при центральном правительстве Чехословакии в Праге) и С. Клочурака (занимал ряд министерских постов в автономных правительствах) была создана «Ликвидационная канцелярия правительства Карпатской Украины». Основной ее задачей стала помощь беженцам-украинофилам (чиновникам, учителям, актерам театра «Новая сцена», членам «Карпатской Сечи»), которых, согласно данным руководства канцелярии, было около 20 тыс. 31 марта 1939 г. от имени канцелярии было отправлено обращение в адрес правительства протектората Богемии и Моравии. В данном документе была высказана просьба обеспечения «всех государственных служащих украинской (русской) национальности должностями наравне с чехами». Всего в протекторате, по данным Клочурака, находилось около 260 бывших чиновников Карпатской Украины. Официальное разрешение на деятельность «Ликвидационная канцелярия правительства Карпатской Украины» получила только через три месяца. Параллельно С. Клочурак вел переговоры с представителями провластных кругов Германии об освобождении из тюрем и концлагерей членов «Карпатской Сечи». Благодаря деятельности Клочурака многие бывшие чиновники Карпатской Украины получили рабочие места, некоторые из них смогли вернуться в регион [11: 106–108].

В июне 1939 г. Земское управление Праги зарегистрировало еще одну организацию – «Ассоциацию эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии». С. Клочурак, сыгравший важную роль в становлении данной институции, вошел в ее ревизионную комиссию. Председателем ассоциации стал Ю. Комаринский. Выбор данной кандидатуры был неслучаен: в межвоенный период Ю. Комаринский занимал ряд чиновничьих должностей достаточно высокого уровня в Подкарпатской Руси (в частности, в конце 1920-х гг. был главой Мукачевского окружного управления), после переезда в протекторат, благодаря наличию историко-правового образования, получил работу в архиве Министерства внутренних дел. Кроме того, председатель ассоциации владел чешским, немецким, венгерским, русским, украинским, итальянским языками. Согласно уставу, цели «Ассоциации эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии» были следующими: защита национальных, правовых, моральных и культурных интересов своих членов, поддержка их морально и материально; организация лекций, театральных и песенных представлений, вечеров, экскурсий. Однако уже в октябре 1939 г. ассоциация прекратила свое существование. В то время гестапо, которое, в отличие от марионеточных властей протектората, зачастую принимало важные политические решения, распорядилось распустить «Центральный союз украинских организаций протекто-

рата Богемии и Моравии». Политическая полиция Третьего рейха ликвидировала организации (даже своих тактических союзников), которые проявляли излишнюю самостоятельность. «Ассоциация эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии», по сути, стала побочной жертвой данного решения. Кроме того, роспуск организации эмигрантов из Подкарпатской Руси должен был послужить демонстрацией добрых отношении Германии и Венгрии, которая была явно не в восторге от существования центра украинской ирредены вблизи своих границ [19: 40–48].

Вопрос денежных выплат бывшим чиновникам Подкарпатской Руси и их возможного трудоустройства осложнялся тем, что нормативные правовые акты протектората Богемии и Моравии часто содержали противоречивые положения. 14 августа 1939 г. члены «Комитета помощи беженцам из Карпатской Украины» просили личной аудиенции президента протектората Э. Гахи для урегулирования данных вопросов, однако получили из Канцелярии президента отказ [18].

Очередная попытка добиться денежных выплат бывшим чиновникам из Подкарпатской Руси была предпринята «Комиссией по объединению украинских организаций в Праге». 9 сентября 1939 г. ее руководство обратилось с пространным письмом к Э. Гахе. В начале письма содержалась отсылка к распоряжению правительства протектората Богемии и Моравии от 23 июня 1939 г., согласно которому чиновники из бывшей Карпатской Украины украинской национальности, которые состояли в семейных отношениях с чехами или не были враждебно настроены к представителям чешской нации, могли получить финансовую помощь в размере половины прошлого заработка. Однако далеко не все заявители (их насчитывалось около 250) смогли получить данные суммы. Так, 80 % бывших чиновников, подчиненных Министерству внутренних дел, получили финансовую помощь, в то время как из 150 бывших преподавателей компенсацию от Министерства образования получили лишь несколько человек. Министерство здравоохранения выплатило помощь только пятерым бывшим чиновникам. По информации авторов письма, «отклонения решений производились без письменных обоснований или по причине того, что проситель был украинской национальности. Также некоторым было сказано, что они скрывали враждебное отношение к чешской нации в период Карпатской Украины и принадлежали к организации "Сечь"». По мнению авторов послания, в Подкарпатской Руси в межвоенный период наблюдалось мирное сосуществование чешского и украинского населения, а единичные случаи конфликтов были обусловлены напряженной политической атмосферой последних месяцев существования Чехословацкой Республики, ответствен-

ность за которую в равной степени несли чехи и украинцы. Утверждалось, что члены «Карпатской Сечи» стали основными защитниками Чехословакии от вторгавшихся венгерских войск: «Организация "Сечь" имела единственную цель – защиту Карпатской Украины от венгров. В этом было ее единство со всем населением Карпатской Украины, которое с оружием в руках боролось против присоединения Карпатской Украины к Венгрии и протестовало против лозунга о том, что Карпатская Украина добровольно и натуральным образом хочет возвратиться в рамки Короны Святого Стефана и сбросить двадцатилетнее чешское ярмо. Эта единственная цель большой карпатоукраинской нации никак не может трактоваться как враждебная чешской нации или республике. Однако случилось так, что в последние дни Карпатской Украины стало очевидно, что оборона региона, который был составной частью Чехословацкой Республики, ложится исключительно на плечи украинского элемента. Возникли недоразумения и проявления локальной и единичной вражды между чешским и украинским народами. Оборона населения Карпатской Украины, организованная по большей части "Сечью", имеет теперь историческое значение, т. к. часть той бывшей Чехословацкой Республики была венграми насильно отобрана против воли и при сопротивлении ее жителей. Во многих случаях этого не поняли, осознанно и неосознанно были созданы препятствия (со стороны чехов. – *О.К.*). В конце концов, следует отметить, что украинцы Карпатской Украины, несмотря на очень скромные людские и материальные ресурсы, вопреки всем тенденциям времени пытались не допустить отторжения этого куска земли от страны, в которой часть украинского народа жила наиболее свободно. <…> Раз и навсегда следует подчеркнуть, что с украинских земель по инициативе украинцев не был изгнан ни один чех, наоборот, пропагандировалась идея дальнейшего сотрудничества» [18].

Данный документ не оказал существенного влияния на власти протектората Богемии и Моравии. Было очевидно, что авторы письма, пытаясь в изменившихся реалиях продемонстрировать исторически обусловленную лояльность представителей радикального украинофильского движения Подкарпатской Руси к чехам, выдавали желаемое за действительное. В монографии польских историков М. Ярнецкого и П. Колаковского «"Украинский Пьемонт". Закарпатская Русь в период автономии 1938–1939 гг.» приводится множество примеров, подтверждающих желание радикальных членов «Карпатской Сечи» полностью порвать все связи с Прагой и добиваться построения независимого украинского государства. Для этой цели даже рассматривалась возможность отстранения от власти А. Волошина. Сечевики фактически подменили собой чехословацкую жандарме-

рию и армию. Например, И. Роман, один из лидеров «Карпатской Сечи», на вопрос офицера польской армии о планах парамилитарной организации ответил: «Готовимся к разгрому и изгнанию чехов». Сечевики нападали на арсеналы жандармерии и армии. В одной из таких акций 3–4 марта 1939 г. под Хустом участвовал будущий руководитель Украинской повстанческой армии Р. Шухевич [20: 229–232]. Подобные случаи не были единичными. В ночь на 14 марта 1939 г. формирования «Карпатской Сечи» начали вооруженный путч, сделав попытку захватить склады с оружием, объекты инфраструктуры, административные учреждения и разоружить полицию и жандармерию. Путчистам удалось захватить вокзал, почту и разоружить несколько чехословацких патрулей. Поднятые по тревоге генералом Л. Прхалой Хустский стрелковый полк и части 12-й чехословацкой стрелковой дивизии получили приказ восстановить порядок. На улицы Хуста были введены легкие танки и артиллерия чехословацкой армии, в городе шли настоящие уличные бои. Чехословацкой армии удалось сломить сопротивление сечевиков [15: 189]. Подобные факты демонстрировали полную несостоятельность доводов, изложенных в письме Э. Гахе членами украинской эмигрантской организации. Впрочем, кабинет А. Волошина предпринимал ряд шагов по нормализации отношений между чехами и автохтонным восточнославянским населением Подкарпатской Руси, но большинство из них не имели эффекта. Украинский историк Н. Вегеш в этой связи отмечает: «Чехи не воспринимали украинскую власть и ее решения, а украинцы стремились избавиться от "опеки", нередко используя для этого методы, которые противоречили чехословацкой Конституции» [4: 15].

20 ноября 1939 г. А. Волошин и С. Клочурак составили меморандум, который через министра транспорта И. Гавелку в начале декабря был передан президенту протектората Э. Гахе. В нем шла речь об обеспечении государственных служащих, принятых на работу в период функционирования автономного кабинета Волошина. В документе утверждалось, что еще до венгерской оккупации около 100 сотрудников не получили положенного жалования от чехословацкого правительства. Авторы меморандума тенденциозно заявляли, что проукраинский курс автономного правительства, значимую роль в реализации которого сыграли указанные чиновники, был предопределен настроениями жителей региона: «Под постоянно растущим давлением населения, требовавшего украинизации общественной жизни, а также из-за отъезда венгерских и мадьяризированных чиновников в отторгнутые земли (южная часть Подкарпатской Руси, отошедшая к Венгрии в результате Венского арбитража 2 ноября 1938 г. – *О.К.*) и возвращения чешских чиновников на исторические территории

правительство Карпатской Украины было вынуждено брать на работу новых сотрудников, частично из числа украинской эмиграции» [18]. Утверждения о «требованиях украинизации общественной жизни» со стороны жителей региона можно поставить под сомнение на основе анализа волошинского официоза «Новая свобода». В одном из номеров газеты автор невольно выражал неуверенность в «украинскости» населения Подкарпатской Руси: «Ряд фактов <…> свидетельствует о незнании украинского языка мадьяронским и русофильским учительством. <…> Много недобитков осталось у нас, которые и дальше работают среди украинской молодежи. <…> Плохое усвоение украинского языка в школах обусловлено живучестью старого режима. Что же мы, к большому сожалению, вынуждены констатировать? Ужасающую неграмотность в области украинского языка» [15: 187]. Ряд украинских историков признает наличие антидемократичных методов управления правительства Волошина, которые проявились в т. ч. в ликвидации русофильских институций. Так, С. Виднянский считает такие шаги автономного кабинета мерой защиты от агрессивного поведения соседей (Венгрии и Польши), которые пытались окончательно дестабилизировать ситуацию в регионе [5: 85–86].

Из Канцелярии президента меморандум был отправлен в президиум правительства. Автор пояснительной записки выражал сомнения в достоверности данных о якобы многомесячных задолженностях служащим Карпатской Украины. Чиновник также обращал внимание на тот факт, что, согласно циркуляру Министерства внутренних дел № 4824 от 10 октября 1939 г., все вопросы, касавшиеся русской, украинской и кавказской эмиграции, должны быть отнесены к компетенции тайной государственной полиции [18]. Следующий раз данный меморандум упоминается в документах архива Канцелярии президента республики спустя почти полтора года – в мае 1941 г. В отчете, составленном сотрудником Канцелярии президента, сообщалось, что 22 мая 1941 г. состоялся его телефонный разговор с чиновником президиума правительства Я. Нетрвалом. Последний напомнил о меморандуме А. Волошина и С. Клочурака и отметил, что, согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 22 августа 1940 г., вопрос денежных выплат бывшим служащим Карпатской Украины должен был решаться Министерством финансов [18]. Больше о меморандуме Волошина и Клочурака материалов не сохранилось. Это дает основание предполагать, что поднятый в нем вопрос так и не был решен.

В начале декабря 1939 г. министр транспорта Й. Гавелка передал президенту протектората Богемии и Моравии Э. Гахе еще один меморандум, на сей раз за единоличным авторством С. Клочурака. В документе содержалась просьба о денежной помощи 13 врачам

из Подкарпатской Руси, которые после событий марта 1939 г. оказались на территории протектората, а также об их трудоустройстве: «Идет речь о верных гражданах бывшей республики, которые 20 лет несли службу в беднейшем ее регионе и продемонстрировали верность государству и чешской нации. Все они арийского происхождения и с 1925 г. являются членами Центрального объединения чешских врачей». Спустя почти год, 18 октября 1940 г., Министерство внутренних дел направило официальный ответ С. Клочураку. В документе содержалась информация о каждом из 13 врачей, упомянутых в меморандуме, и утверждалось, что власти протектората сделали все возможное для их обеспечения. Четверо бывших врачей (Н. Рачив, Д. Ясинчукова, А. Янисевская, И. Калужная) не обращались в Министерство социальных вопросов и здравоохранения с просьбой получить практику. Е. Голубец и С. Литов перебрались на работу в Германию, до этого власти протектората выплачивали им денежную помощь, равную половине предыдущего заработка. Пять человек (А. Гончаров-Гончаренко, Л. Литвин, И. Вовк, А. Плиташ, З. Плиташ) были трудоустроены. И. Очеретко, бывший окружной врач села Билки (округ Иршава), не получил рабочего места в протекторате, т. к. «в достаточной степени не овладел чешским языком и не сдал врачебный экзамен, что являлось необходимым условием получения должности окружного врача». М. Стаховский пожелал приступить к практике в Праге, но против выступили врачебная палата и магистрат города. Однако он мог повторно подать ходатайство о трудоустройстве в Праге или в любом другом населенном пункте [18].

Лидер украинофильского лагеря А. Волошин пытался добиться от властей протектората Богемии и Моравии улучшения собственного материального положения. В письме президенту протектората Э. Гахе (15 августа 1940 г.) он ходатайствовал о назначении ему пенсионных выплат за более чем сорокалетнюю педагогическую деятельность (в т. ч. на должности директора учительской семинарии в Ужгороде). Обращение бывшего президента Карпатской Украины в Министерство школьного образования и народного просвещения, казалось, возымело эффект: на основании действовавших законов 31 октября 1939 г. министр назначил Волошину постоянную пенсию и дал поручение Земскому школьному совету в Праге осуществить соответствующие выплаты. Однако выплаты так и не начали производиться. В Земском школьном совете сообщили, что пенсионные выплаты могут производиться только с разрешения Министерства финансов. При этом в Министерстве школьного образования и народного просвещения А. Волошина заверяли, что никакого согласования с Министерством

финансов не требовалось. Референт правительства Т. Паул в разговоре с Волошиным вспомнил «старые обиды», нанесенные интересам чехословацкого государства бывшим руководителем автономного правительства (в частности, отказ подписать государственный бюджет на 1939 г.). Это дало основание последнему подозревать власти протектората к предвзятости: «Здесь идет речь о мести за выполнение мною своих обязанностей в отношении края, интересы которого я как представитель правительства должен был защищать, поэтому нет причин так долго откладывать удовлетворение моей просьбы» [18]. 25 сентября 1940 г. Волошин обратился со вторым письмом к Э. Гахе, приведя новые аргументы государственно-правового характера. Письмо было направлено на рассмотрение председателю правительства протектората [18]. Информация о дальнейшей судьбе данного документа отсутствует.

А. Волошин не порывал связей с Подкарпатской Русью, входившей в то время в состав Венгрии. 3 ноября 1942 г. полицейский капитанат Ужгорода подготовил для 8-го отдела Министерства внутренних дел Венгрии пространный (почти 20 страниц) отчет о связях Волошина с жителями региона. Автором многих писем формально значился некто «Ференц Туряница», однако сотрудники полиции по почерку установили, что письма были написаны А. Волошиным. Проанализировав содержание корреспонденции, авторы отчета пришли к выводу, что пражский центр украинской эмиграции имел довольно широкую сеть информаторов в Подкарпатской Руси. В нее входили как рядовые симпатизанты украинофильского движения (учительница из Великого Березного О. Дутка, учитель Я. Гопко, монахиня-василианка из Хуста М. Гути и др.), так и довольно влиятельные в регионе лица (греко-католический епископ А. Стойка, члены организации «Подкарпатское общество наук» (ПОН). Судя по содержанию писем, проукраинские настроения Волошина не претерпели трансформации. По замечанию авторов отчета, его связывали «теплые, сердечные отношения» с членами ПОН [22]. Данная организация академического толка, активно пользовавшаяся поддержкой венгерских властей, в качестве цели своей деятельности декларировала развитие самобытной русинской культуры, разработку отдельного литературного языка [8: 93–94]. Показательно, что в работе ПОН приняли деятельное участие многие известные украинофилы. Для ограничения влияния русофилов на настроения жителей региона разработчики «угрорусинизма» привлекали к работе в провластных культурно-просветительских институциях отдельных умеренных украинофилов в случае отсутствия у них политических амбиций и отказа от открытого проявления симпатий идее независимого украинского государства. Лишенное политической

окраски украинофильское направление интеллектуальной мысли Подкарпатской Руси фактически не имело программных установок, принципиально отличавших его от лагеря сторонников «угрорусинизма» [9: 17]. По точному замечанию Н. Мушинки, после присоединения Подкарпатской Руси к СССР целая генерация писателей (например, Л. Демьян, А. Маркуш, Н. Ришко, В. Пипаш), действовавших в русле официального венгерского идеологического курса, органично влилась в украинскую советскую литературу [12: 49].

Наибольшую обеспокоенность у сотрудников полиции вызывали контакты А. Волошина с одним из активистов украинофильского движения М. Бращайко (в прошлом – член правления культурной организации «Просвита», член исполнительного комитета «Украинское национальное объединение», депутат сойма Карпатской Украины), который в то время проживал в Хусте. Анализ их переписки свидетельствует, что Волошин и выехавшие с ним в Прагу приближенные регулярно получали информацию о ситуации в Подкарпатской Руси, в то время как оставшимся в регионе украинофилам из протектората направлялась литература проукраинского содержания. В феврале – марте 1940 г. М. Бращайко с горечью сообщал А. Волошину об отказе венгерских властей легализировать «Просвиту» или создать подобную культурную организацию, делая вывод, что «людям не стоит ждать чего-то хорошего от П. Телеки (премьер-министр Венгрии. – *О.К.*)». Поведение чиновников характеризовалось в письме как «незаконное, противоправное и аморальное». Отмечалось давление на лиц, которые симпатизировали бывшему чехословацкому режиму или украинофилам. В заключение Бращайко рекомендовал Волошину «опасаться платных агентов, которые продали нас» (конкретные имена не назывались). В письме от 1 апреля 1940 г. М. Бращайко делился с А. Волошиным своими рассуждениями о выборах в парламент (несмотря на обсуждения этого вопроса во властных и общественных кругах, парламентские выборы в Подкарпатской Руси в период венгерской оккупации не проводились, депутаты кооптировались в парламент). Автор письма возражал против довольно популярного в украинофильской среде мнения о бойкоте выборов: «Народ не может быть пассивным, он должен голосовать, т. к. с пассивностью ни один народ не побеждал». Бращайко довольно самонадеянно рассчитывал, что из 11 мандатов минимум девять могли получить украинофилы. Для избирательной кампании, по мнению политика, требовалось минимум 100 тыс. пенгё [22: 176–177]. Естественно, оказавшиеся в протекторате украинофилы, которые сами находились в непростом материальном положении, не могли оказать действенной помощи своим единомышленникам в Подкарпатской Руси.

Для некоторых украинофилов переписка с А. Волошиным обернулась большими проблемами. Житель Билок И. Игнатко (депутат автономного сойма Карпатской Украины) в 1939–1940 гг. находился под полицейским надзором. В 1941 г. у полиции вновь появились подозрения в поддержке И. Игнатко украинофильского движения. Вскоре появились доказательства – его переписка с «Ференцем Туряницей» (под данным псевдонимом скрывался А. Волошин). Волошин «в замаскированной, но жесткой форме» призывал И. Игнатко не отрекаться от проукраинских идей. Сам Игнатко в ответном письме «с воодушевлением сообщал о своем участии в украинском подпольном движении». В июле 1942 г. суд Мукачево приговорил его к четырем годам лишения свободы с последующим поражением в гражданских и политических правах на 10 лет [22: 184].

Бывшие члены автономного правительства Карпатской Украины предпринимали попытки повлиять на ситуацию в регионе, надеясь на помощь Германии [21: 250]. В ноябре 1939 г. Ю. Ревай, С. Клочурак, Ю. Перевузник и М. Долинай собрались в Праге в квартире А. Волошина. В ходе беседы произошел обмен мнениями относительно перспективы добровольного присоединения Карпатской Украины к независимой Словакии. В результате возникла идея обратиться к Германии с соответствующим меморандумом. Инициативу подготовки проекта взял на себя экс-министр внутренних дел Ю. Перевузник [13: 94].

Меморандум на имя И. Риббентропа был отправлен 30 ноября 1939 г. Авторы обращали внимание на факт национального, культурного и хозяйственного гнета, которому подвергалось украинское население региона со стороны венгров. Это, в свою очередь, увеличивало число сторонников присоединения к СССР, что проявилось в массовых нелегальных переходах советско-венгерской границы. Авторы меморандума следующим образом оценивали данный факт: «Это в конце концов может вызвать военную интервенцию со стороны Советского Союза под прикрытием освобождения братского народа Карпатской Украины». Волошин и его соратники видели в такой перспективе потенциальную угрозу безопасности всей Средней Европы. Единственным выходом для них представлялась федерация Карпатской Украины со Словакией, «население которой было родственно украинцам и на протяжении тысячелетий разделяло с ними одну судьбу». Особо подчеркивалось, что «союз Карпатской Украины и Словакии возможен только в случае, когда, кроме согласия Словакии, со стороны Великой Германской империи на Карпатскую Украину была бы расширена гарантированная защита». По мнению разработчиков проекта, позитивные результаты такого союза заключались бы в следующем: Карпатская Украина перестала бы быть субъектом

советской экспансии в Средней Европе; Германия получила бы на Востоке никем не контролируемый доступ к румынским источникам сырья; она приобрела бы больший вес в глазах мирового сообщества. Бывшие министры пытались убедить властные круги Германии, что такое решение было бы выгодно и Венгрии, т. к. она избавилась бы от дотационного в экономическом плане региона, население которого «не имело ничего общего с венграми как в этническом, так и в культурном, политическом или языковом отношении», а лишь представляло опасность своим участием в революционной деятельности. Для придания легитимности образованию федерации Карпатской Украины и Словакии предполагалось провести плебисцит под контролем Германии [13: 213–217]. Никакого ответа на данный меморандум экс-представители кабинета А. Волошина не получили.

На этом попытки Волошина повлиять на вопрос государственной принадлежности Подкарпатской Руси не прекратились. 27 мая 1940 г. в письме к Гитлеру он подчеркнул недопустимость наметившегося англо-советского сближения. Бывший президент Карпатской Украины считал, что Э. Бенеш должен был пойти на союз с немцами и переформатировать Чехословакию в реальную федерацию, в которой Карпатская Украина получила бы автономию. В письме к Гитлеру 11 июля 1941 г. Волошин изложил очередной план. В нем Подкарпатская Русь рассматривалась как плацдарм для создания независимого украинского государства, которое должно было стать монархией во главе с немецким кронпринцем. Последний взял бы себе украинское имя и стал бы греко-католиком. Данные предложения также остались без ответа [10: 81–83]. В политической части своего завещания (19 августа 1944 г.) А. Волошин отметил необходимость духовного единства своего народа, что подразумевало наличие единой греко-католической церкви. Лидер украинофильской эмиграции в протекторате выразил надежду на «политическую свободу своего народа, которая будет обеспечена взаимопониманием (федерацией) с соседними народами» [6].

Таким образом, основные векторы деятельности украинофильских эмигрантов из Подкарпатской Руси в протекторате Богемии и Моравии были следующими: институционализация своего движения на территории протектората, стремление добиться от властей финансовой поддержки для бывших чиновников и врачей Карпатской Украины, попытки влияния на национально-культурную и политическую жизнь в оккупированной Венгрией Подкарпатской Руси, поиск поддержки своих планов по изменению государственной принадлежности региона у властей Германии. Можно констатировать, что ни в одном из этих направлений украинофилы не имели успеха. Герма-

ния, несмотря на тактическую поддержку на определенных этапах украинского националистического движения, не рассматривала его представителей как равноправных союзников, ради которых было можно производить кардинальную перекройку карты Европы и портить отношения с Венгрией. Берлин имел определяющее влияние на политический и общественный ландшафт протектората и не допускал существования на его территории институций, которые демонстрировали излишнюю самостоятельность. Вследствие этого организации эмигрантов из Подкарпатской Руси либо ликвидировались решением гестапо, либо проявляли минимальную активность. Апелляция бывших лидеров Карпатской Украины (А. Волошина, С. Клочурака) к властям протектората с целью получения финансовой помощи бежавшим из Подкарпатской Руси чиновникам и докторам была обречена на провал. Во-первых, сами власти протектората обладали весьма ограниченными полномочиями, вся экономика квазигосударственного образования должна была работать в интересах Третьего рейха. Во-вторых, заверения украинофилов в дружбе и наличии «традиций мирного сосуществования украинцев и чехов» не выдерживали никакой критики. Чиновники протектората различных рангов, которые имели опыт взаимоотношений с членами автономного кабинета А. Волошина, не забыли многочисленных проявлений их антигосударственной (с точки зрения чехов) деятельности в октябре 1938 – марте 1939 г. В результате большинство прошений украинофилов годами кочевало по инстанциям протектората и осталось без удовлетворения. Попытки А. Волошина наладить широкую сеть корреспонденции с симпатизантами в Подкарпатской Руси были успешно пресечены венгерской полицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бірчак В.* Карпатська Україна. Спомини й переживання. Прага: Нація в поході, 1940. 92 с.

2. *Вегеш М.* Августин Волошин і Карпатська Україна. Львів: ЗУКЦ, 2004. 414 с.

3. *Вегеш М., Туряниця В.* Короткий життєпис Августина Волошина (1874–1945 гг.). Ужгород: Ужгородський державний університет, 1995. 29 с.

4. *Вегеш М.М.* Закарпаття в контексті центральноєвропейської політичної кризи напередодні Другої світової війни: автореф. дис. … д-ра іст. наук. Київ, 1998. 22 с.

5. *Віднянський С.* Карпатська Україна як етап українського державотворення // Український історичний журнал. 2019. № 2. С. 67–93.

6. *Волошин А.* Мій заповіт (тестамент). URL: http://litopys.org.ua/volosh/volosh47.htm (останній перегляд: 15.06.2020).

7. *Гейгер Б.Я., Сикачев Н.И.* Венгрия и Вторая мировая война. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 368 с.

8. *Казак О.Г.* Культурно-просветительские организации Подкарпатской Руси в национальной политике венгерских властей (1939–1944 гг.) // Российские и славянские исследования: сб. науч. тр. Вып. 10. 2015. С. 91–98.

9. *Казак О.Г.* Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 2017. 25 с.

10. *Мандрик М.* Карпатський геополітичний чинник 1938–1939 рр. у системі міжнародної дипломатії // З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2009. № 33. С. 22–85.

11. *Мушинка М.* Лицар волі. Життя і політично-громадська діяльність Степана Клочурака. Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1995. 283 с.

12. *Мушинка М.* «Світлий дух Угорської Русі»: До 120-ліття з дня народження Гіядора Стрипського // Карпатський край. 1995. № 1–4. С. 45–50.

13. *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. 244 с.

14. *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М.: Европа, 2006. 564 с.

15. *Шевченко К.В.* Мюнхенский сговор 1938 г. как катализатор насильственной украинизации русинов Чехословакии // Мюнхен–1938: Падение в бездну Второй мировой. М.: Кучково поле, 2018. С. 178–192.

16. *Федака С.Д.* Карпатська Україна: Документи і матеріали. Хроніка подій. Персоналії. Ужгород: Закарпаття, 2010. Т. 2. 776 с.

17. *Штефан А.* Августин Волошин – Президент Карпатської України. Торонто: Пробоєм, 1977. 208 с.

18. Archív Kanceláře Prezidenta. Inv. č. 1143. Sign. D 2388/41. Kart. 169. Podkarpatská Rus.

19. *Hubený D.* Ztráta Podkarpatské Rusi na konci druhé světové války: Disertační práce. Praha, 2017. 398 s.

20. *Jarnecki M., Kołakowski P.* «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. 383 s.

21. *Magocsi P.R.* The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge: Harvard Ukrainian series, 1978. 640 p.

22. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 175–194. old. Magyar Királyi rendőrség ungvári kapitányságnak jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «Dr. Volosin Ágoston és társai előélete és magatartása», 1942. November 3.

23. *Tilkovszky L.* Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon. (1938–1941). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 349. old.

REFERENCES

1. Birchak, V. (1940) *Karpats'ka Ukraïna. Spomini y perezhivannya* [Carpathian Ukraine. Memories and experiences]. Prague: Nacija v pohodi.

2. Vegesh, M. (2004) *Avgustin Voloshin i Karpats'ka Ukraïna* [Augustine Voloshin and Carpathian Ukraine]. Lviv: ZUKC.

3. Vegesh, M. & Turjanycja, V. (1995) *Korotkiy zhittepis Avgustina Voloshina (1874–1945 gg.)* [Brief biography of Augustine Voloshin]. Uzhhorod: Uzhhorod State University.

4. Vegesh, M.M. (1998) *Zakarpattya v konteksti tsentral'noevropeys'koï politichnoï krizi naperedodni Drugoï svitovoï viyni* [Transcarpathia in the context of the Central-European political crisis on the eve of World War II]. Abstract of History Dr. Diss. Minsk.

5. Vidnjanskyj, S. (2019) Karpats'ka Ukraïna yak etap ukraïns'kogo derzhavotvorennya [Carpathian Ukraine as a stage of Ukrainian state-building]. *Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal*. 2. pp. 67–93.

6. Voloshin, A. (n.d.) *Miy zapovit (testament)* [My will (testament)]. [Online] Available from: http://litopys.org.ua/volosh/volosh47.htm (Accessed: 15th June 2020).

7. Geyger, B.Ya. & Sikachev, N.I. (1962) *Vengriya i Vtoraya mirovaya voyna* [Hungary and the Second World War]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

8. Kazak, O.G. (2015). Kul'turno-prosvetitel'skie organizatsii Podkarpatskoy Rusi v natsional'noy politike vengerskikh vlastey (1939–1944 gg.) [Cultural and educational organizations of Subcarpathian Rus in the national policy of the Hungarian authorities (1939–1944)]. *Rossiyskie i slavyanskie issledovaniya*. 10. pp. 91–98.

9. Kazak, O.G. (2017) *Etnokul'turnoe razvitie vostochnoslavyanskogo naseleniya Podkarpatskoy Rusi v usloviyakh vengerskoy okkupatsii (1939–1944 gg.)* [Ethnocultural development of the Eastern Slavic population of Subcarpathian Rus under the Hungarian occupation (1939–1944)]. Abstract of History Cand. Diss. Minsk.

10. Mandrik, M. (2009). Karpats'kiy geopolitichniy chinnik 1938–1939 rr. u sistemi mizhnarodnoï diplomatiï [Carpathian geopolitical factor 1938–1939 in the system of international diplomacy]. *Z arkhiviv VUChK – GPU – NKVD – KGB*. 33. pp. 22–85.

11. Mushinka, M. (1995a) *Litsar voli. Zhittya i politichno-gromads'ka diyal'nist' Stepana Klochuraka* [Knight of the will. Life and socio-political activities of Stepan Klochurak]. Uzhhorod: Polichka "Karpats'kogo krayu".

12. Mushinka, M. (1995b) "Svitliy dukh Ugors'koï Rusi": Do 120-littya z dnya narodzhennya Giyadora Strips'kogo ["The bright spirit of Ugric Rus": On the 120th anniversary of the birth of Giador Stripsky]. *Karpats'kiy kray*. 1–4. pp. 45–50.

13. Ofitsinskiy, R. (1997) *Politichniy rozvitok Zakarpattya u skladi Ugorshchini (1939–1944)* [Political development of Transcarpathia in Hungary (1939–1944)]. Kyiv: Institute of Ukrainian History of the National Academy of Sciences of Ukraine.

14. Pushkash, A.I. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e v 1918–1945 gg.* [Civilization or barbarism. Transcarpathia in 1918–1945]. Moscow: Evropa.

15. Shevchenko, K.V. (2018) Myunkhenskiy sgovor 1938 g. kak katalizator nasil'stvennoy ukrainizatsii rusinov Chekhoslovakii [The Munich Agreement of 1938 as a Catalyst for the Forced Ukrainization of the Rusyns of Czechoslovakia]. In: Nazarov, O. (ed.) *Myunkhen – 1938: Padenie v bezdnu Vtoroy mirovoy* [Munich – 1938: Fall into the abyss of WWII]. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 178–192.

16. Fedaka, S.D. (2010) *Karpats'ka Ukraïna: Dokumenti i materiali. Khronika podiy. Personaliï* [Carpathian Ukraine. Documents and materials. Chronicle of events. Personalities]. Vol. 2. Uzhhorod: Zakarpattya.

17. Stefan, A. (1977) *Avgustin Voloshin – Prezident Karpats'koï Ukraïni* [Augustine Voloshin – President of the Carpathian Ukraine]. Toronto: Probojem.

18. Archív Kanceláře Prezidenta. Inv. č. 1143. Sign. D 2388/41. Kart. 169.

19. Hubený, D. (2017) *Ztráta Podkarpatské Rusi na konci druhé světové války*. Diss. Prague.

20. Jarnecki, M. & Kołakowski, P. (2017) "*Ukraiński Piemont". Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM.

21. Magocsi, P.R. (1978) *The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus'*, *1848–1948*. Cambridge: Harvard Ukrainian series.

22. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. Fund K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 175–194. old.

23. Tilkovszky, L. (1967) *Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon. (1938–1941).* Budapest: Akadémiai Kiadó.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, председатель цикловой комиссии преподавателей учебных дисциплин общественно-гуманитарного цикла Минского городского педагогического колледжа (Беларусь).

Oleg G. Kazak – Minsk City Pedagogical College (Belarus).

E-mail: olegkazak90@tut.by

УДК 811.161;81'373.611
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/12

ПОЛДЕНЬ, ПОЛНОЧЬ В АСПЕКТЕ НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Т.С. Соколова[1], Г.Н. Старикова[2]
Томский государственный университет
Россия, 634055, г. Томск, пр. Ленина, 36
[1] E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru
[2] E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается номинативно-деривационный потенциал слов *полдень* и *полночь* в восточнославянских языках, который понимается как способность лексических единиц к продуцированию номинативных средств. Задачи исследования включали выявление состава обозначенной лексики и круга понятий, выражаемых ими, для древнерусской эпохи и современного периода. Всего к исследованию привлечено около 200 единиц номинации. Анализ показал, что восточнославянские языки значительно развили данные гнезда, при этом номинативно-деривационные возможности этих слов реализовались преимущественно в народной речи, породив в ней богатую синонимию лексических средств. Сравнение обнаружило несомненно бóльшую мощность гнезда *полдень* по сравнению с *полночь,* бóльшее формально-семантическое разнообразие его дериватов, что объясняется наличием у слова множества значений, обусловленных особой ролью светлого времени в жизни человека. Семантика исходных слов определила характер номинативных сфер, маркируемых производными единицами («Время», «Природа», «Человек»), отразивших накопленный социально-мировоззренческий опыт близкородственных народов, их тесную взаимосвязь. Структура и значение дериватов в разных языках обладают как общими, так и особенными чертами. Общность выражается одномодельностью образований и их синонимией (рус. *ополночь*, укр. *опівніч,* блр. *апоўначы,* русин. *опівнічь, упувночи*), специфичность – их формальной и содержательной уникальностью: рус. *межполдень* 'южная сторона', *однополдёнок* 'светлое время суток', *полденошник*

'подойник', укр. наречия *південніше, північніше,* блр. наименования мифологических существ, русин. *дополуднярь,* 'пастух'*, упідполудне* 'в первой половине дня' и др. Все вместе они демонстрируют номинативно-деривационный потенциал наименований кульминационных моментов светлого и темного времени суток, развивавшийся в т. ч. под влиянием друг на друга близкородственных языков.

Ключевые слова: восточнославянские языки, номинация, словообразование, деривационный потенциал.

POLDEN, POLNOCH IN THE ASPECT OF NOMINATIVE DERIVATION (BASED ON MATERIAL FROM EASTERN SLAVIC LANGUAGES)

T.S. Sokolova[1], G.N. Starikova[2]

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
[1] E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru
[2] E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The article considers the nominative-derivational potential of the words *polden* and *polnoch* in the East Slavic languages. The nominative-derivational potential is understood as the ability of lexical units to produce nominative means. The objectives of the study include identifying the composition of the indicated vocabulary and the range of concepts they express for Old Rus and modern times. The analysis has involved about 200 units of nomination and showed that the East Slavic languages significantly developed these word families, with their nominative-derivational capabilities mainly realized in folk speech through rich lexical synonymy. The comparison has revealed a greater power of the word family *polden* compared to *polnoch*, as well as a greater formal-semantic variety of its derivatives, which is explained by its numerous meanings due to the special role of daylight in human life. The semantics of the source words determined the nature of the nominative spheres marked with derivative units ("Time", "Nature", "Man"), reflecting the accumulated socio-worldview experience of closely related peoples, their close relationship. The structure and meaning of derivatives in different languages have both common and special features. The commonnes is expressed by the unimodel formations and their synonymy (Rus. *opolnoch*, Ukr. *opivnich*, Bls. *aponachy*, Rusin. *opivnich, upunochi*), specificity – by their formal and

/ meaningful uniqueness: Rus. *mezhpolden* 'south side', *odnopoldenok* 'light time of day', *poldenoshnik* 'milking bucket', Ukr. adverbs *pivdennishe*, *pivnichniche*, Blr. names of mythological creatures, Rusin. *dopoludnyar,* 'shepherd', *upidpoludne* ' in the first half of the day' and others. Together, they demonstrate the nominative-derivational potential of the names of the light and dark day time climax, which developed, *inter alia*, under the mutual influence of closely related languages.

Keywords: East Slavic languages, nomination, word formation, derivational potential.

Введение в проблему

Темпоральные оппозиции типа *зима – лето, утро – вечер* относятся к важнейшим в «сетке координат» мифопоэтической модели мира в рамках отдельных культур [32], определяемой как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [33: 161]. В частности, данное обстоятельство обусловливает неизменно высокий исследовательский интерес в славистике как к аксиологической сущности суток [31] и их частей [12; 13], так и к разноаспектным собственно лингвистическим описаниям данной лексики в сравнительно-сопоставительном плане [3; 8; 11; 34].

Объектом настоящего исследования стали обозначения кульминационных моментов дня и ночи (*полдень* и *полночь*) и их дериваты, образующие в восточнославянских языках гнезда однокорневых производных разной структуры. Предмет описания – номинативно-деривационные потенции исходных слов, реализованные в лексических единицах языков, формальное и семантическое сходство и различие дериватов, выявленные как в отношении состава и структуры гнезд, так и языков. Наиболее интересным представляется последний аспект, поскольку словообразовательная специфика языков, характеризующихся общностью способов и средств деривации в силу единства их формирования в праславянскую эпоху[1], не является явной и потому заслуживает специального изучения. Первым этапом исследования стало выявление круга обозначенной лексики и ее характеристика для древнерусской эпохи – начала письменной истории современных восточнославянских языков, вторым – описание номинативных единиц, восходящих к *полдень* и *полночь*, в современных близкородственных языках, заключительным – их сравнительный анализ. Материалом для него послужил ряд словарей (исторических и современных, включая диалектные) русского, белорусского, украинского и русинского языков, этнолингвистическая литература. Всего к исследованию привлечено около 200 единиц номинации.

Характеристика лексического материала древнерусского языка

Согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», к началу письменного периода древневосточнославянский язык располагал наименованиями середины дня и ночи и определенным количеством их дериватов [24: 69–73; 25: 201–271]. Исходные для нашего материала единицы, в основе которых лежат о.с.**polъdьnь* и **polъnoktь*, являются композитами первой ступени словопроизводства от названий светлого и темного времени суток. Первый корень этих праформ реализовался в производных как *пол*(ъ)- (фонетически закономерная форма), *полу*- (грамматически закономерная форма из косвенных падежей для имени из склонения на *ŭ) и *пла*- (церковнославянская форма, ср. болг. *пладне* 'полдень'; 'юг'), а корень *nokt*- для исконных слов имел вид *ноч*-, для заимствованных – *нощ*-. Этим фактом объясняется наличие в древнерусском языке формальных вариаций (семантических дублетов) для обозначения кульминационных точек дня (*полдень, полудень*, *пладень*) и ночи (*полночь, полнощь, полуночь, полунощь*, *планощь*). Данные образования унаследовали от производящих полисемию, основанную на переносе наименования по смежности. Так, все перечисленные единицы имели в качестве основных по два значения: $_{1.}$'середина дня, полдень'; $_{2.}$'юг'(для первой группы) и $_{1.}$'середина ночи, полночь'; $_{2.}$'север' (для второй). Помимо общей для названных слов семантики, вершинные лексемы имели и другие значения (или их оттенки): *полдень* – $_{1а.}$'полуденный жар, зной'; $_{3.}$'половина дня, суток'; $_{3а.}$'половина дня как единица измерения расстояния' [25: 201–202]; *полночь / полуночь* – $_{3.}$'половина ночи как часть производственного цикла'; $_{4.}$'право на ловлю рыбы в течение одной полуночи и на улов, полученный за это время'; $_{5.}$'половинная часть пая в солеваренном производстве' [25: 227–228]. Дополнительные значения получают исходные единицы в форме мн. ч.: *полдни*$_{3}$ – 'еда и отдых в полуденное время'[2], возможно, *полунощи*$_{3}$ – 'время, близкое к полуночи, ночная пора'. В абсолютном большинстве случаев в последующем словопроизводстве участвовали лишь основные значения, что проявилось в полисемии отыменных производных трех групп первого шага деривации:

1. Прилагательные с семантикой $_{1.}$'полуденный', $_{2.}$'южный' (*полденный*$_{1,2}$, *полуденный / полудьнный*$_{1,2}$, *пладенный / пладьнный*$_{1,2}$, *полудневый*$_{1,2}$, *полудневный*$_{1,2}$) и $_{1.}$'полночный', $_{2.}$'северный' (*полуночный*$_{1,2}$, *полнощный*$_{1,2}$), причем у последнего отмечено еще значение 'северо-восточный' (*полунощный*$_{3}$).

2. Существительные – абсолютные синонимы мотиваторов, результат вторичной номинации (*пладение*$_{1,2}$, *пладенья*$_{1,2}$, *пладнина*$_{1,2}$,

полуденье$_{1,2}$, *полудние*$_{1,2}$, *полуднина*$_{1,2}$ – то же, что *полдень*$_{1,2}$; *полуночие*$_{1,2}$, *полунощие*$_{1,2}$ – то же, что *полночь*$_{1,2}$); сюда же могут быть отнесены случаи плюрализации: *полдни / полудни*$_{1,2}$ и *полунощи*$_{3,4}$. У одного из дериватов этой группы отмечен также дополнительный оттенок значения – 'северные страны' (*полунощие*$_{2a}$).

3. Наречия, представленные падежными формами исходных слов (*полдне / полудне*: $_{1.}$'в полдень'; $_{2.}$'на юг'; *полуднем*: $_{1.}$'на юге'; *полночи / полуночь*$_{6}$ */ полуночи* 'в полночь'; *полунощи*: $_{1.}$'в полночь'; $_{2.}$'на севере, к северу'). Вместо ожидаемого 'в полдень' у наречия *полуднем*$_{2}$ словарем отмечено значение 'в течение половины дня, за половину дня', соотносимого с *день* [25: 202].

Явнее всего различия в гнездах демонстрирует глагольная часть производных, наличествующая только в *полдень*: *плад(ь)новати* 'предаваться полуденному отдыху', *полдневати* $_{1.}$'делать остановку для еды и отдыха в полуденное время'; $_{2.}$'полдничать, принимать еду в полуденное время', а также *полдничати* и *полудновати* – в последнем из указанных значений. Они входят в ту же парадигму, что и предыдущие группы дериватов.

Ко второму шагу деривации в гнездах этого периода следует отнести случаи субстантивации прилагательных: *полденная*, ж. 'южная сторона, юг', *полунощные*, мн. 'молитвы, читаемые во время полунощницы'. С адъективами соотносимы и несколько существительных второго гнезда: *полуночник* $_{1.}$'север', $_{2.}$'северо-восток'; *полунощник* 'север'; *полуночница* и *полунощница* $_{1.}$'церковная служба, первоначально совершавшаяся в полночь, а позднее в любой час перед утреней или вместе с нею'; $_{2.}$'текст такой службы', хотя их структура (наличие суффиксов -ник- и -ниц-) позволяет также соотносить эти слова с исходными существительными, а *полунощница*$_{2}$ – еще и с названием ночных молитв, что может служить основанием для увеличения глубины гнезда до трех ступеней деривации уже к старорусскому периоду.

Многократная лексическая маркировка кульминационных моментов светлого и темного времени суток свидетельствует об их особой значимости для человека, чей образ жизни определялся движением основных небесных светил – Солнца и Луны. Данный факт обусловил сопряженность временны́х координат общего мироустройства с пространственными (стороны света) и социальными (виды деятельности). Большинство производных соотносимы непосредственно с исходными словами и имеют однотипный для обоих гнезд характер – как со стороны формы, так и содержания. При этом обнаруживается структурное однообразие дериватов, мотивированное типом производящих именных основ, не предполагающих присоединение целого ряда древних суффиксов, а также ограниченность номинатив-

ного пространства гнезд сферами «Время», «Природа», «Человек». Одновременно материал выявляет и определенную специфику в их маркировке, поскольку день – активное время, а ночь – время покоя (*работать – день коротать, отдыхать – ночь избывать*; *день в грехе, а ночь во сне*). Дериваты *полдень* номинируют преимущественно отдых как паузы в работе – с принятием пищи или без (*без отдыха и конь не скачет; старые отдыхают, когда лежат, а молодые – когда едят*), а *полночь* – трудовую деятельность, выпадающую из стандартной нормы работать днем, а также общение с Богом (*ловец да чернец и по ночам мало спит*).

Характеристика лексического материала современных восточнославянских языков

Современные восточнославянские языки во многом сохранили общее древнерусское наследство, о котором судить с наибольшей достоверностью позволяет прежде всего материал русского языка, наиболее доступный для настоящего исследования. Так, значение 'середина дня' передается рус. *полдень,* обл. *полденки, полдёно, п**о**лдн**и**, п**о**лдн**и**к, п**о**лдн**я*** [21: 40–44], *половиндень* [21: 89], *пол**у**денка, п**о**л**у**день, пол**у**денье*$_1$, *п**о**лудни*$_1$, *полудник*$_1$ [21: 142–144], *полу-то-день* [21: 165], *п**о**ндли* [21: 253], *полдён, пол**у**дновка* [15: 133–134], блр. *поўдня* и *поўдзень* [18: 464], обл. *повдзёнки, повдзенне, повдня* [16: 425], *полудзень*$_2$, *полудне* [16: 463], укр. *південь*^{1} [29: 379] и *полудень*^{1}$_1$, обл. *полудне и полуднє* [30: 101], русин. *полудне* [5: 154; 10: 126], *повудне* [35: 116], *полунне* [14: 369], *полудень* [17: 200]. Соответственно, 'середина ночи' маркируется рус. *полночь,* обл. *полуночка* [21: 84], *полуночник*$_2$ [21: 155], *полыночь* [21: 177], фольк. *полночушка* и *полуночушка* [21: 84, 158], устар., поэт. *пол**у**ночь*, блр. *поўночы*, *поўнач* [18: 466], *полуночь* [16: 463], укр. *північ* [29: 383], редк. *полуніч*^{2} [30: 103] и *опівніч*$_1$ [28: 711], устар. *полночь*, русин. *пувнуч* [10: 232], *опівнічь* [5: 140].

Если наука определяет данные моменты суток с максимально высоким (полдень) и максимально низким положением солнца (полночь) над горизонтом как различающиеся во времени величины в системе часовых поясов[3], в обыденном сознании с ними связаны не только официально закрепленные представления о конкретных точках на оси суточного цикла (12.00 и 00.00), но и расширение этих периодов при неопределенности их границ. Надо полагать, смещение таких представлений в сторону более позднего времени произошло под воздействием как языковых (влияние внутренних форм слов: половина светлого / темного времени), так и экстралингвистических факторов (человек стал позже ложиться спать и позже вставать, гра-

ницы дня и ночи как активного и пассивного времени сдвинулись). Эту мысль подтверждают обращения к интернет-сообществу типа: «Подскажите: когда, во сколько бывает ПОЛДЕНЬ (ПОЛНОЧЬ)? В 12.00, или в 13.00, или вообще в 14.00 (00.00, 01.00 или 02.00)?» (otvet.mail.ru). Данную же идею доказывает и лексический материал: помимо общего значения 'середина дня, полдень', некоторые из указанных выше слов могут выражать и другие значения. Например, *полдень*$_2$ – 'предвечернее время (после 3–4 часов дня)', *полдни*$_4$ – '3–4 часа дня', *полдёнки*$_2$ – 'время от полудня до вечера', *полдня*$_1$ – 'промежуток времени от 11–12 часов дня до 3–5 часов', *полудни*$_2$ – 'время после 12 часов' [21: 41–44, 144][4]. Подобные разночтения в понимании границ этих периодов показывают и составные наименования: рус. *свиной (свининый, свинячий) полдень*, то же – в форме мн. ч. '9–10 часов утра, когда дают первый корм животным'; 'время после полудня'[5], *глухой полдень / глухие полдни* 'тихий жаркий поздний полдень' [21: 41–42], укр. *глупа / глуха північ* (*ніч*) [26: 84–89], блр. *глухая поўнач* 'поздний час ночи'.

Что касается выражения названными словами семантики 'сторона света', современные восточнославянские языки обнаруживают достаточно яркое своеобразие. Так, в русинском языке данные значения в использованных в работе словарях не зафиксированы вообще, соответствующая семантика передается лексемами *юг* и *сївер*, от них же образованы *юга*: 'теплый ветер; зной, жар', *юговий* – 'южный; знойный, жаркий, жгучий', *югівець* – 'южанин', *югівський* – 'южнорусский' [17: 301], *сіверко* – 'северный ветер' [17: 236]. Для русского литературного языка значения 'юг' у *полдень* и 'север' у *полночь* являются устаревшими, хотя в народном типе языка большинство наименований середины светлого времени (*полдень*$_{13}$, *полдён*$_5$, *полдник*$_5$, *полднище*$_1$, *половиндень*$_4$, *полуден*$_2$, *полуденник*$_3$, *полудень*$_5$, *полуденье*$_3$, *полудник*$_5$) и два наименования середины темного времени (*полночь*$_3$, *полуночь*$_3$) их имеют. Русским же говорам известны и другие «ориентирные» значения *полдень* – 'запад' и 'юго-западный ветер' [21: 42]. В украинском языке временны́е и пространственные значения подаются как омонимичные: *південь*^{1} 'полдень' и *південь*^{2} 'юг', *північ*^{1} 'полночь' и *північ*^{2} 'север', а для *полудень* и *полунічь* последние значения признаются редкими и архаичными. Как стремление к преодолению омонимии можно воспринять тяготение различных значений к разным прилагательным: 'полуденный' – это *полуденний, полудневий, полудній* [30: 100], а 'южный' – *південний* [29: 379], аналогично 'полночный' – *опівнічний, полуночний* (редко), 'северный' – *північний*. Похожая картина в белорусском языке, где 'полдень' и 'полночь' обозначаются многими лексемами (см. выше), а 'юг' и 'север' – *поўдзень* и *поўнач* соответ-

ственно, 'полуденный' – это, прежде всего, *паўдзённы*[1], а у *паўднёвы* это значение устаревшее. В отличие от украинского, в белорусских словарях нет единства в представлении этих единиц омонимами или полисемичными словами.

Таким образом, два представленных значения, возникнув еще в дописьменную эпоху, продолжают оставаться главными для восточнославянских языков. Если *полночь* остается одно- (русин.), трех- (блр.), четырех- (рус.), пятизначной (укр.) в этих языках, то *полдень* и некоторые его синонимы обладают более развитой семантикой, что объясняется отнесением светлого периода к активному, ежедневно наблюдаемому человеком времени. Прежде всего следует отметить, что современными языками поддержано у его названий значение 'прием пищи и / или отдых': рус. *полден*$_4$, *полдень*$_3$, блр. *полудзень*, укр. *полудень*[1] и *південь*[1], русин. *полудень* [17: 200], *полуденок* [5: 154]. Время этих действий также может варьироваться: рус. *полден*$_4$, *полдень*$_9$ – 'еда между обедом и ужином', *полдёнки*$_3$ – 'еда и отдых в полдень', *полдень*$_{11}$ – 'завтрак', *полдник*$_2$ – 'полуденный отдых, обед', блр. *полудзень*$_1$ – 'обед', а *полудзень*$_3$ – 'полдник' (*падвячорак*), укр. *полудень*$_5$ – это 'прием пищи в полдень или между обедом и ужином' [30: 101]. Русин. *полуннувати* [14: 369], *полуденковати, полудновати* – 'обедать' [10: 126], но для последнего глагола также отмечается значение 'полдничать' [17: 200]. В словаре И. Керчи данное значение передается глаголом *ловранковати* (обл. *жовранковати*) [9: 479], соотносимым с схв. *lôvra* – 'ужин косарей; полдник', *ловрати* – 'принимать пищу на косовице', сближенного с *ранок* 'утро': от венг. *lórant*, восходящего, в свою очередь, через словацкий к нем. *Halberabend* 'половинный вечер' [6: 278], что показывает уникальность лексической системы русинского языка, теснее других восточнославянских связанного с указанными языками. Заметим попутно, что диалектный материал показывает и обратный путь развития значений: так, у слова *обед*, помимо общерусских, возможны значения 'завтрак', 'полдень', 'рабочее время от отдыха до отдыха', 'юг', а *обеденник* и *обедник* – это 'юго-восток // юг' и 'юго-восточный ветер', *обедничный* – 'южный', *обеде / очник* – 'молоко полуденного удоя' [20: 25–28] – еще одно свидетельство связи времени, пространства и социального бытия.

В данной сопряженности основой для развития многозначности выступает темпоральная семантика. Например, линейное представление времени явилось предпосылкой для развития у *полдень* поэтического значения 'середина жизненного пути, конец молодости', что, кстати, ситуативно может выражаться и лексемой *полночь*, ср.: *С вечера девка, со полуночи молодка, а по заре хозяюшка*. Это делает понятными значения дериватов *полуденка*$_3$, *полуденица*$_3$, *полудённая телка* 'телка

по второму году', *полуденник*$_5$, *полудёнок*$_4$ 'годовалый теленок // бычок по второму году', а также *полдневать, полудновать* 'жить последние минуты перед смертью, едва держаться, существовать' [21: 142–145]. Направление развития семантики у исходных слов представлены на схемах 1 и 2.

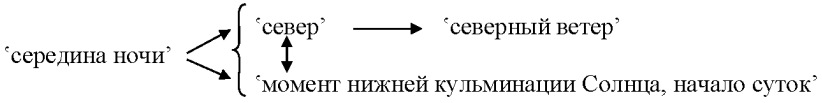

Схема 1

Схема 2

Из всех значений *полночь* и *полдень* активнее всего в формальной (словообразовательной и синтаксической) деривации участвуют первые, прямые, ЛСВ – они образуют слова четырех знаменательных частей речи во всех языках: существительные, прилагательные, глаголы и наречия (см. ниже), на их же основе преимущественно происходит развитие полисемии. От второго значения, которое, напоминаем, отсутствует в русинском, – только именные части речи, а в белорусском и украинском – еще и адвербиальная лексика: *па-паўднёваму – по-південному* 'по-южному', *па-паўночнаму – по-північному* 'по-северному', а также *південніше* 'в направлении к югу, южнее' и *північніше* 'к северу, севернее' (укр.). С третьим значением наименования светлого периода – 'прием пищи и / или отдых' – связано образование лишь существительных и глаголов с той же общей семантикой. С «мерным» значением исходного для *полдень* слова можно соотнести, причем опосредованно, рус. *полдён*$_3$ 'половина дня', *полднище* 'путь, который может быть преодолен за полдня', *полдень*$_5$ 'время между перерывами в работе', близки к нему и названия домашних животных второго года жизни.

Производные обоих СГ в определенной части своих составов представлены однотипными образованиями (рус. *полу**де**нник* 'южный

ветер' и *полу**но**чник* 'северный ветер', блр. *апоўдні* и *апоўначы*, укр. *опівденний* и *опівнічний*, русин. *уполудне* и *упувночи*), в другой – разнотипными, что связано с особенностями семантики вершинных слов. К числу последних могут быть отнесены рус. *полночушка,* 'ласк. к *полночь*', укр. *полуднання* 'прием пищи', бел. *палуднаваць*, русин. *полуденковати* 'обедать'. Деривационный инвентарь языков также частично совпадает, однако материал русского языка отражает более широкий его репертуар – ср., напр., набор суффиксов, образующих существительные: *-нік, -ніц-а, -нн-е, -(а)к-* (блр.), *-ок, -ець, -анин, -к-, -нн-е* (укр.), *-арь, -ок, -ик* (русин.) и *-ок/-ек, -ик/-ик-(а), -к-, -ник, -як, -ниц-, -ищ-, -ёх-, -юх-, -нij-, -j-, -ость, -ушк-* (рус.), причем большинство из них входят лишь в производные гнезда *полдень*. При разной мощности – как в отношении разновершинных СГ одного языка, так и одновершинных разных языков – гнезда характеризуются одинаковой максимальной глубиной в три деривационных шага. Примеры трехступенчатых словообразовательных цепочек: рус. *полдень – полдник – полдничать – полдничание*; укр. *північ*[1] *– опівніч / опівночі – опівнічник – опівнічниця*; бел. *палудзень – палуднік – палудніковаць – папалудніковаць / перепалудніковаць*; русин. *полудне – полудновати – наполудновати – наполудновати*(*ся*). Дериваты при этом могут быть связаны с исходными словами непосредственными или опосредованными мотивационными связями, как и в случае с семантической деривацией, что было показано на схемах 1 и 2. Например, *однополдёнок* 'время от утра до вечера; день' может быть производным как слова *полдень*, так и *полдёнка* или *полденки*, а *полуночник* 'ночная церковная служба у старообрядцев' может быть выведен не только из *пол(у)ночь*, но и *пол(у)ночный*.

Ярче всего своеобразие гнезд отражает семантика их единиц. Как уже отмечалось, данные производные маркируют три понятийные (иначе – номинативные) сферы, названные «Время», «Природа» и «Человек», пересекающиеся друг с другом, почему границы между ними носят условный характер. Так, первую репрезентирует адвербиальная, субстантивная и адъективная лексика. В группе наречий (и наречных конструкций) представлены единицы с общей семантикой: 1) 'в период, обозначенный мотивирующим словом': рус. *ополдни, полудённом, уполдня* [23: 271] – *ополночь*, блр. *апаўдні, апоўдні, у поўдзень – апоўначы*, укр. *опівдні, опівдня – опівніч, опівночі, ополуночі* (редк.) [28: 721], русин. *уполудне, наполудне* [10: 126], *вполунне / уполунне* [14: 88 / 479] – *упувночи* [14: 502]; 2) 'накануне периода, обозначенного мотивирующим словом': блр. *час да паўдня, перад паўднём* [18: 464], русин. *упідполудне, пім полудне* [5: 192, 154], *дополудне – допувночи* [9: 240]; 3) 'после периода, обозначенного мотивирующим словом':

рус. *пополудни – пополуночи*, блр. *папаўдні, пасля паўдня* [18: 476], *заповдня* [16: 180], укр. *пополудні* [30: 218] – *запівніч* [27: 258], русин. *пополудне, пополудню – попувночи* [10: 137–140], *с полудне – по опівночі* [5: 140, 154].

Существительные включают наименования с общим значением 'время, период': рус. *полуде / ённик, полудновка* 'полуденная пора', *полденки* 'время от полудня до вечера', *полуночка*, *полуночник*$_2$ 'полночь, ночное время' [21: 155], укр. *пополудень* 'время после полдня' [30: 218], блр. *повдзёнки* 'время от зари до полудня' [16: 425], русин. *опівнічь* 'время с 12 до 1 часу ночи' [5: 140], *дополудне* 'первая половина дня', *пополудне* 'вторая половина дня'. Включение в толкование подобных слов качественных характеристик периода сближает группу с номинативной сферой «Природа» – *полднёвка*$_1$ 'летний жаркий полдень'. Связь прилагательных со значением 'относящийся к периоду, обозначенному мотивирующим словом' с другими сферами тоже очевидна, т. к. полуденным или полуночным может быть не только время, но и работа, натурфакты. Сюда относятся слова: рус. *полдённый, полдённышний, полдневный*$_1$, *полдневой*$_2$, *полднешний, полдний, полуденный*$_1$, *пол(у)ночный*$_1$, укр. *опівденний, опівднішний, полуденний, полудневий, полудній, пополудній, пополудневий, північний*$_1$, *полуночний, запівнічний*, блр. *палудзенны, полуднёвый* [16: 463], *паўночны*, русин. *дополуднёвый, полуднёвый, пополуднёвый, пувночный*.

Сфера «Природа» включает те же части речи, но наиболее представительной здесь является субстантивная группа. К ней относятся, во-первых, названия юга (рус. *полдник*$_5$, *половиндень*$_4$, *полуденье*$_3$ и др., укр. *південь*^{2}, блр. *поўдзень*$_2$), севера (рус. *пол(у)ночь*$_3$, укр. *північ*^{2}, блр. *поўнач*$_2$) и других частей света (рус. *полдень*$_{16}$ 'запад', *полуночник*$_3$ 'северо-восток'). От этой подгруппы образованы соответствующие ей семантикой наречия (блр. *па-паўночнаму*, укр. *по-південному, північніше*) и прилагательные – практически все указанные при описании предыдущей номинативной сферы адъективы имеют вторым-третьим «ориентирные» значения 'южный' / 'северный', дополненные 'западный' у *полуденный*$_6$ и 'северо-восточный' у *подполуночный*.

С данной подгруппой тематически сближены наименования природных явлений, включающие:

а) названия движения масс воздуха или воды – прежде всего ветров (*полден*$_6$, *полуден*$_3$, *полде / ённик*$_1$, *приполдень* 'южный ветер', *полуденка*$_{2a}$ 'суховей', *полдень*$_{16}$, *полудник*$_{6a}$ 'юго-западный ветер', *полднюха, полдняк* 'теплый юго-западный ветер', *полуденник*$_4$ 'юго-западный / юго-восточный / теплый / попутный ветер', *полде/ённица*$_1$ 'южный или юго-восточный ветер', *полночь*$_4$ 'северный ветер', *полуночник*$_4$ 'северный / северо-восточный / северо-западный ветер'), *полуденная*

верховка ‘северо-восточный ветер’, а также *полудёна*$_{2}$ ‘ненастье, идущее с юга’, *полуночница*$_{6}$ ‘уровень воды на море в полночь, ночью’, *полуночное течение* ‘холодное морское течение с юга на север, к берегу’, *полуденка*$_{3}$ ‘речка, текущая на юг’ (рус.);

б) наименования астрономических явлений: рус. *заря-полуденница* ‘утренняя заря’, *Полуночница*$_{3}$, *Полночная звезда* ‘Полярная звезда’, *Полуночница*$_{4}$, *Полуночная*, ж., а также *Полуночная заря* и блр. *Паўночная зорка* ‘планета Венера’, *паўночнае ззянне* и укр. *Північне сяйво* ‘северное сияние’, укр. *південник* (устар.) и русин. *полудник* ‘меридиан’ [10: 126].

Еще одно лексическое объединение – название растений и животных разного вида. Так, флористическую подгруппу составляют: рус. *полдёнышек* ‘купальница’, *полуденка*$_{7}$, *полудник*$_{7}$ ‘лапчатка прямая’, *полуденник* со значениями ‘цикорий дикий’, ‘кормовое растение типчак’, ‘растение и ягода княженики’, *полудника* ‘земляника’, *полуночный цвет* ‘растение семейства бобовых’, *полунушник* ‘растение семейства зонтичных’, блр. *паўночнік* ‘короставник полевой’ (используется при лечении разных кожных заболеваниях, зуде), укр. *полуночник* ‘скорзонера, зміячка, Scorzonera L. козелец, черная ножка. Сорняк, который может культивироваться как овощное или медицинское растение’ [7: 505]. Подобных единиц в языке русинов обнаружить не удалось, хотя исследовательницей И.В. Горофянюк отмечалось, что темпоральные характеристики используются ими в наименовании растений в 4,3% случаев [4: 101]. Представителей фауны, проявляющих себя в эти периоды, немного: рус. *полуночник*$_{8}$ ‘зверь, который охотится только ночью’, $_{9.}$ ‘ночная насекомоядная птица козодой’, $_{10.}$ ‘летучая мышь’; *полуночница*$_{7}$ ‘козодой’, $_{8.}$ ‘летучая мышь’; *полднёвка*$_{4}$ ‘насекомое-однодневка, эфемерида’, укр. *полуденник* ‘вид мухи-журчалки с яркой расцветкой’.

Номинативная сфера «Человек» представлена существительными и глаголами, прилагательными – только в составе фразеологизированных сочетаний. Ими обозначаются субъекты периодов или пространств, их действия, результаты, место, объекты деятельности. Так, агентивная лексика – это названия людей и мифологических персонифицированных существ. Первую подгруппу составляют названия жителей юга (блр. *палудзеннік, палудзенніца*, укр. *південець, південка, південці*) и севера (блр. *паўночнік, паўночніца*, укр. *північанин, північанка, північани*), а также имена тех, кто проявляет активность в полуденное и полуночное время: рус. *полудница*$_{1,2,5}$ ‘неопрятная, ленивая женщина’; ‘женщина, любящая ходить по чужим домам в дневное (рабочее) время’, ‘бранное слово (по отношению к женщине)’ [21: 144], *полуночник, полуночница* – ‘ребенок, который плачет по

ночам'; 'тот, кто поздно ложится спать', то же – рус. *полуночный*, м., укр. *опівнічник, опівнічниця* и блр. *паўночнік, паўночніца*. В этом ряду особняком стоит русин. *дополуднярь* 'пастух, який пасе вівці у першій половині дня' [5: 61] как не имеющее отрицательных коннотаций.

Кульминационные моменты суток представлялись древним русичам опасным временем с массой запретов и предписаний, когда жизнь людей должна была замирать, а разного рода мифические существа начинали проявлять активность [12: 131; 13: 142; 31: 215]. Это породило большое количество наименований потусторонних сил от названий этих периодов, среди них рус. *полдневой*, м. 'дух, обитающий в воде, болотах', *полуденный*, м. 'нечистая сила, черт', *полудённый домовой* 'действующий в полдень', *полудница*$_4$ – мифическое существо (*русалка*; *полевница* в виде молодой женщины, прижигающей колосья раскаленной сковородой; огородница в образе старой, в лохмотьях женщины), *полуночник*$_{14}$ 'домовой, который в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам', *полуночница, полуночная баба* 'злой дух, беспокоящий детей; вызывающий судорожный кашель у людей, (обычно по ночам). Значительная часть из них, имея широкие ареалы, известна большинству славянских языков, но их значение может варьироваться на разных территориях. Так, *полудницы* в Сибири – это старухи, живущие в бане или в кустах крапивы, оберегающие огороды от набегов детей, на Русском Севере – это молодая женщина / девушка, охранительница ржаных полей [19: 88], в Полесье она живет в лесах и сбивает путников с дороги [12: 132] и т. д. Использованные источники позволили также выявить блр. *паўдённик* 'тот, кто утаскивает купающихся в полдень', *полудзенник* 'черный человек из покойников', *паўдзённы бес* 'тот, кто показывается на кладбище в образе умершего родственника, пугает людей', *паўночнікі* 'ночные демоны, проявляющие себя дикими криками, свистом и ревом' [12: 132; 13: 145].

Одним из зол, насылаемых этими существами на людей, являются болезни, которые получают названия по времени их проявления или имени «нежити» – агента, инициатора подобных состояний человека. Так, в «Словаре русских народных говоров» зафиксированы *полуденник* 'солнечный удар', *полуночники* 'ночная ломота, костолом от дурной болезни', *полуночный лихач* 'болезнь, насылаемая злым духом', *полуночник* 'детская болезнь, сопровождающаяся зудом и ростом щетинистых волосков по позвоночнику'; 'припадки у детей по ночам', *полуденна(я)*, ж., *полуночна*, ж., 'олицетворение бессонницы', *полуношница* 'бессонница'; 'продолжительный судорожный кашель' [21: 142–157]. Как следует из материала, чаще это болезненное состояние детей, вызванное нарушением сна. Т.А. Агапкина, рассматривая сюжетику восточнославянских заговоров от бессонницы,

общего беспокойства, плача детей, дополняет список таких названий: «*писки да верески, ночной воп да дневной рык*» (рус.), «*крыксы-вярыксы начныя і палуначныя, дзяныя і палудзяныя*» (бел.), «*чи крикси, чи плакси, чи зикси, чи ворекси, чи нощниці, чи полуночниці, чи бабиці*» (укр.) [1: 19]. Ее работа включает и большое количество русинских источников (см.: Я. Балагур, П.Г. Богатырев, А. Онищук, В. Шухевич и др.), которые отнесены автором к украинским текстам [1: 115–123]. Так, в русинский материал могут быть включены, например, *крички* (33), *деннии денници, ночнии ночници, денная денница-полуденница* (13). Среди восточнославянских наименований бессонницы, восходящих к *полночь* и *полдень*, встречаются также: *полуношник, полуночница / полуночныцы / полунішныці, стрепетуха-полуночница, ноченько-полуноченько / ноченка-полуноченка, полуденница, дневная (утренна / полуденна) полуношница* и др., свидетельствующие о восприятии обоих периодов как опасных для человека [1: 13–14]. В текстах заговоров эти болезненные состояния могут также выступать в образах неких природных явлений, проявляющихся свечением неба, типа *заря-полуночница*, что дополняет одну из зон сферы «Природа»[6].

Семантика ‘действие, деятельность периода’ выражается субстантивной и глагольной лексикой. В первой группе: рус. *полудёнок*$_3$ ‘лов рыбы в полдень’, *полдень*$_{10}$ ‘кормление лошадей в полдень’, рус. *полуночник*$_7$ и русин. *полунощниця* ‘полуночное богослужение’ [10: 126], причем наиболее частотной оказывается маркировка приема пищи и отдыха, перерыва в работе (рус. *ополдень*$_1$, *полдничанье, полдня*$_3$, *полуденье, полудни, полудновик, полуднок, полудность* и др., укр. *полуднання, полуднування* [30: 101], русин. *полуденок*, блр. *палуднаванне* ‘прием пищи; обед’, *полудник* ‘полдник, перекус’ [16: 470] и др.). В СГ *полночь* по одному глаголу в двух языках с общим значением ‘поздно ложиться спать, быть полуночником’: рус. *полуночничать*, блр. *паўночнічаць*, в СГ *полдень* они наличествуют во всех языках и в большем числе, хотя значения однотипные: рус. *пол(у)дничать пол(у)дновать / пополудновать, полудна / ять, пондлевать* ‘принимать пищу: обедать / полдничать / завтракать // отдыхать’, а также блр. *паўднаваць / папалудноваць* ‘обедать’, *полудниковаць / пополудниковаць / переполудниковаць* ‘полдничать’; ‘отдыхать в полуденное время’ [16: 470], укр. *полуднати / дополуднати, полуднувати / дополуднувати* ‘принимать пищу между обедом и ужином, полдничать’, русин. *полудновати / наполудновати / пополудновати, полуденковати* [10: 126], *полуднувати* [14: 369] ‘обедать’. В этом ряду выделяется рус. *полдневать*, *полудновать* ‘умирать, лежать на смертном одре’ [21: 145].

Остальные группы в данной номинативной сфере малочисленны. В их числе лексика с обозначением места – это единицы с семантикой

'место препровождения времени' (рус. *полдень*$_{12}$ 'место полуденного отдыха, водопоя скота и дойки коров', то же – *полдневище*$_{1}$, *полднева, полудни*$_{4}$) и 'место пребывания, существования' (рус. *полднева, полдень*$_{14}$, *полдничек* 'южный склон горы', блр. *Поўнач* 'Север, северная местность' – *народы Поўначы*, укр. *Крайня Північ* 'Крайний Север'). Еще одна подгруппа – названия домашних животных – объект ухода, заботы людей: рус. *полднёха* 'корова, отелившаяся в полдень', наименования скота второго года жизни (см. выше). Последнее объединение представляет продукты деятельности периода / для периода. Так, наиболее последовательно в языках маркируется еда как результат метонимического переноса с названий приема пищи, которые уже описаны (см.), а также 'подойник' (*полденка*$_{2}$, *пол(у)денница*$_{2}$, *полднёвка*$_{3}$, *полуденка*$_{4}$), 'молоко полуденного удоя' (*полденник*$_{2}$, *полденошник*), 'огородное пугало' (*полудница*$_{5}$).

Заключение

Таким образом, будучи наследниками древнерусского языка, современные восточнославянские языки существенным образом развили данные гнезда в количественном и содержательном аспектах. Сравнение обнаруживает в них несомненно бóльшую мощность гнезда *полдень* по сравнению с *полночь*, что объясняется наличием у слова множества значений, обусловленных в свою очередь особой ролью светлого времени в жизни человека. Свой вклад в развитие первого СГ внесли и многочисленные глаголы в его составе, обладающие наивысшей словообразовательной активностью из грамматических классов, тогда как во втором эта часть речи представлена единично.

Деривационные потенции вершин СГ явнее всего показывают количественный состав гнезд в русском языке, наиболее полно описанный в лексикографических источниках Нового и Новейшего времени. Они же продемонстрировали, что номинативно-словообразующие возможности этих слов реализовались преимущественно в народной речи, породив в ней богатую синонимию лексических средств. Семантика исходных слов определила характер номинативных сфер, маркируемых производными единицами («Время», «Природа», «Человек»), отразивших накопленный социально-мировоззренческий опыт близкородственных народов, их тесную взаимосвязь.

Структура и значение дериватов в разных языках обладают как общими, так и особенными чертами. Они выражаются одно- (рус. *ополночь*, укр. *опівніч*, блр. *апоўначы*, русин. *опівнічь, упувночи*) или разномодельностью (укр. *південець*, бел. *поўдзеннік*; рус. *южанин*, русин. *югівець*) образований, различной степенью проработанности отдельных сфер номинации. К уникальным дериватам с формаль-

ной и содержательной стороны этих близкородственных языков относятся, например, рус. *межполдень* 'южная сторона', *однополдёнок* 'светлое время суток', многочисленные названия подойника и молока полуденного удоя и др., укр. наречия *південніше* 'южнее', *північніше* 'севернее', блр. наименования «нежити», русин. *дополуднярь* 'пастух', *упідполудне* 'около полудня' и проч.

Все производные демонстрируют номинативно-деривационный потенциал наименований кульминационных моментов светлого и темного времени суток, развивавшийся, в т. ч. под влиянием друг на друга близкородственных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Славянские языки в области словообразования обнаруживают ярче всего единство как способов словообразования, так и словообразовательных средств, унаследованных из праславянской эпохи» [2: 41].

2. Так, в [25: 202] Л.В. Вялкина приводит значение 'обед, обеденный прием пищи' для формы ед. ч. [3: 36].

3. См., напр., астрономические понятия: рус. *истинный / средний полдень*, блр. *сапраўдны / сярэдні поўдзень* [18: 464], укр. *справжня північ*[1] */ полуніч*[1] [30: 103].

4. Подобную картину можно наблюдать и с другими словами: так, среди значений слова *уденье* встречаются полдень; время после полудня; время пригона коров с поля на отдых (обычно с 12 до 15 часов) [22: 292].

5. На их основе образован ряд фразеологизмов: *знать свиные полдни* – 'быть взрослым, искушенным в чем-л.'; *не знать свиных полдней* – 'ничего не смыслить в жизни, не иметь никакого жизненного опыта'; *справлять свиные полдни* – 'слишком поздно (после полудня) делать то, что обычно делают рано утром' [22: 292].

6. По мнению Т.А. Агапкиной, в следующем фрагменте белорусского заговора перечень болезней переходит в перечень зорь, которых призывают забрать недуг от ребенка: «Забяры с мае Мані крыкі, зыкі, начніцы, полуначніцы, начныя-палуначныя, вячэрнія-палувячэрнія, дзяняшнія-палудзяняшнія» [1: 15].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр. – белорусский язык; болг. – болгарский язык; венг. – венгерский язык; ласк. – ласкательное; м. – мужской род; мн. ч. – множественное число; нем. – немецкий язык; о.-с. – общеславянский язык; обл. – областное; поэт. – поэтическое; рус. – русский язык; русин. – русинский

язык; схв. – сербохорватский язык; укр. – украинский язык; устар. – устаревшее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агапкина Т.А.* Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте. 1. Детская бессонница и крик; 2. Заговоры от кровотечения и раны // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М., 2006. С. 10–123.

2. *Вендина Т.И.* Словообразовательные особенности восточнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М.: Наука, 1985. Вып. 16. С. 41–67.

3. *Вялкина Л.В.* Об одной лексико-семантической группе в славянских языках (слова, обозначающие временные отрезки, связанные с принятием пищи) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1973. М.: Наука, 1975. Вып. 7. С. 29–42.

4. *Горофянюк И.В.* Народные названия растений как фрагмент языковой картины мира русинов // Русин. 2018. № 2 (52). С. 89–106. DOI: 10.17223/18572685/52/7

5. Гуцульскі говірки. Короткий словник / Від. ред. Я. Закревська. Львів, 1997. 232 с.

6. Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 1989. Т. 3. 549 с.

7. Етимологічний словник української мови: в 7 т. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. 656 с.

8. *Ивашина Н.* Некоторые аспекты категоризации временных понятий в славянских языках // Sborníkprací filozofické fakulty Brněnské University studia minora facultatis philosophicae universitatis Brunensis A 56. 2008. LINGUISTICA BRUNENSIA. С. 59–75.

9. *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1. 608 с.

10. *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2. 608 с.

11. *Крыга Т.И.* Лексика с семантикой времени в разных лингвокультурах и ее отражение в ассоциативных словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 399–403.

12. *Левкиевская Е.Е.* Полдень // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 131–133.

13. *Левкиевская Е.Е.* Полночь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 142–145.

14. *Матіїв М.Д.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь: Ната, 2013. 602 с.

15. *Моисеев Б.А.* Оренбургский областной словарь. 5 698 слов и словосочетаний. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.

16. *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия / Сост. И.И. Носовичем. СПб., 1870. 756 с.

17. *Піскунов Ф.* Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.

18. Русско-белорусский словарь. Около 86 000 слов. / Под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. 789 с.

19. Славянская мифология: словарь-справочник / Сост. Л.М. Вагурина. М.: Линор & Совершенство, 1998. 320 с.

20. Словарь русских народных говоров. М.: [б. и.]; Л.: Наука, 1987. Вып. 22. 368 с.

21. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2003. Вып. 29. 346 с.

22. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2013. Вып. 46. 349 с.

23. Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2014. Вып. 47. 352 с.

24. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1989. Вып. 15. 288 с.

25. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. Вып. 16. 295 с.

26. Словник української мови. Кїев: Наукова думка, 1971. Т. 2. 550 с.

27. Словник української мови. Кїев: Наукова думка, 1972. Т. 3. 744 с.

28. Словник української мови. Кїев: Наукова думка, 1974. Т. 5. 840 с.

29. Словник української мови. Кїев: Наукова думка, 1975. Т. 6. 832 с.

30. Словник української мови. Кїев: Наукова думка, 1976. Т. 7. 723 с.

31. *Толстая С.М.* Сутки // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 212–218.

32. *Толстой Н.И.* О природе связей бинарных противопоставлений типа правый–левый, мужской–женский // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Наука, 1987. С. 169–183.

33. *Топоров В.Н.* Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161–166.

34. *Топоров В.Н.* Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга // Исследования по этимологии и семантике. М., 2006. С. 166–197.

35. Mali rječnik lemkivskog govora ukrajinskog jezika // Ur. Pavlešin A. Zagreb: Društvo za ukrajinsku kulturu, 2007. 290 s.

REFERENCES

1. Agapkina, T.A. (2006) Syuzhetika vostochnoslavyanskikh zagovorov v sopostavitel'nom aspekte [The plot of the Eastern Slavic conspiracies in the comparative aspect]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan Folklore. Semantics and Pragmatics of the Text]. Moscow: Indrik. pp. 10–123.

2. Vendina, T.I. (1985) Slovoobrazovatel'nye osobennosti vostochnoslavyanskikh yazykov (v sravnenii s drugimi slavyanskimi yazykami) [Word-formation specificity of East Slavic languages (in comparison with other Slavic languages)]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya* [General Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. Vol. 16. Moscow: Nauka. pp. 41–67.

3. Vyalkina, L.V. (1975) Ob odnoy leksiko-semanticheskoy gruppe v slavyanskikh yazykakh (slova, oboznachayushchie vremennye otrezki, svyazannye s prinyatiem pishchi) [About one lexico-semantic group in Slavic languages (words denoting time associated with eating)]. In: Avanesov, R.I. (ed.) *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya* [General Slavic Linguistic Atlas. Materials and Research]. Vol. 7. Moscow: Nauka. pp. 29–42 [

4. Gorofyanyuk, I.V. (2018) Folk names of plants as a fragment of the Rusin language picture of the world. *Rusin*. 2(52). pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/7

5. Zakrevska, Ya. (1997) *Gutsul'ski govirki. Korotkiy slovnik* [Hutsul dialects. Concise Dictionary]. Lvov: NAS of Ukraine.

6. Melnichuk, O.S. (ed.) (1989) *Etimologichniy slovnik ukraïnskoï movi: v 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

7. Melnichuk, O.S. (ed.) (2003) *Etimologichniy slovnik ukraïnskoï movi: v 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vols]. Vol. 4. Kyiv: Naukova dumka.

8. Ivashina, N. (2008) Nekotorye aspekty kategorizatsii vremennykh ponyatiy v slavyanskikh yazykakh [Some aspects of the categorization of temporal concepts in Slavic languages]. *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské University studia minora facultatis philosophicae universitatis Brunensis A 56 – LINGUISTICA BRUNENSIA*. 56. pp. 59–75.

9. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PolyPrint.

10. Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PolyPrint.

11. Kryga, T.I. (2009) Time semantics vocabulary in associative dictionaries and different linguistic cultures. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2(24). pp. 399–403. (In Russian).

12. Levkievskaya, E.E. (2009a) Polden'. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 131–133.

13. Levkievskaya, E.E. (2009b) Polnoch'. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 142–145.

14. Matiïv, M.D. (2013) *Slovnik govirok tsentral'noï Boykivshchini* [Dictionary ofCentral Boykivshchyna dialects]. Kiev; Simferopol: Nata.

15. Moiseev, B.A. (2010) *Orenburgskiy oblastnoy slovar'* [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg: Ministry of Education and Science Federation, Orenburg State Pedagogical University.

16. Nosovich, I.I. (1870) *Slovar' belorusskogo narechiya* [Dictionary of Belarusian Dialect]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

17. Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskiy slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [Little-Russian – Red Ruthenian Dictionary of Live and Act Language]. 2nd ed. Kiev: E.A. Fedorov.

18. Kolas, Ja., Krapiva, K. & Glebka, P. (eds) (1953) *Russko-belorusskiy Slovar'* [Russian-Belarusian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

19. Vagurina, L.M. (1998) *Slavyanskaya mifologiya. Slovar'-spravochnik* [Slavic Mythology. Reference Dictionary]. Moscow: Linor & Sovershenstvo.

20. Filin, F.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 22. Moscow; Leningrad: Nauka.

21. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2003) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 29. St. Petersburg: Nauka.

22. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2013) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 46. St. Petersburg: Nauka.

23. Myznikov, S.A. (ed.) (2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 47. St. Petersburg: Nauka.

24. Filin, F.P. (ed.) (1989) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 15. Moscow: Nauka.

25. Filin, F.P. (ed.) (1990) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 16. Moscow: Nauka.

26. Bilodid, I.K. (ed.) (1971) *Slovnik ukraïns'koï movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka.

27. Bilodid, I.K. (ed.) (1973) *Slovnik ukraïns'koï movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 3. Kiev: Naukova dumka.

28. Bilodid, I.K. (ed.) (1974) *Slovnik ukraïns'koï movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 5. Kiev: Naukova dumka.

29. Bilodid, I.K. (ed.) (1975) *Slovnik ukraïns'koï movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 6. Kiev: Naukova dumka.

30. Bilodid, I.K. (ed.) (1976) *Slovnik ukraïns'koï movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 7. Kiev: Naukova dumka.

31. Tolstaya, S.M. (2009) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. V 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. In 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 212–218.

32. Tolstoy, N.I. (1987) O prirode svyazey binarnykh protivopostavleniy tipa pravyy-levyy, muzhskoy-zhenskiy [On the nature of the connections in binary oppositions of the right-left, male-female type]. In: Uspensky, B.A. (ed.) *Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of Culture and Problems of Translatability]. Moscow: Nauka. pp. 169–183.

33. Toporov, V.N. (1980) Model' mira (mifopoeticheskaya) [World model (mythopoetic)]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sov. entsiklopediya. pp. 161–166.

34. Toporov, V.N. (2006) *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies in etymology and semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 166–197.

35. Pavlešin, A. (ed.) (2007) *Mali rječnik lemkivskog govora ukrajinskog jezika* [Concise dictionary of Lemko dialect of Ukrainian language]. Zagreb: Društvo za ukrajinsku kulturu.

Соколова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Tatyana S. Sokolova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Galina N. Starikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru

международный исторический журнал

Русин

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2020. № 61

Республиканская общественная ассоциация «**Русь**»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 224 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: http://www.rusyn.md
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: http://journalrusin.ru

Подписано к печати 30.09.2020. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 250 экз.
Заказ 53.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2020 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

НАСТУПЛЕНИЕ

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

1914 г.

Источник: Н. Гумилев. Колчан. Пг.: Гиперборей, 1916. С. 55—56.